НАСЕЛЕНИЕ КУРИЛ ХОЧЕТ ОСТАТЬСЯ В РОССИИ. **И ЖИТЬ НА ЯПОНСКУЮ ПОМОЩЬ** Стр.28

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 5 СЕНТЯБРЯ 2000

www.itogi.ru

Итоги

вместе с Newsweek

Что еще?

Стр.12-23

9 771027 396001

№ 36 (222)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве

и Московской об… …жевске, Иркутске,
Петербурге, Арха… …алуге, Кинешме,
Астрахани, Барн… …остроме, Краснодаре,
Владивостоке, В… …ске, Мончегорске,
Волгограде, Воло… …ске, Нерехте,
Воронеже, Выб… …роде, Н.Тагиле,
Екатеринбур… …де, Новокузнецке,
Новосибирске, Обнинске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Тюмени, Ульяновске, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в странах СНГ: **Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Украине**. Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Польше, США, Финляндии, Швейцарии.**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 5 сентября 2000 № 36 (222)

Интернет-версия по адресу: **www.itogi.ru**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Останкинская катастрофа действительно оказалась сильно перегружена символическими смыслами. Удивительно, как много было среди этих символов таких, которые, по существу, несли характер саморазоблачений. Одним из них стало явление публике картины далеко зашедшего морального распада, поразившего само же российское «телевизионное сообщество». **Стр. 12-23**

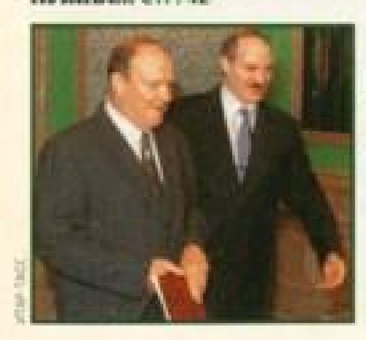

Российский президент, приехавший с визитом в Японию, отдувается за своего предшественника, который обещал решить проблему спорных островов в 2000 году. Сами их обитатели ни за что не согласны отдавать острова японцам, но и жизнь здесь обустроить то ли не могут, то ли не хотят. **Репортажи с Курил и из Японии.** **Стр. 24**

Два указа, подписанные на минувшей неделе, в корне меняют структуру управления и статус Большого театра. **В очередной раз судьбу главного театра России определили не художественные, а политические обстоятельства** **Стр. 51**

БЕЛОРУССКОЕ РУКОВОДСТВО ОПЯТЬ МЕЧТАЕТ О СОЮЗЕ С РОССИЕЙ. ОНО И ПОНЯТНО: У БЕЛОРУСОВ **УБОРОЧНАЯ СТРАДА В РАЗГАРЕ — ОПЯТЬ ИМ ОЧЕНЬ СОЛЯРКА НУЖНА...** СТР. 42

ГЛАВНАЯ ТЕМА

В РОССИИ И ВОКРУГ

СПОРТ

ДЕЛО

СИДНЕЙ-2000.
ХУАН АНТОНИО САМАРАНЧ, КАЖЕТСЯ, НЕ СЛИШКОМ УДАЧНО ВЫБРАЛ МЕСТО ДЛЯ ТРИУМФАЛЬНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ КАРЬЕРЫ
СТР. 37

ВИМ ВЕНДЕРС ЗАБИЛ ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ В ГРОБ ЕВРОПЕЙСКОГО «АВТОРСКОГО КИНО» СТР. 54

БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВО

ИСКУССТВО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДНЕВНИК

... И КРОМЕ ТОГО

На обложке фото **AP, Руслана Ямалова**

Человеческий материал

КАК И ПРЕДПОЛАГАЛИ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД «ИТОГИ», РЕШЕние британского правительства, давшего зеленый свет клонированию человеческих эмбрионов в научных и медицинских целях, вызвало бурю негодования. Наивные англичане, правда, надеялись, что в ходе предварительной дискуссии противники клонирования поймут: речь не идет о тиражировании людей. Видимо, в комиссии Лайема Доналдсона не нашлось специалиста по психиатрии, который бы предупредил коллег, что страдающие невротическими страхами подлежат не переубеждению, а лечению.

Впрочем, помимо профессиональных истериков, которым при любом упоминании о клонировании сразу мерещатся вылезающие из пробирок толпы свеженьких гитлеров, откликнулись и профессиональные блюстители чужой нравственности. Папа Римский воспользовался проходящим в итальянской столице международным конгрессом по проблемам трансплантации, чтобы подтвердить: католическая церковь считает морально не приемлемыми любые манипуляции с живыми человеческими эмбрионами.

Аргументы римского первосвященника кажутся довольно вескими. Действительно, можно сколько угодно рассуждать о том, что возражения против клонирования логически противоречивы: запрет доращивать клонированные эмбрионы до рождения предполагает их тождественность человеку-донору, а запрет использовать их как биоматериал — их индивидуальность и самоценность. Тем не менее сама мысль о зачатии, целью которого станет разъятие живого человеческого зародыша на «запчасти» или материал для лабораторных исследований, представляется любому нормальному уму несуразной и отвратительной. Однако уже через сутки его выступление получило достойный ответ — в том же зале и перед той же аудиторией. Профессор Ян Уилмут, автор методики клонирования млекопитающих, напомнил, что в мире ежегодно отправляются в помойку десятки (если не сотни) тысяч живых человеческих эмбрионов. Как известно, в развитых странах для лечения некоторых форм бесплодия применяется оплодотворение в пробирке. В каждом таком случае оплодотворяется некоторое число материнских яйцеклеток, значительная часть которых после этого начинает нормально развиваться. Из них одна отправляется в лоно счастливой пациентки, а остальные (невидимые простым глазом скопления недифференцированных клеток, не обнаруживающих никаких признаков болевой или иной чувствительности) — в лучшем случае в сосуд с жидким азотом. Почему нельзя использовать эти «отходы производства» для спасения чужих жизней?

Всего огромного авторитета Папы не хватило для того, чтобы остановить публичное обсуждение «терапевтического клонирования», даже в традиционно католической Италии. Секретарь Трибунала прав больных Тереза Петранголини заявила, что «научные исследования должны служить тем, кто страдает, а мы пока что присутствуем при идеологических и религиозных войнах». А президент национальной ассоциации больных синдромом Альцгеймера (входящего в список болезней, путь к лечению которых должны открыть исследования на эмбрионах) Габриэлла Сальвини Порро напомнила, что в медицине торможение научных исследований оплачивается человеческими жизнями. ■ **Борис Жуков**

А ты азартен, Керри

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК АВСТРАЛИИ Керри Пэкер стал самым неудачливым игроком мира. За десять месяцев он проиграл в казино 40 млн. долларов! Сначала он лишился 16 млн. долларов в лондонском казино «Крокфордс» — это был самый крупный проигрыш за всю историю игорного дела Великобритании. Затем было несколько «мелких проигрышей», и вот нынешним летом снова рекорд — 20 млн. долларов за три дня в Лас-Вегасе, при этом 17 млн. за один день. Впрочем, 40 млн. — небольшая потеря для Пэкера, состояние которого оценивается в 4,6 млрд. долларов США. Пэкер — владелец австралийской медиа-группы Packer's Publishing & Broadcasting Ltd, ему принадлежит самое большое казино Австралии — «Краун» в Мельбурне. Играет Пэкер главным образом в баккара и любит поставить 100 — 150 тыс. долларов на кон.

Живой сувенир

ЗАЩИТНИКИ ЖИВОТНЫХ ПОДАЛИ В суд на корпорацию «Дисней», которая, по их мнению, угрожает далматинцам. Вызвано это тем, что корпорация намеревается выпустить в ноябре продолжение легендарного мультфильма под названием «102 далматинца». Широкая рекламная кампания, продажа сувениров (около 17 тыс. наименований) и в первую очередь сам просмотр фильма побуждают многих обзавестись далматинцем, а между тем собаки этой породы подходят отнюдь не всем. Представители этой породы отличаются нервностью, раздражительностью и непредсказуемостью в поведении с детьми и чужими. Кроме того, 26% из них — глухи. Огромное количество приобретенных собак потом попадает в приюты, а «Дисней» не несет за это никакой ответственности. Однако представитель Walt Disney Motion Pictures Group Ричард Кук уверил общественность, что новый фильм пропагандирует заботливое отношение к домашним животным.

Против мафии магия бессильна

ИЗВЕСТНЫЙ МАГ ДЭВИД КОППЕРфильд был вынужден обратиться в суд: даже невероятные способности не помогли ему вернуть полмиллиона долларов. Иллюзионист вчинил иск страховой компании Fireman's Fund Insurance, обвинив ее в нежелании выплачивать ему страховое вознаграждение в связи с убытками, понесенными в России. Дело в том, что Копперфильду никак не удается вернуть оборудование для шоу общей стоимостью 4 млн. долларов, поскольку после его последнего российского выступления (в декабре прошлого года) таинственным образом исчезли бумаги, разрешающие беспошлинный ввоз и вывоз оборудования из России. А без документов вывезти контейнер было невозможно. Позднее Копперфильд узнал, что таможенными документами завладела компания, связанная, как он считает, с русской мафией. Представители компании потребовали с Копперфильда денег, угрожая уничтожить его таможенные документы. Маг уплатил нужную сумму, а затем обратился в страховую компанию с требованием возместить убытки на сумму в 506 343 доллара, понесенные в процессе возврата собственности. Но компания ему отказала, поскольку маг не понес расходов, связанных с «захватом или разрушением собственности по распоряжению правящих властей». ■

Битва за Климта

ЖИТЕЛЬНИЦА ЛОС-АНДЖЕЛЕСА 84-летняя Мария Альтманн обратилась к австрийским властям с требованием вернуть ей шесть полотен Густава Климта из коллекции ее семьи, которые сейчас находятся в Государственной австрийской галерее. Картины принадлежали ее дяде, сахарному магнату Фердинанду Блоху-Бауеру. Цена одного из двух самых известных полотен Климта с изображением тетки Марии Альтманн — известной коллекционерши Адель Блох-Бауер — колеблется от 50 до 60 млн. долларов. Общая же стоимость всех работ, затребованных мисис Альтманн, составляет 150 млн. долларов. Австрийские власти признают ее право на определенную часть коллекции Блохов-Бауеров, однако ссылаются на завещание Адели 1923 года, в котором она просит своего мужа «передать картины в Государственную галерею». Мария же утверждает, что ее дядя наверняка отдал бы фамильные ценности своим двум племянницам и племяннику, а не Австрии, особенно после того, как с ним там обошлись. В 1938 году, когда он был вынужден бежать, нацисты присвоили и дом, и коллекцию. Никакой компенсации дядя, умерший в 1945 году в Цюрихе, не получил, а часть картин попала в коллекции Гитлера и Геринга.

Иствуд и дожи

В ПРОШЛУЮ СРЕДУ ОТКРЫЛСЯ ВЕНЕЦИанский кинофестиваль — один из трех самых главных киночемпионатов наряду с Каннским и Берлинским. Венеция — единственное фестивальное место в мире, куда голливудские звезды приезжают не только по делу (для раскрутки новых проектов), но и просто отдохнуть. Еще бы: ведь фестиваль до сих пор опекают потомки дожей, умеющие обеспечить звездам небывалый прием. Звездой № 1 первой венецианской недели (а фестиваль продлится до ближайшей субботы) стал Клинт Иствуд — актер и режиссер, ценимый не только массами, но и интеллектуалами. В этом году по случаю своего 70-летия главный мачо Голливуда 70 — 80-х годов получает премии одну за другой. В Венеции ему вручили почетного «Золотого льва» (фестиваль открылся его картиной «Космические ковбои»). В конкурсе — новейшие ленты мэтров Роберта Олтмена, Мануэля де Оливейры, Рауля Руиса, Стивена Фрирза, а также знаменитостей нового поколения — Салли Поттер, Клары Ло, Шарунаса Бартаса. Долгожданную «Москву» нашего Александра Зельдовича, снятую по сценарию самого Владимира Сорокина, покажут вне конкурса.

В Мекку за эротическим бельем

СЕТЬ СЕКС-ШОПОВ «АНН САММЕРС» открывает магазин в столице исламского мира — городе Мекке. Полный ассортимент товаров, обычных для такого рода магазинов, здесь продавать все-таки не будут и ограничатся только «экзотическим» нижним бельем, к тому же весь персонал магазина будет мужским. «Анн Саммерс» получила разрешение на открытие 22 аналогичных магазинов на Ближнем Востоке, в частности, в Дубае, Бахрейне, Кувейте, Египте, Катаре, Абу-Даби и, возможно, в Омане. ■

Крах «Слоновьего сортира»

«ЛЕСТНИЦА В НИКУДА» (или «Слоновий сортир») — произведение немецкого художника Густава Ланга, занимавшее достойное место на площади города Кассель (Германия), — разрушена из-за протестов неблагодарных горожан. По замыслу художника огромная (11 метров в высоту и 32 метра в ширину) деревянная лестница с трамвайной остановкой, телефоном и туалетом должна была стать популярным местом встреч. Однако кассельцы, особенно владельцы близлежащих магазинов, решили, что она привлекает наркоманов и вообще портит пейзаж. Многие грозили ее сжечь. «Возникла опасность, что горожане станут вершить правосудие сами», — оправдывался мэр города Георг Левандовский. Адвокат художника заявил, что будет добиваться законности, так как его клиент не получил даже официального уведомления о сносе. Лестница была установлена в 1992 году, в то время когда в Касселе проходила выставка современного искусства «Документа». Следующая выставка намечена на 2002 год. Интересно, какое произведение останется от нее в подарок строптивым жителям Касселя?

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО «ЗВЕЗДА ТАИБА», СОЗДАННОЕ ОДНОЙ ИЗ ФИРМ В ОАЭ, ВПОЛНЕ МОЖЕТ ПОПАСТЬ В КНИГУ РЕКОРДОВ ГИННЕССА. **ВЕС САМОГО КОЛЬЦА — 62 КИЛОГРАММА, А СЕМЬ УКРАШАЮЩИХ ЕГО КАМНЕЙ ТЯНУТ НА 25,850 КАРАТА.** ПОЛЮБОВАТЬСЯ НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА МОЖНО В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА ДУБАЙ

Лучшие анекдоты недели

с сайта www.anekdot.ru

ТРОЙКА ЛУЧШИХ АНЕКДОТОВ САЙТА WWW.ANEKDOT.RU СОТРУДНИКАМ «ИТОГОВ» в целом понравилась. Мало того — занявший в «народном» голосовании лишь 2-е место анекдот (средний балл 1.119, 1047 голосов «за») в нашем рейтинге попал на первое. Но два других призера, по некотором размышлении, были заменены победителями «домашнего» рейтинга. Итак:

1. Звонок на фирму, которая занимается ремонтом компьютеров:
— Мой принтер начал плохо печатать!
— Вероятно, его надо просто почистить. Это стоит 50 долларов. Но для вас будет лучше, если вы выполните эту работу сами.
Клиент, удивленный такой откровенностью, спрашивает:
— А ваш босс знает, что вы таким образом препятствуете бизнесу?
— На самом деле, это его идея. Мы получаем куда больше прибыли, когда позволяем нашим клиентам сначала самим попытаться что-то отремонтировать.

2. Летит по городу крутой «мерс».
А тут гибэдэдэшник в кустах притаился.
Подходит к водителю, а там генерал ихний сидит.
Находчивый гибэдэдэшник тут же ему:
— Товарищ генерал! Разрешите доложить?!
Генерал, оттопыривая нагрудный карман:
— Докладывайте, много вас тут, умников, развелось!

3. По заявлению пресс-секретаря ФСБ, после двух часов безуспешных попыток тушения пожара на Останкинской башне огонь неожиданно перебросился на Шаболовский телецентр, затем на головной офис «Группы МОСТ» в Москве, а в настоящий момент догорают бумаги по делу Аэрофлота в сейфе Генеральной прокуратуры.

По информации «Итогов», REUTER, AP
ФОТО AP, REUTER, EPA, П. Горшкова

1000 ЛЕТ ОЗАРЕНИЙ

Штык-молодец

Сергей Иванов

ПОЯВЛЕНИЕ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО оружия не вдруг изменило характер войны. Зарядка мушкетов была делом очень небыстрым, особенно перед лицом наступающей кавалерии, да к тому же любой, самый слабенький, дождь немедленно приводил к отсыреванию пороха. Поэтому в пехотных цепях XVI — первой половины XVII веков стрелки перемежались с копейщиками.

В военной истории были случаи гибридизации разных видов вооружения, например, колющих и рубящих. Так, в XIV веке в Европе появилась алебарда: топор и копье «в одном флаконе». Но соединить на поле боя холодное оружие с огнестрельным долго никто не догадывался. Первым это придумал французский генерал Жан де Шастене де Пюизегюр. В сражении с голландцами под Ипром в 1647 году он велел своим фузилерам (стрелкам из малых мушкетов) привязать к дулам ножи. Успех превзошел все ожидания. Но был ли Пюизегюр истинным изобретателем штыка?

Никоим образом! Слово «байонет» (в старой русской передаче «багинет») происходит от имени французского городка Байонна в западных Пиренеях и впервые зафиксировано в 1572 году. Одна версия связывает его с оружейным производством, налаженным в этом городе; другая, более правдоподобная, — со сметливыми французскими пограничниками, которые, десятки лет гоняясь по горам за баскскими контрабандистами, просто вынуждены были привязывать кинжалы к ружьям на случай внезапных стычек. Эта провинциальная выдумка довольно быстро снискала популярность среди охотников. В коллекциях охотничьего снаряжения аристократов багинет появляется уже в конце XVI века. Но те же самые аристократы оказались на редкость консервативны, когда дело дошло до внедрения этого новшества в сферу боевого оружия.

Инициатива генерала Пюизегюра не понравилась в Париже — Людовик XIV в 1666 году запретил использовать в бою багинеты. Действительно, кустарное соединение не приспособленных для этого предметов иногда приводило к неудачам. Но на ошибках учатся: тот самый генерал Маккей, который по причине несовершенства тогдашних штыков проиграл в 1689 году сражение при Киллекранки, двумя годами позже придумал багинет-пику, насаживавшуюся на дуло возле мушки при помощи двух специальных колец. После этого единственное принципиальное улучшение было внесено в 1805 году генералом Джоном Муром, разработавшим более совершенный способ примыкания штыка. Русский гренадер перед Бородинским сражением, «ворча сердито, кусая длинный ус», точил именно такой штык.

В НАШЕ ВРЕМЯ НА СМЕНУ ШТЫКУ-ПИКЕ СНОВА ПРИШЕЛ ШТЫК-НОЖ, С КОТОРОГО ВСЕ КОГДА-ТО И НАЧИНАЛОСЬ

В 1697 году в Англии и Германии, а в 1703 году во Франции пика была снята с вооружения. Два вида оружия слились в один. Лишь с этого времени можно говорить об окончании средневекового периода военной истории. Но, несмотря на все возраставшую огневую мощь армий, значение штыкового боя не снижалось до конца Первой мировой войны; войска считали по количеству не людей, не винтовок, а именно «штыков». И именно к нему, зловеще-пророческим образом, хотел приравнять перо Маяковский. ■

ОБЫЧАИ

Футбол 2000 года

Александр Мещеряков

ПОКА ХУДШАЯ ПОЛОВИНА ЦИВИЛИзованного человечества наблюдала по телевизору битвы футбольных команд Старого Света, ваш покорный слуга гонял мячик на окраине города Киото, основанного, между прочим, в 794 году. Проведя за переводом древней хроники последний год в Японии, я вполне освоился и с современными тамошними обычаями и даже вступил в местный футбольный клуб, где предавался беготне с киотскими подростками и их папашами. И ничуть не пожалел о том, что пропустил чемпионат Европы, который ввиду своей явной периферийности в узких глазах обитателей архипелага освещался весьма скупо. Не пожалел потому, что приобретенный опыт вышел поучительным.

Выйдя на поле в первый раз, я быстро забил две «банки». Что неудивительно: подростки есть подростки, а прочим взрослым мужикам были привычнее бейсбольные игры. Я же все свое детство совершенствовал подкаты в асфальтированных московских двориках. Довольный собой, я уселся в перерыве на землю и стал потягивать яблочный сок в ожидании похвал моему мастерству. Подошел тренер. «Устал?» — «Немного». — «А ты не носись так».

За три десятка лет хорошо изучив японскую манеру выражаться, я обреченно расшифровал его message: больше забивать нельзя, потому что это нарушает принцип справедливого распределения голов на среднестатистическую душу. И потому после перерыва я встал в глухую защиту. Что, впрочем, не было чересчур обидно, потому что счета не велось. Игрокам был важен процесс, который и являлся главным результатом. В моих выпученных глазах это уравнивало игру с вечерней пробежкой перед сном, от которой есть польза здоровью, но вот удовольствия никакого. Я же, разумеется, хотел выиграть. Но оказалось, что выигрывать было не у кого, разве что побеждать самого себя. Получалось вполне по-дзэнски.

После окончания тренировки тренер добродушно похлопал меня по плечу. Мол, молодец, умеешь неизреченное понимать.

Однако радость по поводу собственной сообразительности была преждевременной. На следующей тренировке тренер с восхищением (о, это знаменитое, восточное двуличие!) сказал: «До чего же ты футболом увлечен! В обыкновенных трусах играешь!»

Я обреченно оглядел свои сатиновые пляжные шорты, которые не имели ничего общего с нижним бельем. Даже карманчики, между прочим, у этих шортов были. Однако message есть message — предстояло покупать специальные футбольные трусы долларов за пятьдесят, чтобы соответствовать тренерской установке, которая в свою очередь соответствовала местному представлению о том, что все (будь то офис или футбольное поле) должны быть одеты по форме.

В силу разных причин к следующей тренировке купить футбольные трусы мне не удалось. Тренер, похоже, предвидел и это. Поэтому, перед тем как попрощаться, он протянул мне трусы, сказав короткое: «Дарю».

Трусы оказались ношеными. При этом тренер не хотел обидеть меня. Наоборот — он хотел мне помочь. Чтобы я не выглядел полным идиотом на фоне прекрасного единообразия. Понимая это, я поплелся в спортивный магазин. В силу специфики нашего национального менталитета я не мог играть в чужих трусах.

На следующей тренировке тренер встретил меня ласковым взглядом. И я подумал, что теперь-то ко мне уже не придерешься. Ан нет — я снова попал впросак. Потому что пошел дождь. Что делает русский человек в таком случае? Он плюет на дождь и снимает мокрую майку, поскольку бегать в ней ему неприятно. Японцы тоже наплевали на дождь, но майку снял только я. И тут же услышал за спиной: «Ишь ты, разделся!» Сказано это было таким тоном, который не оставлял сомнений, что народ меня осудил.

Насмотревшись на нескромные средневековые картинки и на нынешних отцов семейств, прилюдно справляющих малую нужду, я пребывал в наивной уверенности, что японцы относятся ко всем проявлениям телесного без лишней ажитации. Однако оказалось, что я неправ. Из последующих бесед с ученой японской братией мне удалось выяснить: времена нестеснительности более или менее канули в Лету. И если помочиться на улице до сих пор не считается предосудительным, то обнажиться, даже по пояс, стало в последнее десятилетие нарушением общественных приличий. И потому многие молодые люди теперь уже не ходят в баню, хотя баня для Японии — институт с тысячелетней историей. Мои собеседники валили все на американцев. Мол, это их влияние, мол, средний американец в баню ходить стесняется, предпочитает душевую кабинку, и мы за ними потянулись...

Я так и не узнал, кто стал чемпионом Европы. Человеку с пристрастиями к культурным шокам эта информация вовсе не обязательна. ■

ИМЕНА

Гитлер с Пискаревки

Лев Рубинштейн

МАМА РАССКАЗЫВАЛА БЕСКОНЕЧное количество историй. Понятно, что у человека, пережившего две войны с их погромами, бомбежками, эвакуациями и голодом, таких историй было много. Какие-то из них были вполне тривиальны, какие-то фантастичны до неправдоподобия. В соответствии с законами фольклора она рассказывала их по многу раз — мне, соседям, опять мне.

Чего только там не было!

Полтавское детство. Гражданская война. Власть меняется раз в десять дней. Погромы. Еврейских детей со всего квартала прячет у себя в подвале писатель Короленко. Мама дружит с его дочерьми.

30-е годы. Мама учится в Харькове. Заканчивает диплом. Завтра — защита. Ночью в квартиру проникают воры. Не найдя ничего путного, ритуально какают на стол. На столе — дипломные чертежи. Защита откладывается: надо все перечерчивать.

Июнь сорок первого. Мама с моим трехлетним братом живут в Литве, в одиннадцати километрах от германской границы. Она просыпается от лязга танковых гусениц. Сослуживец отца заезжает за ней на грузовике, а мог бы и не вспомнить. Она хватает сына вместе с одеялом, из вещей успевает взять пальто и золотые часики, садится в кузов и едет под бомбежками через всю Литву, горящую Белоруссию, Смоленск — до самой Москвы. Потом Уфа. Эвакуация. Тоже много всего.

Самая фантастическая история связана с именем собственным. Точнее — с фамилией. В Ленинграде, рассказывала мама, жил какой-то наш родственник. Очень, очень дальний. Она его никогда не видела. Про него были известны только две вещи: он был одинокий старик, и фамилия его была Гитлер. Уже немало.

Живет, значит, наш Гитлер в Ленинграде, живет тихо. Тут война, блокада. Гитлер остается в городе. Голодает, как все. Однажды за ним заезжают два вежливых военных, везут куда-то, заводят в светлый кабинет. Там усаживают на стул, спрашивают: «Правда, ваша фамилия Гитлер?» — «Правда». — «Так... Интересно...» — «Вы хотите узнать, или я его родственник?» — интересуется Гитлер. «Да нет, думаем, вряд ли... — говорят ему, окинув его беглым взглядом. — Но дело вот какое. Может, вам поменять все-таки фамилию, а? А то как-то — сами понимаете...»

Как он разорался! «Это фамилия моего отца, деда и прадеда! — орал Гитлер. — Мой дед был львовский раввин, его знал весь город. Пусть *этот* меняет фамилию, если ему надо, тем более что это даже и не его фамилия, как я читал в газете. А вот вы ему лучше напишите письмо, что у него в Ленинграде живет такой-то однофамилец — таки он сразу как миленький поменяет фамилию! А чтобы я менял!»

В общем, старика отпустили с миром — слишком уж он был тих и незаметен. Да и явный доходяга к тому же. Он умер, как и многие блокадники. И его похоронили, как и многих блокадников, на Пискаревском кладбище, в братской могиле. Так там Гитлер и лежит, царствие ему небесное. ■

«Как вы знаете, дети-сироты распределяются, я имею в виду,— распределяются в хорошем смысле слова. Их обеспечение распределяется жильем, обеспечение распределяется по округам»

Михаил Недайводов, начальник Управления муниципального жилья ЦАО Москвы

«Наши люди по своему мышлению не любят брать кредиты. Вот иногда говорят: ну, возьмите кредит. Нет, сразу платят деньги».

Владимир Ресин, первый вице-премьер правительства Москвы, о провале ипотеки

«Я бы очень хотел, чтобы здесь не было, так сказать, упертости Минфина, который будет говорить то, что говорили все Минфины предыдущих лет: денег нет! Это не аргумент».

«Я думаю, что скоро у нас в июле месяце вообще все будут что-то такое делать, чтобы, не приведи Бог, не передвигаться, не перемещаться, не ехать, а только избежать вот наступления этого августа».

Геннадий Селезнев

«То есть я думаю, что теперь уже на уровне телевизионного инстинкта все будут искать другие возможности для установления своих передатчиков».

Александр Нехорошев, первый вице-президент ТВЦ, о последствиях пожара на Останкинской телебашне

«У нас уже сегодня шестьдесят восемь человек из числа местного населения практически приняты в органы внутренних дел и начинают совместную с нами работу для того, чтобы мы в какое-то скорое время могли в таком большом количестве здесь не присутствовать».

Егор Халиян, замначальника ГУВД Ростовской области, командированный в Чечню

«У каждого свои проблемы. Нельзя всех там под одну гребенку, в хорошем смысле слова».

Михаил Недайводов, начальник Управления муниципального жилья ЦАО Москвы

«Мы видим, что Верховный главнокомандующий поддержал и личный состав флота, который в общем-то как-то вздохнул в своей жизни за последнее время».

Александр Савинкин, редактор «Российского военного сборника»

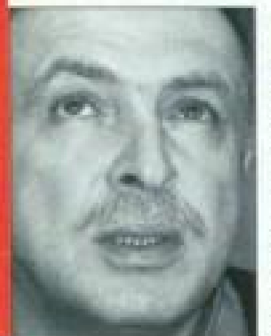

Слушал и записывал **Вова Белозерцев**

Вице-эвакуатор

Илья Клебанов, проявивший при спасении подводников с «Курска» недюжинный организаторский талант и фантастическую расторопность (за указаниями президента он летал аж в Сочи), ныне руководит подготовкой операции по извлечению останков моряков.

29 августа на совещании в Санкт-Петербурге, по его словам, был разработан окончательный план «эвакуации погибших». Днем позже вице-премьер докладывал этот план президенту. Операция начнется в конце сентября и будет проведена российскими и норвежскими водолазами, которые вырежут в каждом из отсеков лодки отверстия. Вице-премьер пустился даже в описание деталей: работать будут несколько команд, каждая из трех водолазов — двух русских и одного норвежца. Норвежец будет постоянно находиться внутри подводного колокола, один из наших будет работать внутри подлодки, а второй — страховать его, находясь на корпусе субмарины.

Начальник пресс-службы Северного флота РФ капитан 1 ранга Владимир Навроцкий поспешил добавить, что 12 водолазов, собранных со всех четырех флотов России, уже в начале сентября отправятся за границу, где в течение двух недель вместе с норвежскими коллегами будут отрабатывать на манекенах приемы эвакуации «обездвиженных тел».

Все бы хорошо, но вице-премьер выступил со своими заявлениями за три дня до того, как были завершены переговоры с представителями норвежской компании. И возглавлявший делегацию компании Stolt Offshor Ингемар Кетцер даже по завершении этих переговоров вовсе не утверждал, что принято окончательное решение. «Во время переговоров, — сказал он журналистам, — мы обсудили вопросы, связанные с осуществлением вырезов в корпусе лодки». Судя по всему, не определена и дата начала операции. «Мы надеемся начать ее в октябре», — сообщил пресс-секретарь Stolt Offshor Джулиан Томпсон. Осторожность норвежцев объясняется, видимо, тем, что они всерьез заняты проработкой технических аспектов этой сложнейшей операции. Ну, а господину Клебанову важнее всего побыстрее отрапортовать о проделанной работе.

Что там операция по подъему тел моряков. У него наготове уже планы по созданию российской спасательной службы. При этом его не останавливает то, что у государства нет ни современной техники, ни денег на ее создание. Судя по сообщениям печати, Илья Иосифович намерен потребовать у Газпрома или ЛУКОЙЛа спасательные средства и специалистов. И неважно, что они не ведут глубоководных работ, главное, что у них денег много — пусть раскошелятся. ■

А.М.

Наказание визой

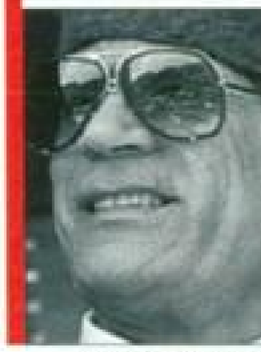
Россия решила выйти из так называемого Бишкекского соглашения — заключенного в 1992 году десятью странами СНГ договора о безвизовом передвижении их граждан по территории стран Содружества. Об этом сообщил в минувший вторник министр иностранных дел РФ Игорь Иванов. Он мотивировал сенсационное решение необходимостью соблюдать «национальные интересы» и поставить заслон на пути международного терроризма, организованной преступности, наркобизнеса и незаконной миграции. Россия действительно намерена сделать резкий шаг, разрушая едва ли не единственное реально связывавшее граждан СНГ соглашение. Ведь, собственно говоря, что еще объединяло страны СНГ, кроме права их граждан беспрепятственно разъезжать по просторам бывшего СССР?

Впрочем, это все же некоторое преувеличение. В конце концов, Украина и Азербайджан не подписывали Бишкекское соглашение, и тем не менее украинцы и азербайджанцы приезжают в Россию и в другие бывшие советские республики без всяких виз. Киев и Баку заключили тогда же, в начале 90-х, двусторонние соглашения о безвизовом режиме с большинством стран СНГ.

Россия после выхода из соглашения подпишет подобные двусторонние «безвизовые» соглашения с некоторыми странами СНГ. С некоторыми, но далеко не со всеми. Гражданам Белоруссии, Украины, Казахстана и Армении визы для въезда в Россию в обозримом будущем вряд ли потребуются. Это надежные и стратегически важные для Москвы союзники. А вот Грузии подобное соглашение вряд ли светит. Президент Шеварднадзе это знает и потому первым из лидеров СНГ откликнулся на заявление Иванова, подвергнув его критике. Он-то понимает, что решение Москвы о выходе из Бишкекского соглашения продиктовано желанием наказать Тбилиси за «нелояльное» поведение во время последней чеченской кампании. Напомним, что введением виз в одностороннем порядке Москва пригрозила Грузии (а также Азербайджану) еще в ноябре прошлого года, обвинив их в поддержке чеченских боевиков.

Поставит ли денонсация Бишкекского договора барьер на пути терроризма — еще вопрос. А вот то, что она приблизит окончательный развал СНГ, — несомненно. ■ Л.В.

Сайаф, откройся!

После трех месяцев переговоров с мусульманскими боевиками из группы «Абу Сайаф», захватившими на курорте Сипадан 24 граждан из западных стран, **эмиссары ливийского лидера Муамара Каддафи освободили еще шесть человек.** Таким образом, в заложниках на Филиппинах остается 7 иностранцев, а освобожденные должны благодарить за спасение лично полковника Каддафи — вчерашнего изгоя мирового сообщества.

Летний отпуск обернулся для этих людей настоящим кошмаром — изоляция в джунглях, сердечные приступы, угрозы «отрезать всем головы», если США не освободят трех мусульман, обвиненных во взрыве в нью-йоркском Всемирном торговом центре в 1993 году. Группа «Абу Сайаф» требовала «прямых переговоров с США», но в итоге согласилась на «посредничество Каддафи». Полковник уладил дело аккурат к 31-й годовщине ливийской революции. Теперь ее, по-видимому, придется праздновать всем миром — «забирать» заложников из Триполи отправились высокие чины из Франции и Германии.

По утверждениям филиппинской прессы, полковник заплатил по миллиону долларов за каждого заложника, что в США рассматривают как «финансирование» экстремистов. Заодно он выступил «гуманистом» — весьма кстати в разгар суда в Гааге над двумя ливийцами, обвиняемыми во взрыве американского пассажирского самолета над шотландским городом Локкерби в 1988 году.

«Рассадником терроризма» США объявили Ливию, впрочем, еще до этого. Не говоря о «братьях по вере» в Северной Африке, на Ближнем Востоке и на Филиппинах, Каддафи и вправду всегда, чем мог, помогал террористам — баскским, корсиканским, ирландским. Однако после американских бомбежек в 1986-м и санкций Ливия «сдала»: ее лидер стал искать диалога с Западом и даже выдал международному правосудию подозреваемых по делу Локкерби.

Впрочем, о старых друзьях полковник тоже не забывает. Филиппинским террористам так понравилось его посредничество, что они взяли еще одного заложника — теперь уже американца. ■

Олег Храбрый

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Картина пожарища

Пламя в Останкине высветило пейзаж разрухи в российском телевизионном сообществе

Сергей Пархоменко

БЕДСТВИЕ

Трудно вообразить себе более впечатляющий и многозначительный символ, нежели тот, каким стало апокалиптическое зрелище горящей Останкинской телебашни, гигантским дымным знаменем развернувшееся над Москвой. Один и тот же набор поразительных знаков увидели в фантастической сцене, словно вывалившейся в реальность прямо из выдуманного мира голливудского блокбастера, почти все. И профессиональные аналитики, мастера высокопарного философствования перед микрофоном. И случайные зеваки из числа тех, которые, — вооружившись кто биноклем, кто видеокамерой, кто домашней «фотомыльницей с зумом», — в ночь пожара сбились в огромные толпы на дальних, ограниченных кордонами оцепления, подступах к горящей башне. Все говорили о «догорающем величии империи» да о «последнем монументе советского могущества», что на наших глазах обращается теперь в пепел.

Чуть позже, когда стало ясно, что пожар в Останкине задушил телевещание всего московского региона и что один из крупнейших мегаполисов мира вдруг словно бы ослеп, пришел черед для иных — но столь же согласных между собою — толкований. Заговорили о пустом телеэкране как символическом образе «новых информационных порядков», о серой шипящей сетке как мрачной эмблеме грядущих времен «молчаливого и скрытного режима», о демонстративно брутальном обрыве в молчание, которым кончилась эпоха «безграничного и безудержного телевизионного словоговорения»...

Сеанс с последующим саморазоблачением

Останкинская катастрофа действительно оказалась сильно перегружена символическими смыслами. Все новые из них продолжают проявляться до сей поры. И, несомненно, еще продолжат — час за часом, день за днем. И удивительно, как много среди этих смыслов оказалось таких, которые, по существу, несли характер разоблачений. Точнее, саморазоблачений. Иногда эти саморазоблачения оказывались вроде бы совершенно неожиданными, но тем сильнее производили они эффект.

На автора этих заметок, к примеру, наибольшее впечатление произвело, пожалуй, то внезапное — и вот уж действительно саморазоблачительное — проявление сущности современного состояния российского телевидения, что можно было обнаружить в программе первого дня вещания на столицу долгожданного «совместного канала» ОРТ и РТР. Два мощнейших контролируемых государством телевизионных концерна после почти трех суток жестокого эфирного голода, когда они были отрезаны от столичной аудитории, должны были решить невероятно тяжелую, на сторонний взгляд, задачу: вычленить то, что составляет самую суть каждого из двух каналов как самостоятельных и самоценных субъектов медиа-рынка. Оказалось, однако, что задача только выглядит тяжелой — причем именно что со сторонней, дилетантской позиции. Для профессионала решение ее примитивно и очевидно: оба канала мгновенно разобрались со своими сетками, без сожаления отсекли из своего вещания «все лишнее», сохранив на своем полотне две, и только две, краски. Новости и дешевые сериалы. Ах да, был еще один полутон — вечернее, дешевое же, кино, которое в принципе по всем своим статьям и статям тоже может быть к еще одному сериалу приравнено. И все. И больше ничего — совсем.

Но ведь надо признать, что составители этой программной сетки, поразительной в своей почти гениальной простоте, совершенно правы. Новости и сериалы — две концентрированных эссенции интересов, пристрастий и потребностей двух социальных типов, которые и составляют абсолютное большинство телевизионной аудитории: зрительской «элиты» и зрительского «плебса». Новости и сериалы — два инструмента, с помощью которых с наибольшей эффективностью и с наибольшими гарантиями успеха генерируется драгоценнейшая из телевизионных субстанций: рейтинг, отвоеванная каналом доля аудитории. Соответственно именно новости и сериалы — два субстрата, на которых произрастает и плодоносит с наибольшей щедростью волшебная лоза телевизионной рекламы.

Без всего остального, как выяснилось, можно и обойтись. Все остальное: все богатства родов, видов и жанров телевизионного искусства, все на свете телевизионные путешествия и открытия, игры и развлечения, расследования и разоблачения — всё это более или менее случайная нагрузка, необязательный, в сущности, гарнир к двум основным эфирным блюдам. Каковое обстоятельство и было обнажено перед нами и нам продемонстрировано без малейшего смущения в минувшую среду.

Между тем на фоне останкинского пожарища развернулся и еще один саморазоблачительный, по сути своей, процесс. Только в отличие от вышеописанного максимально публичного акта «профессионального эксгибиционизма» второе саморазоблачение стало, кажется, сугубо цеховым, внутрикорпоративным событием. Речь идет о картине далеко зашедшего и, по всем признакам, необратимого морального распада, которую явило собою в пору жестокого кризиса само же российское «телевизионное сообщество».

И не введи их во искушение...

«Атмосфера телевизионного сообщества — некогда товарищеская, почти дружеская, где существовал, безусловно,

ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЕВ И МИХАИЛ СЕСЛАВИНСКИЙ. ОДИН НАБЛЮДАЕТ ЗА ЖИЗНЬЮ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО СООБЩЕСТВА ИЗНУТРИ, ДРУГОЙ — СКОРЕЕ ВСЕ-ТАКИ СНАРУЖИ. **А МНЕНИЯ О СТЕПЕНИ ОПУСТОШЕННОСТИ ЭТОГО ПЕЙЗАЖА У НИХ ПРАКТИЧЕСКИ СОВПАДАЮТ**

СПРАВА: **ЕДВА В МИНУВШИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК БЫЛ ПОТУШЕН ОГОНЬ НА БАШНЕ, В КРЕМЛЕ УЖЕ СОБРАЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ПРЕЗИДЕНТА СТРАНЫ, ПОСВЯЩЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОБЪЕКТА-СИМВОЛА.** **МИНИСТРЫ СВЯЗИ И ПЕЧАТИ, ЛЕОНИД РЕЙМАН И МИХАИЛ ЛЕСИН, СТАЛИ В ТОТ МОМЕНТ САМЫМИ ЗАМЕТНЫМИ ГЕРОЯМИ.** РУКОВОДСТВО РЕМОНТОМ ПОСТРАДАВШЕЙ БАШНИ ОНИ, МОЖЕТ БЫТЬ, И ОРГАНИЗУЮТ. А ВОТ **ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ МИРЕ «ПОЧИНИТЬ» ТОЧНО НЕ ПОМОГУТ. ХОТЯ В РАЗРУШЕНИИ ИХ УСПЕЛИ ПОУЧАСТВОВАТЬ АКТИВНО. КАЖДЫЙ ПО-СВОЕМУ**

очень заметный корпоративный дух, — эта атмосфера, конечно, отравлена. Если здесь существовал еще относительно недавно некий неписаный моральный кодекс, то теперь он разрушен полностью, — признает генеральный директор НТВ Евгений Киселев. — Единственная, кстати, сфера, где в какой-то мере корпоративная солидарность сохраняется, — это техническая сфера. Потому что понятно, насколько люди, которые занимаются чистой технологией, далеки от политики. Но постепенно даже и туда, в техническую сферу, эти политические дрязги начинают проникать».

В беседе с «Итогами» глава НТВ с горечью констатирует: «В нашем сообществе прежде всего «презумпция порядочности» совершенно отсутствует. А вместо нее существует, похоже, «презумпция предательского расчета». Дескать, если ты мне что-то предлагаешь и вроде бы протягиваешь руку помощи, — значит, наверняка что-то подлое задумал, чего-то с меня хочешь получить...»

Михаил Сеславинский, заместитель министра печати, традиционно курирующий сектор электронной прессы, заочно соглашается с этими печальными констатациями Евгения Киселева: «Ситуация в телевизионном сообществе видится отсюда, из стен министерства, примерно так же, как извне их. Атмосфера действительно очень тяжелая, и «презумпция виновности» партнера-конкурента, безусловно, существует. Больше того: существует «презумпция подвоха». Если не подлости».

«Как только начался пожар, в здании Телецентра собрались руководители многих компаний, — вспоминает замминистра. — И несколько часов действительно существовало ощущение полной консолидации. На это время были забыты прошлые раздоры, упреки, игры на обострение и, мягко говоря, дух состязательности, который существует между компаниями. И все мы с ужасом смотрели в окно. Казалось, что может произойти все, что угодно. Положение выглядело ухудшающимся неумолимо, с каждым новым сообщением. Доклад МЧС и пожарных: «Сейчас находимся на отметке «345», пытаемся сделать все возможное, надеемся, что получится». Через час: «Ничего не получилось, находимся на отметке «290», пытаемся сделать все возможное, надеемся, что получится...» И так далее — до утра и до отметки «63». И все это еще на фоне сообщений о том, что лопнуло на такой-то высоте столько-то натяжных тросов, на такой — столько-то, но в любом случае уже в течение ночи стало понятно, что полопается явно не меньше половины. И если бы она упала в ту ночь, люди, которые находились рядом, восприняли бы это не то что как естественный ход событий, но как вполне объяснимый.

Эти несколько часов были. Все их помнят. И я думаю, что не только у меня, но и у многих руководителей компаний в эти часы беды появилось ощущение, что создается какая-то новая нравственная платформа, на которой в дальнейшем могут строиться взаимоотношения».

Однако, по словам Михаила Сеславинского, с благостными иллюзиями всем участникам событий пришлось расстаться очень быстро: «Уже ко вторнику, когда стало можно считать, что с этапа пожарных и аварийно-спасательных работ дело переходит на этап работ восстановительных, тут же встал и вопрос, кто и откуда будет вещать. Стало видно: все уже настолько вросли в традицию такой достаточно «интригующей» конкуренции, что, мне кажется, не представляют себе дальнейшую жизнь без нее. Так что вопрос о восстановлении встал сразу, в первую же минуту, как очень обостренный и нервный...

В какой-то момент, — продолжает г-н Сеславинский, — когда обсуждалось предложение, связанное с вхождением метровых каналов в кабельные сети Москвы через спутниковое вещание «НТВ-Плюс», перепалка между представителями компаний стала уже настолько неприличной, начались такие пререкания, что пришлось удалить журналистов и попросту сказать, что существуют, собственно говоря, два варианта развития событий. Первый — это когда каждый за себя. Вот расходимся — и всё. У каждого, в конце концов, есть свои политические и финансовые ресурсы. Кто-то будет договариваться здесь, кто-то там. Кто-то что-то будет покупать для себя, входить в правительство Москвы, в лицензирующие органы — Минсвязи и Минпечати — и поэтапно накрывать вещанием те или иные куски города. А второй вариант, который министерство и пытается осуществить, — это все-таки разработать централизованный план выхода в эфир по наиболее простым схемам и в кратчайшие сроки...»

Взаимное недоверие тем не менее снова и снова давало себя почувствовать, прорываясь в самые неожиданные моменты и в самых неожиданных формах. Полное отсутствие реакции глав телеканалов, в первые дни напрочь выпавших из московского эфира, на заявление ТНТ о готовности транслировать утром, днем и вечером, в «прайм-тайм» новостные программы своих конкурентов... Прозвучавшие в адрес «НТВ-Плюс» нелепые упреки в том, будто бы владелец спутниковой системы вещания, заявляя, что готов предоставить свободный доступ всем желающим к федеральным каналам в открытом, незакодированном виде, — на самом деле коварно намеревается выставить огромные счета за трансляцию сигнала (очевидно, поводом для этих обвинений стала неосторожно произнесенная вслух техническим директором НТВ цифра годовой себестоимости «подъема» каждого канала на спутник)... Крайне «ревнивая», по определению чиновников из Минпечати, реакция телеканала «Культура» на сообщение о намерении вывести НТВ в эфир «на пятой кнопке», исполненная подозрений, что «кнопку отнимут и отдадут другим навсегда»...

Всю неделю «антикризисные» совещания в Минпечати проводились дважды в сутки. И постоянно чувствовалось, как говорит теперь Михаил Сеславинский, «что общая нервозность, общая подозрительность — они уже как бы запрограммированы, практически неизбежны и неизлечимы». «При этом, — делится своими наблюдениями замминистра, — негосударственные компании сходились в одном. Что главный враг, который их хочет обмануть, это скорее всего государство. Оно, дескать, ни о ком думать не будет, беспокоится только об ОРТ и РТР, на всех остальных ему наплевать..»

Вообще-то при всех сетованиях на изначальную взнервленность и особо обостренную мнительность глав телекомпаний трудно было ожидать, что, например, лидеры НТВ и холдинга «Медиа-Мост» с совершенным хладнокровием воспримут знаменитую фразу министра печати Михаила Лесина, прозвучавшую в эфире «Эха Москвы» в понедельник (судя по всему, еще тогда, когда не истекли часы идиллического всеобщего согласия и солидарности, с таким удовольствием вспоминаемые теперь его заместителем): «Новости НТВ определенным образом используют ситуацию и в какой-то степени даже нагнетают обстановку и обманывают зрителя...» Если прибавить к этому другое заявление того же г-на Лесина, сделанное двумя днями позже, — «НТВ, ТНТ, «Эхо Москвы» максимально используют ситуацию в собственных интересах — и политических, и финансовых», — придется признать, что резкая реакция руководства «мостовской» корпорации, к которой относится и наш ▶

журнал, была в очередной раз не столько «запрограммирована», сколько все-таки спровоцирована. И провокатором — в первоначальном и наиболее естественном смысле этого слова — выступил не кто-нибудь, а федеральный чиновник высшего эшелона, назначенный руководить от имени государства всей «информационной отраслью».

По сведениям, полученным «Итогами» из собственных источников, никак с «энтэвэшными» не связанных, руководство телекомпании имело весьма веские основания опасаться развития событий, максимально неприятного для единственного частного телеканала общефедерального масштаба. А именно — официальных заявлений, что поврежденный останкинский «Боливар» больше не способен выдержать все вещательное оборудование, которое размещалось на нем до сих пор. А далее — уже полуофициальных разъяснений, что НТВ, дескать, «раз оно такое умное, самостоятельное и предусмотрительное», пусть заново обустраивает свое вещание собственными силами. Наши информаторы утверждают, что в ряде кремлевских кабинетов по меньшей мере обсуждалась — причем достаточно подробно, с попытками спрогнозировать и непосредственные, и более отдаленные последствия предполагаемой операции, — возможность «быстро и радикально решить проблему НТВ», раз уж трагические обстоятельства в Останкине создали для этого «все необходимые предпосылки». Решение проблемы в самом деле могло бы быть совершенно радикальным, даже если бы состояло в том, чтобы задержать возвращение НТВ на привычный метровый канал всего лишь на несколько недель. Ведь ущерб от сорванных в этот период рекламных контрактов возместить было бы крайне трудно.

Ситуация с восстановлением московской инфраструктуры вещания меняется слишком быстро, и мы решительно ни в чем не можем быть уверенными заранее, но пока все-таки похоже, что, хотя искушение было очень велико, участникам «охоты на «Мост» хватило благоразумия, чтобы унять свой азарт. Ближе к концу минувшей недели Евгений Киселев уже мог почувствовать себя чуть более спокойно: «В любую минуту положение, конечно, способно совершенно перевернуться. Но на настоящую минуту я могу сказать так: как мне кажется, власти удалось преодолеть соблазн. Все-таки им, видимо, показалось, что нельзя забывать о том, что у нас есть лицензия на вещание. Причем именно на этой частоте, в этом диапазоне. И понятно, что не возобновить там же вещание, не по нашей вине прерванное, — это, по сути, в одностороннем порядке аннулировать выданную нам на законных основаниях лицензию Минсвязи...»

Обозревая этот разоренный пейзаж, который пламя ночного пожара на башне как будто бы только высветило еще резче и отчетливее, хочется все-таки попытаться понять, когда же это случилось? Кем были посеяны эти ядовитые зерна тотальной подозрительности? На чем была воспитана в этой среде всеобщая готовность быть обманутым, преданным?

Какой-то там феноменальной памятливости тут не нужно. Вспомните события совсем недавние. Вспомните обстоятельства весны 1999 года, когда началась информационная атака с нескольких направлений одновременно на «Медиа-Мост», и НТВ в частности, когда впервые в информационный оборот начал активно внедряться художественный образ «стоящего на грани банкротства», «погрязшего в долгах» медиа-холдинга. Вспомните, как долго «мостовская» пресса старалась не реагировать на это давление, не замечать его и как потом компанию все-таки вынудили защищаться.

Ну что ж, авторы той интриги могут быть довольны. Тогдашняя их затея удалась вполне. Российское телевизионное сообщество — одна из важнейших, влиятельнейших сфер информационного сообщества в целом — разобщено и развращено. И пока оно пребывает в таком состоянии, можно рассчитывать, что справиться с ним, как только потребуется, будет гораздо проще. ■

БЛАГОДАРЯ СОВРЕМЕННОЙ СПУТНИКОВОЙ ПЕРЕДАЧЕ ТВ-СИГНАЛА МИЛЛИОНЫ МОСКВИЧЕЙ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ПОЖАРА НЕ ОСТАЛИСЬ БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА. АНТЕННЫ «НТВ-ПЛЮС», В ЧАСТНОСТИ, УСТАНАВЛИВАЮТСЯ КАК НА ЧАСТНЫЕ ТЕЛЕПРИЕМНИКИ, ТАК И НА ГОЛОВНЫЕ СТАНЦИИ ЦЕЛЫХ КАБЕЛЬНЫХ СЕТЕЙ — **ЧЕРЕЗ ЭТИ «ТАРЕЛКИ» К МОСКВИЧАМ БЕСПЛАТНО ПОСТУПАЛИ В ЭТИ ДНИ ОСНОВНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАНАЛЫ**

Жизнь после башни

Эфирное централизованное телевидение постепенно изживает себя. Если не думать о внедрении новых технологий, не избежать других телекатастроф

Егор Быковский

АЛЬТЕРНАТИВЫ

НАМ ВСЕМ КРУПНО ПОВЕЗЛО, ЧТО В ОСТАНКИНСКОЙ БАШНЕ фактически выгорел только шахтный ствол с кабелями, а основное оборудование фактически не пострадало. А если бы были уничтожены сами передатчики? На складах они не лежат; передатчик — штучная работа, под каждый канал заказывается и настраивается отдельно. Мало того — перестали бы работать релейные линии, по которым сигнал уходит во множество российских городов. Восстановление заняло бы многие месяцы, и все это время миллионы людей (не только в Москве) оставались бы без телевизора. Впрочем, в такой ситуации можно было бы найти и положительную сторону — может, тогда было бы яснее, что нельзя все надежды возлагать на централизованное эфирное аналоговое вещание. Альтернативные способы доставки ТВ-картинки зрителю существуют, и все они выглядят предпочтительнее.

Центр эфира

Чтобы объяснить, каким образом в России ТВ-сигнал главных каналов подается на экран обычного телевизора, проще всего воспользоваться ресторанной метафорой. Условно говоря, «официантов», которые доставляют это блюдо потребителю из телевизионной студии-«кухни», трое — это эфирное вещание, спутниковое и кабельное; на самом деле часто они работают не в одиночку, а помогают друг другу. Сам же процесс доставки можно разделить на две части — систему передачи и систему приема.

Система передачи больших национальных каналов и части небольших организована так: каждая телевизионная компания обладает студийным комплексом, аппаратными, где готовятся программы. «На выходе» стоит «формирующая аппаратная», в которой собирается сигнал из разных студий («живой эфир») или с магнитофонов, и этот сигнал по оптико-волоконным линиям поступает в центр связи (ГЦУМС), а уже из него — на Останкинскую башню.

Случаются, правда, и исключения — иногда сигнал идет напрямую на башню. Ряд телекомпаний находятся не в Останкине, а в других местах: ВГТРК располагается на 5-й улице Ямского поля, 31-й канал тут же неподалеку, канал ТВЦ — на Пятницкой, да все и не перечислишь. Все они тем не менее связаны с Останкином оптико-волоконными линиями. Сигнал от них попадает на центральную распределительную систему Останкина и оттуда — все равно на башню. На ней установлены передатчики всех телеканалов (кроме передатчика компании ТНТ, который установлен на башне на Октябрьском поле). Они находятся вовсе не наверху, ближе к шпилю, как многие часто полагают, а внизу, на высоте 17 метров (там, где на основании башни видны круглые окна-«иллюминаторы»), в машинном зале. Передатчики, к счастью, не пострадали при пожаре. Надо отдать должное пожарным и сотрудникам МЧС: представляя себе астрономическую стоимость этого оборудования, они в суматохе пожара отнеслись к нему, по утверждению местных специалистов, достаточно бережно, не залили водой и не повредили другим образом.

От передатчиков до антенн, расположенных в верхней части башни (выше 400 метров), протянуты так называемые фидеры. Их можно называть и кабелями, хотя на самом деле фидер больше похож на своеобразную трубу, по которой волны проходят, многократно отражаясь от стенок. Через останкинскую антенну сигнал распространяется по всей территории Москвы и области. Именно система эфирной передачи вышла из строя при пожаре, но не вся, а только фидеры, соединяющие передатчики и верхние антенны. С тех же передатчиков, кстати, у некоторых каналов сигнал уходит по релейным линиям (цепь башен, расположенных в прямой видимости друг от друга) в другие города России. Где его опять-таки запускают в эфир с местного аналога Останкинской башни. Система воспроизводит самое себя.

Описанная выше схема вещания — классическая. В последнее время все больше развиваются спутниковое и кабельное вещание. Они отличаются от эфирного тем, что в первом случае сформированный сигнал подается не на останкинские антенны, а через центр связи на спутник, который отправляет его вниз всем, кто хочет его принять и располагает соответствующим приемным оборудованием (в просторечии — «тарелкой»). При кабельном вещании прямо из Останкина картинка попадает к крупнейшим московским кабельным операторам через посредство компании «Комкор», которая забирает из телевизионного центра страны по своим оптико-волоконным кабелям сигнал основных каналов, а уж они «раздают» его частным потребителям. Но только тем, кто может его принять — ведь далеко не все московские кабельные сети сообщаются между собой и даже внутри себя. Зачастую кабельный оператор — лишь владелец ряда разобщенных систем приема, которые могут принимать только эфирный сигнал.

В целом система приема устроена так:

1) **индивидуальный прием:** с ним хорошо знакомы те, у кого есть дача или домик в деревне. В этом случае индивидуальная антенна обслуживает только один дом, ориентировка антенны производится вручную в силу возможностей владельца (по собственному опыту могу засвидетельствовать, что дело это не простое);

2) **антенна-подъезд:** когда антенна обслуживает только жильцов данного подъезда;

3) **антенна-дом:** примерно то же самое, но обслуживаются все подъезды дома. Вторая и третья схемы абсолютно превалируют в Центральном округе Москвы (около 900 тысяч квартир);

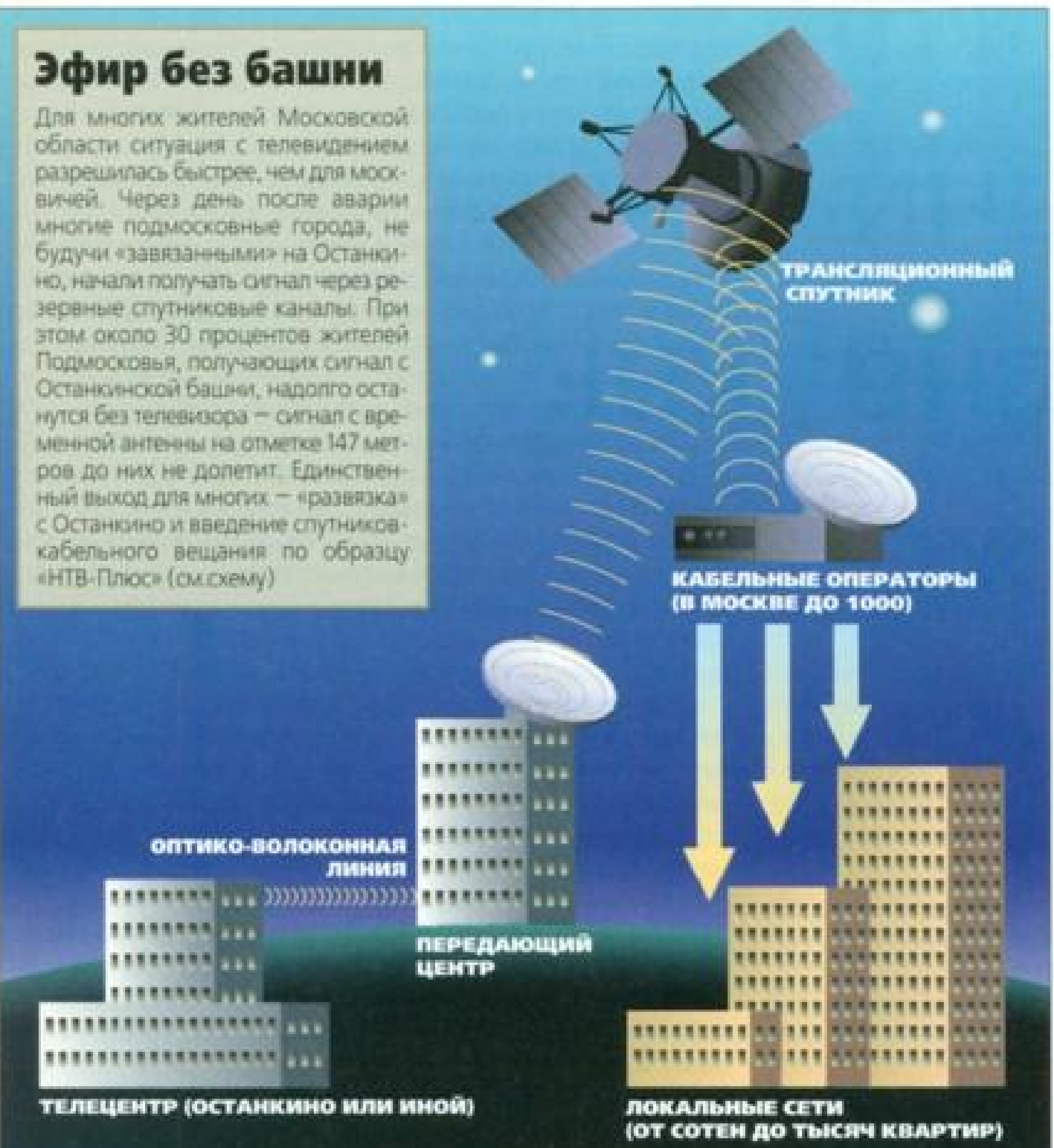
4) **антенна-район:** когда антенна на головной станции местной кабельной сети обслуживает сигналом несколько домов, а то и целый микрорайон (десятки тысяч квартир).

Какими бы антеннами (коллективными или индивидуальными) ни принимался ТВ-сигнал, в Москве в большинстве случаев он приходит не через спутник или кабель, а поступает с Останкинской башни. Есть исключения — около сотни тысяч московских подписчиков «НТВ-Плюс», к которым «картинка» поступает сразу на личную «тарелку». Вместе с большим набором экзотических каналов они получают и обычные национальные (НТВ, РТР, «Культура», ТНТ). В первые дни после пожара к этому набору добавились и ОРТ с ТВЦ, а сигнал «НТВ-Плюс» был раскодирован, чтобы его могли принимать все желающие, даже не оплатившие услуг «НТВ-Плюс». Хорошо, но мало. Есть также небольшое количество абонентов, чьи кабельные операторы связаны напрямую (через «Комкор») с Останкином, и по пути к которым сигнал не «поднимается» в эфир. Отлично, но их еще меньше. Стоит упомянуть еще одну спутниковую систему передач, «КосмосТВ» — но ее передатчик также стоял в Останкине, со всеми вытекающими последствиями.

Дайте посигналить!

Итак, в тот момент, когда казалось, что усыпанный антеннами шпиль Останкинской телебашни вот-вот треснет и отвалится, как обгоревшая головка у спички, обнаружилось, что большей части москвичей ТВ-картинку доставить невозможно. Уже к вечеру первого дня пожара стало ясно, что придется искать альтернативное решение по доставке сигнала. Когда на свежеобгоревшей башне работали эксперты, оценивая масштаб разрушений, естественным порывом было восстановить вещание, использовав какую-нибудь другую башню.

Скажем, можно было использовать башню на Октябрьском поле для вещания еще двух дециметровых каналов (канал ТНТ уже работал). По удачному стечению обстоятельств там оказались запасная антенна и фидеры к ней. Оставалось только поставить сами передатчики — первый, для 33-го канала, выехал из Петербурга в Москву на следующий день после пожара (ВГТРК попросила у НТВ в пользование их резервный питерский передатчик; любопытно, что на следующий день после того, как он выехал в Москву, основной питерский передатчик НТВ сгорел). К тому же у компании, владеющей этой башней, оказался передатчик 35-го

Эфир без башни

Для многих жителей Московской области ситуация с телевидением разрешилась быстрее, чем для москвичей. Через день после аварии многие подмосковные города, не будучи «завязанными» на Останкино, начали получать сигнал через резервные спутниковые каналы. При этом около 30 процентов жителей Подмосковья, получающих сигнал с Останкинской башни, надолго останутся без телевизора — сигнал с временной антенны на отметке 147 метров до них не долетит. Единственный выход для многих — «развязка» с Останкино и введение спутниково-кабельного вещания по образцу «НТВ-Плюс» (см.схему)

канала, который мигом переделали для вещания на 31-канал (аппарат быстро отвезли в Питер на завод и там перенастроили). Кроме того, то же НТВ располагает антенной, фидером и передатчиком на частоте 8 метров (это обычная частота НТВ при вещании с Останкина). Казалось бы, чего проще — начинаем вещание с башни Октябрьского поля, на время кризисного периода делимся каналами со всеми нуждающимися, и вся недолга. Но для того, чтобы городские антенны принимали оттуда сигнал, их нужно переориентировать, слегка «довернув» на запад. Это не так просто. А еще сложнее настроить антенны на прием сигналов дециметровых каналов.

Так, у автора этих строк, как, вероятно, и у многих читателей, не ловится канал ТНТ. Телевизор вполне современный, со встроенным блоком приема дециметрового сигнала. Собственно, поймать сигнал можно, но только с помощью специальной дециметровой антенны. А в общем кабеле его нет. Почему? Оказывается, на коллективной антенне, откуда сигнал приходит на телевизор, должен стоять специальный конвертер дециметрового сигнала. И не общий, сразу на все, а на каждый канал — свой. И каждый конкретный кабельный оператор принимает решение ставить преобразователь определенного канала или не ставить. В большинстве случаев этот волюнтаризм проистекает не из-за злонамеренности операторов, а потому, что исторически наши локальные кабельные сети строились с расчетом на телевизоры, способные принимать сигнал только в метровом диапазоне. Передача сигнала дециметровых каналов, к которым мы за несколько последних лет успели привыкнуть, вообще не предусматривалась. Так что во многих случаях необходима была еще и установка на антенны специальных дециметровых резонаторов.

В качестве еще одного примера можно вспомнить эпопею со вводом в действие канала ТВ-6 — в советские времена прием шестого канала не был предусмотрен, ТВ-6 тогда потратило целый год и огромные средства на то, чтобы преобразователи их сигнала появились практически на всех коллективных антеннах. Обычно установка «распознавателей» производится за счет канала, который хочет быть «принятым»; лишь изредка крупная кабельная сеть из каких-то своих соображений включает канал в свой пакет безвозмездно. Для того чтобы дойти до большинства московских зрителей по местным кабельным сетям, нужны совокупные вложения в несколько миллионов долларов. Другими словами, по нынешним временам начать работу нового канала — не самая большая проблема. Получить лицензию, нанять редакцию, купить передатчик, установить антенну и начать вещать можно, но вас никто не услышит, пока вы не добьетесь приема вашего сигнала на каждой отдельно взятой антенне. Рассчитывать на то, что зрители самостоятельно будут ловить ваш канал индивидуальными антеннами, не приходится.

Дотошный читатель, несомненно, спросит, чем, собственно, отличается кабель от индивидуальной антенны-«рожек» от кабеля коллективной антенны. Почему на первую для приема новых каналов не надо ставить преобразователи-конвертеры, а на вторую необходимо? Спрашиваете — отвечаем. Во-первых, коллективная антенна стоит на крыше, по «дороге» к вашему телевизору происходит неизбежное затухание сигнала — поэтому сигнал каждого канала необходимо индивидуально усиливать. Во-вторых, у каждого оператора существует так называемый частотный план. Далеко не всегда какой-нибудь 51-й эфирный канал находится в кабеле на той же частоте, его часто перемещают куда-нибудь в другое место. Да и вообще большинство старых кабельных систем были рассчитаны в лучшем случае на 12—14 каналов — для остальных просто нет места. Неважно, что у вас дома новый телевизор, способный принять добрую сотню каналов, — пропускная способность передающей системы существенно меньше. То есть, может, на самом деле она не так уж и мала: для того чтобы ее увеличить, зачастую не нужно менять сам кабель, а достаточно купить новые фильтры, конвертеры, прочее сопутствующее оборудование — тогда и каналы все «помещаются», и даже к Интернету по тому же кабелю подключаться можно.

Куда податься?

Вывод напрашивается: строить новую башню или использовать имеющуюся (скажем, «плечи» нового здания Московского университета) дорого и неудобно — придется переориентировать все антенны. Передать же сигнал в кабель напрямую вообще практически невозможно — в Москве действует дюжина крупных кабельных операторов, покрывающих своими сетями большую часть столицы, но это вовсе не значит, что они могут свободно направить сигнал в свою сеть. Как объяснялось выше, сети эти часто не «физические», а виртуальные, отдельные их участки при этом между собой не связаны. Крупный оператор может быть владельцем полусотни разобщенных головных станций, которые принимают эфирный сигнал и раздают его абонентам. Нет сигнала в эфире — нет и вещания. Всего в Москве около 2000 головных станций. Связывать их все кабелем можно, но дело это не быстрое, да и денег, как всегда, нет. Как раз с этой ситуацией и было связано предложение руководства НТВ подать сигнал «НТВ-Плюс» (в который, напомним, включены на данный момент все крупнейшие национальные каналы) через «тарелки» на крупнейшие 100—150 головных станций. А они бы дальше распространили его по кабелю москвичам примерно в полтора миллиона квартир (около четырех миллионов человек). До остальных очередь дойдет не сразу, особенно в Центральном округе. Поста- ▶

вить всем москвичам собственные «тарелки» кажется делом и вовсе немыслимым — кто профинансирует?

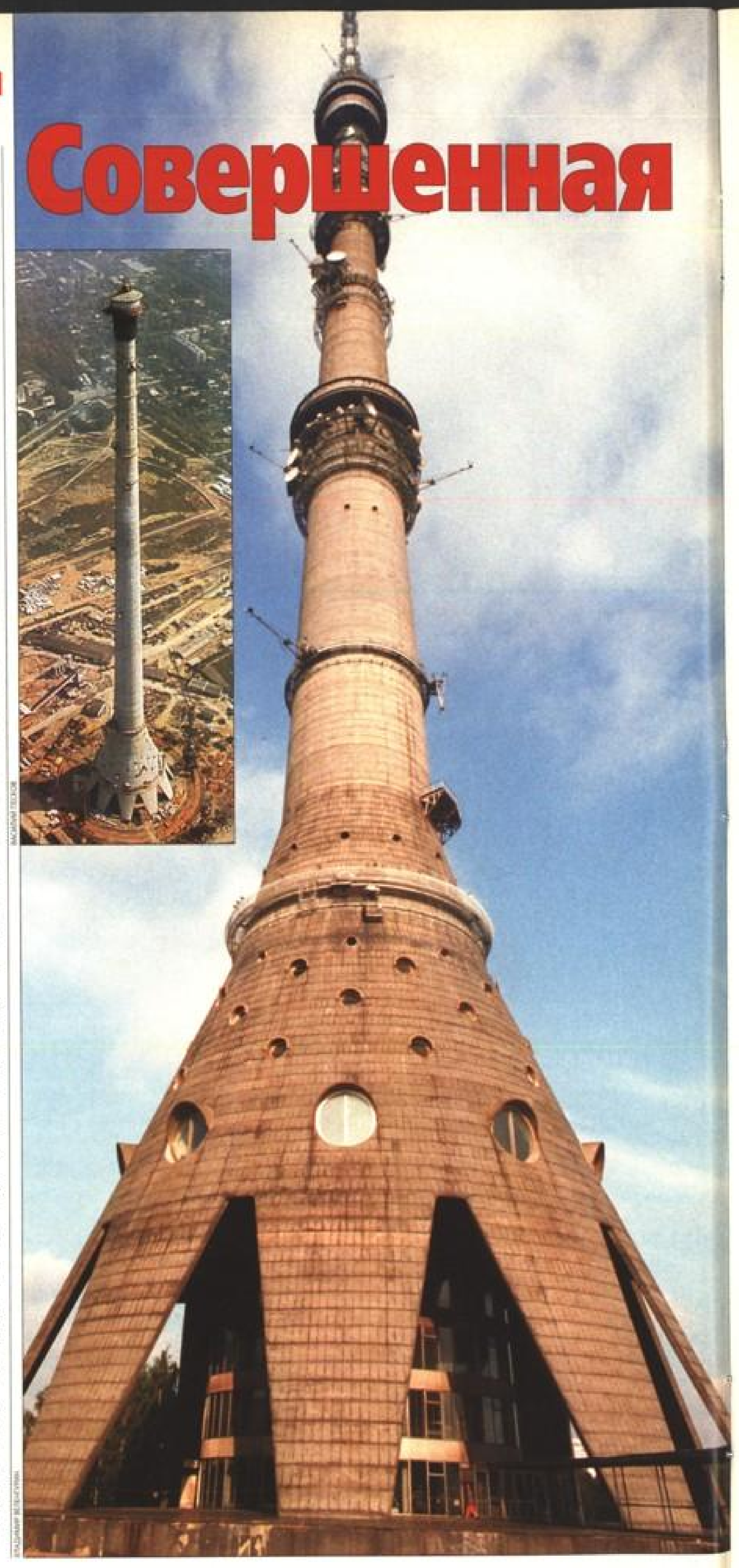
Следовательно, надо восстанавливать вещание с Останкинской башни — к такому выводу подталкивает всех министерство печати. Для министра Лесина вариант с центральным вещанием предпочтительнее: во-первых, таким образом его легче контролировать и оказывать нажим, буде понадобится; а во-вторых, можно в очередной раз отложить вопрос с концепцией телевещания как такового — ведь сиюминутные политические игры интереснее и капитал быстрее приносят.

Между тем очевидно, что ситуация, когда информационное снабжение десятков миллионов человек зависит лишь от одного где-то сгоревшего кабеля, явно ненормальна. Ненормально, когда большинство телезрителей может принимать лишь пять-шесть каналов из десятков имеющихся бесплатных. Ненормально, что при смене места вещания приходится переориентировать антенны. Ненормально, что сотни тысяч человек вынуждены жить в зоне сильных электромагнитных полей, возникающих в районе действия мощных передатчиков и антенн. Ненормально, наконец, что ТВ-сигнал, проходящий чуть не через десятки узлов по пути к пользователю, приходится многократно усиливать — затраченных на это средств могло бы хватить на новые технологии.

В США, например, все национальные каналы обязаны окончательно перейти с аналогового на цифровое вещание к 2005 году. Во-первых, при цифровом вещании в тот же частотный диапазон можно втиснуть в четыре раза больше каналов. Во-вторых, качество изображения резко повышается (до качества кинопленки). В-третьих, старые частоты будут сданы в резерв государству, где непременно пригодятся для развития других отраслей телекоммуникаций (например, мобильных радиоуслуг). А в-четвертых, больше не нужны будут коллективные антенны, строго ориентированные в одном направлении: можно будет обойтись небольшими индивидуальными, для которых не важна направленность, не важна толщина стен (до определенного предела, разумеется), не важно даже угловое смещение относительно источника сигнала (так, телевизор можно будет смотреть и в машине).

Чудесно, но откуда взять деньги на такие масштабные проекты? К сожалению, у государства денег, как водится, нет, рекламный рынок слаб и не позволяет безубыточно существовать даже крупнейшим телеканалам. Тем не менее только на первичное восстановление вещательных функций башни в Останкине уйдет не один миллион долларов. А месяц или год спустя — не дай Бог, конечно — шпиль башни заденет самолет; произойдет возгорание от необычно мощного грозового разряда; сам упадет, потому что произошла ошибка в расчетах при восстановлении. Опять все сначала?

Логичнее было бы указать потенциальным инвесторам пути, по которым будет развиваться российское вещание. Если уж нет денег на цифровое вещание, то не разумнее ли связать кабелями насквозь хотя бы Москву? А в глубинке, куда невозможно дотянуть кабель, переориентироваться на прием эфирного сигнала через спутники на коллективные антенны — пустить в случае необходимости сигнал через другой спутник занимает куда меньше времени, чем восстановить рухнувшую башню. В конце концов, не построить ли нам на худой конец хотя бы резервную башню, почему бы и нет? Вместо того чтобы дать ответы на все эти вопросы и определить стратегические направления развития инфраструктуры вещания (концепции, впрочем, имеются, но лежат под спудом и широко не обсуждаются), министры печати и связи предпочитают командовать монтерами при аврале. Генералов полно — полководцев не хватает. ■

Совершенная конструкция

Тело башни огонь не повредил: ее стены не только выдержали, но и надежно защитили чувствительное к температурным изменениям электронное оборудование

Елена Груева

ИНЖЕНЕРИЯ

Идея, предложенная в шестидесятые годы талантливейшим архитектором Николаем Васильевичем Никитиным, была революционна: выстроить высотное сооружение на фундаменте мелкого заложения. Обычно для небоскребов котлованы под фундамент роют глубиной в десятки метров. А тут массивная железобетонная конструкция высотой 540,1 метра опирается десятью опорами на фундаментное кольцо, уходящее в грунт лишь на 4 метра. Никто не поверил. Проект пробивали с большим трудом. Тем более что ни одного «наглядного примера» разработчики привести не могли. Их не существовало. Но Никитин имел опыт высотного строительства. Он участвовал в разработках проектов фундаментов всех московских высоток. Всех поражали не только остроумие замысла и элегантность силуэта, но и грамотные научные расчеты. При проектировании были учтены и возможные ураганные ветры, и ливни, и молнии, и сейсмическая активность, и пожары.

После того как башню в Останкине построили, идея Никитина, да и весь проект получили международное признание. Вскоре аналогичным методом была возведена телевизионная башня в ГДР, а потом и в Канаде. Башня в Торонто даже выше нашей на 13 метров, но ее-то построили позже. Хотя специально «рекорд», говорят, никто бить не собирался. Просто перед проектировщиками поставили задачу: обеспечить зону распространения телевизионного сигнала на 120 км вокруг, охватив Москву и

ОГНЕТУШЕНИЕ

В Торонто все спокойно

Руководство самой высокой в мире башни уверено в ее «пожароустойчивости»

О том, как готовится бороться с огнем самая высокая вышка в мире — Национальная башня Канады, — рассказал «Итогам» Брюс Маккензи, ее исполнительный директор по маркетингу.

Высота Национальной башни Канады (на фото), расположенной в Торонто, — 553,3 метра, что на 13 с лишним метров выше, чем Останкинская. Она была построена в 1976 году. На башне размещены несколько крытых и открытых обзорных площадок, ночной клуб и вращающийся ресторан на 400 мест. Верхняя обзорная площадка расположена на высоте 447 метров и считается самой высокой в мире.

Как объяснил г-н Маккензи, по всей высоте башни расположены пульверизаторы, которые в случае пожара начинают разбрызгивать воду в горящем отсеке. Такие системы есть во всех помещениях, включая те, где расположено телекоммуникационное оборудование. Специально созданная система подает воду на верхний уровень башни, где размещаются два больших резервуара на 57 тысяч литров каждый. Вода в них постоянно автоматически обновляется. Хотя инцидентов с огнем здесь пока не было, раз в несколько лет система модернизируется, последний раз — четыре года назад. В дополнение к этим резервуарам в основании башни расположены пожарные насосы, способные накачать на самый верх более двух тонн воды в минуту.

Кроме того, вся территория башни круглосуточно просматривается телекамерами, информация с которых поступает в службу безопасности и администрацию. На случай пожара или другого чрезвычайного происшествия в основании сооружения установлены три генератора электрического тока, которые в аварийной ситуации обеспечивают энергией систему жизнеобеспечения башни: пожарные пульверизаторы, насосы, аварийное освещение и лифты.

Важное отличие Национальной башни Канады в том, что ее лифты проходят по внешней стороне бетонной стены, а не внутри сооружения, как в Останкинской. Это не только позволяет посетителям башни любоваться во время подъема видами города, но и защищает лифты от пожара.

Поддержание всех систем безопасности, по словам канадских специалистов, остается одним из главных направлений деятельности персонала, работающего на Национальной башне Канады.

Оборудование, в том числе противопожарное, постоянно обновляется, руководство вышки регулярно проводит совместные семинары с пожарными службами города и полицией, чтобы определить план действий на случай чрезвычайных ситуаций.

Е.П.

Московскую область. Проект Никитина оказался лучшим.

Правоту Никитина подтверждает практика. За 33 года эксплуатации Останкинская телебашня пережила и землетрясение, и недавний ураган, не пожалевший тогда Кремлевской стены. Выстояла она и теперь. Страшный пожар не нанес конструкции существенного ущерба. «Ни о какой угрозе падения и речи быть не может, — утверждает Владимир Ильич Травуш, старший инженер проекта Останкинской телебашни, ныне заместитель директора ЦНИЭП им. Мезенцева. — В проекте была предусмотрена пожарная защита. В электрошахте через каждые десять с половиной метров сделаны железобетонные рассечки, препятствующие распространению огня. Лифты подвешены посреди ствола башни, а начиная с отметки «63 метра», вниз уходит железобетонный стакан, заглубленный еще и в землю на семь метров, как положено по стандарту для технического обслуживания кабин. По шахтам и распространялся пожар. Выгорело кабельное хозяйство, лифты надо менять.

Нельзя сказать, что система противопожарной защиты не сработала. При первых же симптомах задымления местные пожарники получили сигнал на пульт, о чем и сообщили в ресторан «Седьмое небо» и на смотровую площадку. Директор ресторана организовал немедленную эвакуацию людей, многие даже запаха дыма за 45 минут спуска по пожарной лестнице не успели почувствовать».

По свидетельству Травуша, тело башни огонь не повредил. Да и температура пожара не была высокой. Стены не только сами выдержали, но и надежно защитили дорогостоящее и весьма чувствительное к температурным изменениям электронное оборудование. Все передатчики находятся в рабочем состоянии.

Никитин строил башню на века. Именно поэтому был выбран железобетон как основной материал — он самый долговечный. Бетон защищает металл от коррозии, к тому же он огнеупорный. Строители знают, что у железобетона есть недостаток: со временем он может дать продольные трещины. В обычных конструкциях это не очень существенно. Но проектировщики, по свидетельству Владимира Травуша, решили подстраховать свою башню, придав бетону предварительное напряжение. Для чего и натянули сквозь всю конструкцию 149 канатов, сплетенных из тонкой металлической проволоки. После пожара часть этих канатов действительно при воздействии огня ослабла. Но они не держат башню. Они предохраняют бетон от образования трещин. Конечно, прежде чем начинать ремонт, необходимо провести тщательное обследование каждого узла конструкции с помощью специальных приборов. Вскоре телебашня вновь станет телебашней. ■

Остались «медные трубы»

Совсем недавно самая совершенная российская техника оказалась бессильна перед стихиями огня и воды.

Первый заместитель министра по чрезвычайным ситуациям Юрий Воробьев, однако, полагает, что главная опасность — техногенные катастрофы

Александр Рыклин

ДАМОКЛОВ МЕЧ

— Юрий Леонидович, башня не упадет?

— Я бы так сформулировал: думаю, не упадет. Дело в том, что первоначальный проект вообще никаких тросов не предусматривал. Только когда стало ясно, что башню придется нагружать различным дополнительным оборудованием, решили придать ей добавочный запас прочности. Поэтому-то руководство Госстроя и уверено, что угрозы обрушения нет. Правда, уверенность уверенностью, но, когда тросы начали лопаться, из-под башни все остальные службы уехали. Только мы остались. А если говорить серьезно, то, конечно, конструкция существенно ослаблена, и мы не зря все эти дни внимательно следим за метеосводками — если будет штормовой ветер, придется эвакуировать людей. Это не очень сложная задача. Опасный радиус — 180 метров. Башня не рухнет плашмя, она будет складываться.

— Последний раз, когда мы с вами встречались, вы много говорили о том, что страна «поизносилась» и угроза техногенных катастроф постоянно возрастает. В МЧС существует перечень объектов, которые требуют немедленного ремонта или реконструкции? Вы ждали неприятностей от Останкинской телебашни?

— Нет, не ждали. Да, в Москве есть тысячи объектов, гораздо более опасных.

— Например...

— Что ж я буду народ пугать.

— Ну хоть один пример.

— Скажем, Курчатовский институт. Да сколько угодно можно приводить таких примеров. Это ведь не проблема одной Москвы или даже только нашей страны. Это, если хотите, обратная сторона технического прогресса. Другое дело, что у нас все очень запущено. Перечислять устанешь: транспортные коммуникации, такие, как каналы, мосты, плотины; различные заводы по производству химических, взрывчатых или пожароопасных веществ; нефтехимия. Вся эта промышленность требует срочных капиталовложений. Я в данном случае не о рентабельности говорю, а о том, чтобы по соседству с этими объектами можно было спать спокойно. Возьмем, к примеру, нефтепроводы. Они были рассчитаны на безопасную эксплуатацию в течение 20 — 30 лет и давно выработали свой ресурс. Так их не только никто не реконструирует, а еще и загружают дополнительными мощностями — перекачка с новых месторождений идет по старым магистралям.

Ну и накопленные за десятилетия различные виды вооружений, часть из которых подлежит уничтожению, но пока по тем или иным причинам не уничтожается, тоже представляют реальную угрозу для населения.

— Как МЧС реагирует?

— Это не должно быть проблемой одного МЧС. Мы можем только информировать органы государственной власти о тех или иных рисках для населения в связи с угрозой той или иной катастрофы, ну и, разумеется, ликвидировать последствия. А принимать меры по профилактике чрезвычайных ситуаций — это уж дело владельцев. Другое дело, что государство, на мой взгляд, должно иметь возможность обязывать их принимать такие меры. Возвращаясь к телебашне... Какие там могли быть угрозы, кроме пожара, — не наводнение же. Ведь элементарно можно было установить современные автоматизированные системы пожаротушения. Дорого? А восстанавливать теперь во сколько раз дороже? В тысячи. И так всегда. Ликвидация последствий чрезвычайной ситуации всегда многократно дороже профилактических работ.

— Правительство что-то делает в этом направлении?

— Правительство с нашей подачи приняло десятилетнюю программу, которая предусматривает предупреждение чрезвычайных ситуаций и минимизацию ущербов от их последствий. Она предусматривает целый комплекс мер в области законодательства, научных изысканий, надзора, перевода на безопасные материалы, создания дополнительных спасательных подразделений и т. д.

— Эта программа уже воплощается в жизнь?

— В общем — да. Например, в ее рамках мы ведем паспортизацию всех промышленно опасных объектов. То есть определяем, насколько они опасны для населения и окружающей среды. Это гигантская работа, мы ведем ее уже в течение шести лет, и она еще не закончена. Но уже сейчас эта база данных позволит нам соответствующим образом ориентировать страховые компании. Совместно с Госгортехнадзором и Атомнадзором мы будем добиваться включения в закон о промышленной безопасности обязательного страхования рисков этих предприятий. Кроме того, МЧС готовит целый пакет законопроектов, обязывающих владельцев страховать риски третьих лиц, то есть обычных граждан, которые могут пострадать в результате катастрофы.

Другое направление — совершенствование структуры министерства и повышение собственной готовности. Например, создан Всероссийский центр мониторинга и прогнозирования, где аккумулируется вся информация о состоянии окружающей среды и опасных промышленных объектов. 70 процентов наших прогнозов сбываются.

— Эти прогнозы доходят до руководства страны?

— В правительство ежеквартально поступает подробнейший отчет.

— И тем не менее правительство далеко не всегда принимает надлежащие меры по профилактике чрезвычайных ситуаций. Значит, начальство все-таки не очень верит в ваши прогнозы?

— Видимо, 70 процентов — это еще не тот порог, за которым у ответственных лиц исчезали бы последние сомнения. Деньги-то надо вкладывать сейчас, а вдруг пронесет — не рванет, не обрушится, не прорвет. Законодательство не предусматривает ответственности в случае непринятия мер по предотвращению катастроф. А никаких запретительных полномочий у МЧС нет. Мы не можем закрыть завод, даже если он, по нашим прогнозам, завтра взорвется и разнесет полгорода. Нас позовут, когда разнесет.

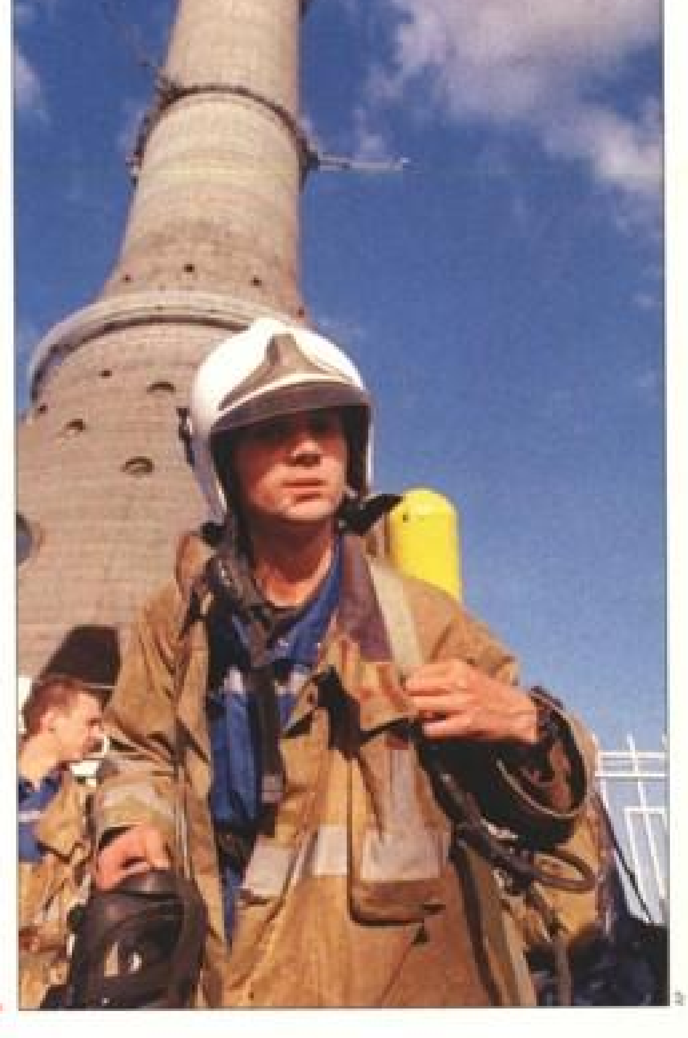
— А вы считаете, у МЧС должны появиться дополнительные полномочия?

— Думаю, все же — нет. Это будет похоже на повсеместное введение чрезвычайного положения. Другое дело, что государство должно увеличить расходы на превентивные меры по предупреждению чрезвычайных ситуаций. И эти расходы должны быть заложены не только в федеральный, но и в местные бюджеты. А так мы по-прежнему надеемся «на авось».

Скажем, пару дней назад на той же башне один из проектировщиков говорит: «Да, тросами укрепляли на случай штормовых ветров, а штормовые ветра в Москве, по данным наблюдений, бывают только раз в сто лет». И кто мне теперь скажет, когда этот раз в сто лет наступит? Это ж, как с Чернобылем. Вроде не могло случиться, а случилось. Поэтому очень важно, чтобы руководство страны начало реагировать на прогнозы, которые мы даем. Причем я имею в виду не только представителей федерального центра, но и местное начальство.

— Для того чтобы региональные лидеры осознали реальность той или иной угрозы для их территории, надо, чтобы они как минимум компетентно разбирались в вопросах безопасности.

— Это большая и серьезная проблема. Мы добиваемся, чтобы руководители всех уровней, в том числе и территориальных образований, проходили аттестацию в области управления безопасностью. Причем обязывать начальника проходить эту процедуру должен закон. Вне зависимости от того, назначен он на должность президентом или избран народом.

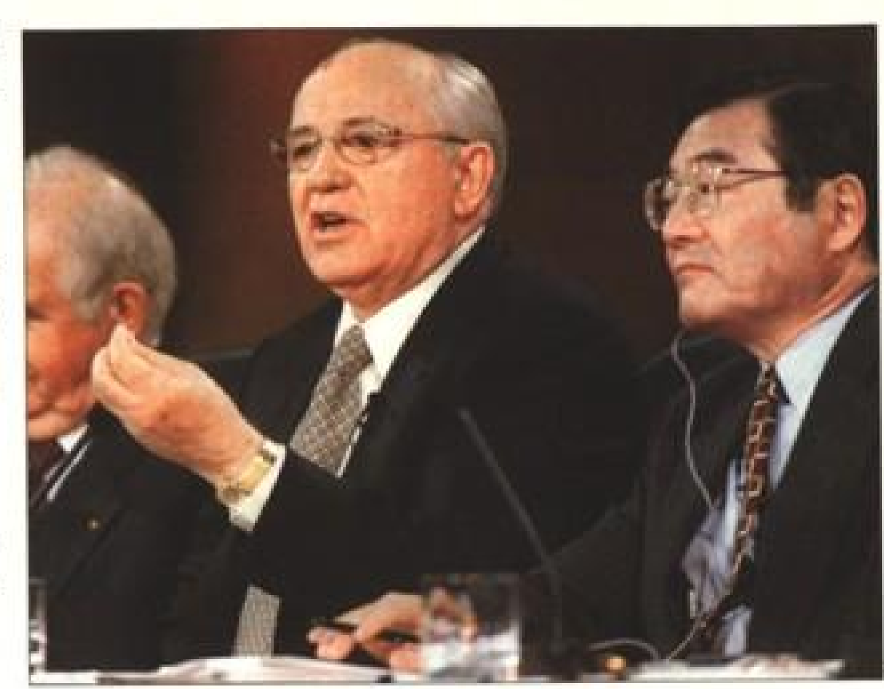
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ПЕРВЫЙ РУССКО-ЯПОНСКИЙ ДОГОВОР — ОН ПРИЗНАВАЛ ЮЖНЫЕ КУРИЛЫ ЯПОНСКИМИ — ПОДПИСАЛ ВИЦЕ-АДМИРАЛ **ПУТЯТИН** 145 ЛЕТ НАЗАД. К ЭТОМУ ДОКУМЕНТУ И АПЕЛЛИРУЮТ СЕГОДНЯ В ТОКИО, ТРЕБУЯ ВЕРНУТЬ

УТРАЧЕННЫЕ В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ОСТРОВА. СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ЛИДЕРЫ С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ ПРОТИВОСТОЯТ ЭТОМУ НАПОРУ. **ГОРБАЧЕВ** ПЕРВЫМ ПРИЗНАЛ НАЛИЧИЕ «ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ». **ЕЛЬЦИН,** ПООБЕЩАВ РЕШИТЬ ЕЕ ДО 2000 ГОДА, ТЩЕТНО ПЫТАЛСЯ ЗАПИХНУТЬ ЕЕ В «ДОЛГИЙ ЯЩИК». **ПУТИНУ** ПРИДЕТСЯ ДЕРЖАТЬ ОТВЕТ ЗА ОБОИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Курилы как опиум для народов

От Евфимия Путятина до Владимира Путина проблема этих затерянных в океане островов остается вечным двигателем российско-японских отношений

Василий Головнин

ВИЗИТ

МАМА БАЮКАЕТ МАЛЫША И РАСсказывает ему: «Там на островах живут удивительно красивые птицы, под деревьями бегают хитрые лисы, а в море плавают сильные рыбы. И это все наша земля, Япония». «Мама, — спрашивает малыш, — а когда мы туда поедем?» И получает ответ, что пока, мол, до чудо-островов не добраться, но день возвращения этих исконных территорий в лоно родной страны непременно придет.

Примерно такие, совсем не обидные для России, ролики показывают время от времени в Японии по телевизору за казенные деньги. Особенно любят потчевать этим телезрителей накануне 7 февраля. В этот день в 1855 году русский вице-адмирал Евфимий Путятин в соответствии с инструкциями императора Николая I подписал в городе Симода первый в истории договор с Японией, который установил линию границы двух стран между островами Уруп и Итуруп. Тем самым Санкт-Петербург признал права дальневосточного соседа на все нынешние спорные Южные Курилы, о чем в Токио не перестают напоминать, хотя, строго говоря, бумага с подписью адмирала давно потеряла юридическую силу.

Ежегодно в Японии отмечают День Северных территорий, что дает повод кучке шпаны из ультраправых группок устраивать «кошачьи концерты» у окруженного полицией комплекса российского посольства в Токио. На все те же казенные средства по всей стране установлены щиты со стандартной и опять же не провокационной надписью — «День возвращения Северных территорий — день мира». Под петицией с требованием к Москве отдать Южные Курилы подписались уже десятки миллионов японцев, резолюции подобного содержания механически принимает каждый местный парламент.

На этом, в сущности, все и заканчивается, поскольку движение за возвращение Северных территорий Японии давно выдохлось.

— Вообще-то, — говорила мне журналистка крупной японской газеты, занимающаяся отношениями с Россией, — время работает на вас. За Северные территории болеют душой в основном пожилые люди. Молодежь привыкла жить без этих островов, не вспоминает о них.

— Возвращение Северных территорий, — пояснил в частной беседе ответственный чиновник канцелярии премьер-министра Японии, — это символ. В них нет особой экономической нужды, поскольку ту же рыбу вокруг островов при современных методах промысла мы вычерпаем за несколько лет. Даже элементарное приведение территорий в порядок потребует огромных расходов в течение десятков лет без большой надежды на отдачу. Новых пространств Японии также не нужно — население у нас в перспективе имеет тенденцию к сокращению, к тому же людей, избалованных высоким уровнем жизни, трудно заманить

на эти разоренные острова. Больше того, если территории будут возвращены, мы столкнемся с новой для себя проблемой русского национального меньшинства.

Впрочем, подобное мнение в Японии можно встретить крайне редко. Южные Курилы, как было сказано, — это символ. В какой-то мере он стал частью японской национальной психологии, ломать которую достаточно хлопотно, а то и опасно.

За возвращение «исконных островов» выступают все политические партии страны — от правящей Либерально-демократической до коммунистов, которые, кстати, требуют добиваться не только Южных, а всех Курил до самой Камчатки. Особую роль играет японская пресса — для нее вопрос об «отношениях с Россией» намертво завязан на проблему Северных территорий. Среди экспертов по экс-СССР с профессорскими дипломами тоже не найти таких, кто хотя бы из стремления к оригинальности призвал не спорить с реалиями окружающего мира, махнуть рукой на острова и жить спокойно. Короче говоря, здесь, в Японии, никто не собирается относиться к Южным Курилам, как немцы к Кенигсбергу, — по крайней мере пока.

Путин и японцы

В преддверии визита в Токио, намеченного на 3 сентября, президент Владимир Путин был не в лучшей форме — совсем не таким, как в июле на саммите «восьмерки» на острове Окинава. Тогда Путин показал себя образованным и демократически мыслящим политиком, остроумным собеседником и умелым дипломатом. Однако после катастрофы «Курска» и пожара на Останкинской башне Владимир Путин из симпатичного президента-дзюдоиста разом превратился в жестокого и равнодушного политика.

— Конечно, нас беспокоит влияние, которое история с «Курском» может оказать на дипломатию Москвы, — сказал высокопоставленный японский дипломат, непосредственно занимающийся Россией. В Токио боятся, что после уничтожающей критики внутри страны и за рубежом Владимиру Путину будет трудно даже подумать о каких-либо нестандартных вариантах в отношениях с Японией, не говоря уже о компромиссе по территориям. Здесь искренне хотят, чтобы российский президент как можно скорее вернул себе уверенность и контроль над положением дел в стране — с таким правителем договариваться легче. Тем более что в Токио убеждены: Путин — это надолго, лет на десять. Поэтому с ним нужно дружить и настраиваться на марафонскую дистанцию.

По системе Дурова

В сущности, Токио с конца 90-х годов действует в отношениях с Россией по системе Дурова — никакой дубинки, только ласка. Напрочь забыт незыблемый в течение де-

ПРИЗВАВ ОТДЕЛИТЬ ПРОБЛЕМУ ОСТРОВОВ ОТ ВЫРАБОТКИ ДОГОВОРА С РОССИЕЙ, **ГЕНСЕК ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ ХИРОМУ НОНАКА** (СПРАВА) **СТАЛ ВОЗМУТИТЕЛЕМ СПОКОЙСТВИЯ.** ЕМУ ПРОТИВОСТОИТ КОНСЕРВАТИЗМ ЯПОНСКОЙ ЭЛИТЫ, А ТАКЖЕ ЦЕЛАЯ «ПАТРИОТИЧЕСКАЯ» ИНДУСТРИЯ, ЧЬЯ ПРОДУКЦИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, НО И ДЛЯ РУССКИХ

сятилетий железный принцип увязывания всех вопросов в двусторонних отношениях с решением территориального спора. «Мы не признаем давления как метода ведения диалога с Россией», — твердо сказал накануне визита Путина упомянутый выше высокопоставленный японский дипломат.

Еще в 1997 году официальный Токио взял курс на активизацию экономических отношений с Россией, снял запрет на военные контакты между двумя странами — а ведь еще недавно здесь даже заговорить было невозможно о сотрудничестве с «армией, оккупирующей наши исконные земли». В разгар конфликта Москвы с Международным валютным фондом Япония оказалась единственным государством, которое кредитовало Россию на двусторонней основе.

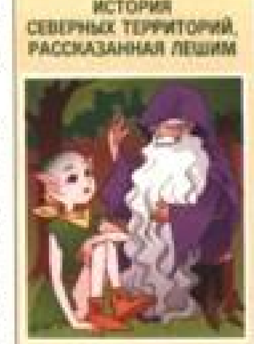
По совету Билла Клинтона и других западных лидеров Токио приложил огромные усилия к тому, чтобы установить теплые личные отношения с Борисом Ельциным — считалось, что экспансивный «русский медведь» может сгоряча принять «смелое решение» о судьбе Южных Курил. Основания для таких надежд были — ведь пообещал же Ельцин во время неформальной встречи с японским премьером Рютаро Хасимото под Красноярском в ноябре 1997 года «приложить все силы» к подписанию мирного договора до конца 2000 года.

Затем в апреле 1998 года на второй неформальной встрече на курорте Кавана российскому президенту изложили предложения Токио. Япония призвала зафиксировать в мирном договоре «линию Путятина», то есть признать права Японии на все Южные Курилы. Взамен Токио выразил готовность «пока» ничего не менять и оставить острова под российским управлением.

Время действия этого «пока» не уточняется. В частных беседах некоторые японские дипломаты говорят о годах или десятках лет, а самые смелые из них дают понять, что речь может идти и о практически бесконечном периоде. Впрочем, дебаты на этот счет пока бесплодны, поскольку «каванский вариант» Кремлю не понравился, а в Думе его не поддержали даже «Яблоко» и СПС, которые традиционно относятся к Японии с симпатией.

В ноябре 1998 года тяжело больной Ельцин без каких-либо устных пояснений вручил в Москве японскому премьеру Кэйдзо Обути российское контрпредложение, отпечатанное на нескольких листочках бумаги. Россия призвала до конца 2000 года заключить не мирный, а более широкий договор, скажем о дружбе и сотрудничестве. Предполагалось, что в нем стороны просто выразят готовность урегулировать территориальный спор. Конкретно судьбу Южных Курил Москва предложила решить на отдельных переговорах — когда-нибудь в будущем.

Японцев такой вариант с «долгим ящиком», понятное дело, не устраивает.

Новые сказки о главном

«Пойду встречу гостей, напою их вином и медом, давно мы не виделись!» — начинает под музыку Чайковского пропагандистскую сказку для русских детей «Леший с острова Кунашир». Далее, правда, когда леший с прочими духами берется объяснять, почему острова все-таки японские, повествование неизбежно сбивается на канцелярский язык. Впрочем, без антироссийских выпадов. Сказка — ложь, да в ней намек, и уж его-то леший формулирует без обиняков: «Единственной предпосылкой бесконечного продолжения проведения фестиваля леших является скорейшее разрешение проблемы Северных территорий»

Монолит дает трещину

— Ваше предложение нарушает ранее согласованную и зафиксированную в дипломатических документах договоренность подписать мирный договор на основе решения вопроса о принадлежности островов, — горячится близкий к правительству эксперт по России профессор Сигэки Хакамада, сводный брат Ирины Хакамады. — Такой подход нечестен, он разочаровал японцев. Складывается впечатление, что российское руководство вовсе не стремится прилагать все силы к заключению мирного договора, как это обещал Борис Ельцин.

С ноября 1998 года переговоры между двумя странами о мирном договоре фактически прекратились. Предполагалось, что каванское и московское предложения будут обсуждены во время визита российского президента в Токио, однако он бесконечно откладывался. В последний раз Борис Ельцин пообещал приехать в Японию весной 2000 года — но в декабре 99-го скоропостижно ушел в отставку.

Короче говоря, от нынешнего визита Путина с самого начала никто не ждал новых идей или проектов. Стороны заранее условились, что должны в деталях обсудить свои прежние предложения, уточнить нюансы. Именно этому во многом и должны быть посвящены три раунда переговоров с российским президентом в Токио, которые назначены на 4 и 5 сентября. Все остальное лишь «гарнир»: и «концептуальный документ» об экономическом сотрудничестве (без цифр и особой конкретики), и бумага о координации действий на международной арене, и ворох других, не столь важных протоколов.

— Мы надеемся, что после детального изложения позиций по мирному договору стороны уже в ближайшей перспективе сделают шаг вперед, — говорит высокопоставленный японский дипломат. — Не скрою, мы прорабатываем различные варианты на будущее. Япония настроена на гибкость, на активизацию диалога и ждет того же от России.

Кстати, накануне приезда Путина в монолитной позиции Токио возникла первая трещина — и какая! Один из са- ►

мых влиятельных политиков страны, генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии Хирому Нонака (его часто называют главным «кукловодом» нынешнего правительства), призвал отделить переговоры об островах от выработки договора. Он фактически поддержал предложение Москвы о скорейшем заключении «промежуточного соглашения», которое бы поставило отношения между двумя соседями на прочную юридическую основу еще до достижения компромисса о Южных Курилах.

Сенсационное заявление Нонаки встретило понимание со стороны многих влиятельных политиков, включая, скажем, председателя Политического совета ЛДП Сидзука Камэи. Всех их можно отнести к числу «новых националистов», которые считают, что архаичный спор об островах явно меркнет на фоне грозных реалий надвигающегося XXI столетия.

— Россия нам больше не угрожает, — говорит эксперт из МИД, близкий к этой группировке. — Главная опасность для Японии исходит от Китая и Северной Кореи. В интересах обеспечения национальной безопасности нам необходимо использовать «русскую карту». В дополнение к военному союзу с США Японии необходимо стратегическое партнерство с Россией, способное сдержать претензии Пекина на гегемонию в Восточной Азии и непредсказуемость Пхеньяна.

Сторонники таких взглядов считают, что чрезмерное упорство Японии по вопросу об островах невольно усиливает крен России в сторону сотрудничества с Китаем, в том числе и военного. Они напоминают, что Москва и Токио имеют практически идентичные взгляды по всем международным проблемам, их разделяет только «синдром островов». Поэтому нужно его локализовать, сделать не столь болезненным и потом разрешить, как говорится, в техническом порядке. Нечего и говорить о том, насколько такой подход соответствует самым сокровенным мечтаниям российских дипломатов.

Печальные цифры

Увы, генсек правящей партии — это еще не вся Япония. За свое заявление Хирому Нонака подвергся массированной атаке в прессе, против него ополчились могущественные мастодонты в консервативных кругах и активисты общенационального движения за возвращение Северных территорий, которые дают ЛДП на выборах немалую толику голосов. Был недоволен и МИД, который в Японии играет куда более важную и самостоятельную роль в выработке внешней политики, чем аналогичное российское ведомство. Короче говоря, генсек был вынужден дать задний ход и фактически дезавуировать собственные слова.

Однако это не означает, что Нонака и его сторонники отказались от своих взглядов. Генсек, скорее, лишь слишком рано открыл последний козырь Японии в случае встречных шагов со стороны Москвы.

— Судя по всему, на основе своего кавансского предложения японцы будут вести жесткие переговоры до последней минуты 31 декабря — ведь они пообещали приложить все силы к подписанию мирного договора к этому сроку, — считает высокопоставленный российский дипломат. — Поэтому реальные дебаты о возможных новых вариантах начнутся только в будущем году. Если наши прогнозы верны, то ситуация развивается в выгодном для России направлении.

Впрочем, оснований для оптимизма немного. Для Москвы и Токио Южные Курилы остаются не столько конкретной территорией, сколько воплощением национального престижа. Отказаться от него нелегко, и японцы на капитуляцию не пойдут — в лучшем случае им нужен достойный компромисс с серьезными уступками со стороны России.

Свою роль играет и то, что вне военно-стратегических расчетов Москва, увы, не вызывает в Токио особого интереса. Осознайте печальную цифру: на Россию приходится всего 0,58 процента японского товарооборота и лишь 1,2 процента иностранных инвестиций в Россию — японские.

В Москве тоже давно осознали: сдвиги в экономических отношениях мало зависят от спора о территориях, поскольку японский бизнес волнует другое — стабильность, предсказуемость, безопасность и платежеспособность нашего рынка. Мощно давит на Путина с его обещанием «сильной России» и усталость народа от постоянных поражений и уступок. Страна слишком много потеряла в последние годы и недели, чтобы легко отдать кому-то гряду далеких островов, о жизни которых большинство граждан России имеют самое туманное представление. ■

Василий Головнин, ИТАР — ТАСС — специально для «Итогов»
Токио

Жители Южных Курил не хотят «под Японию». Они привыкли к своему неопределенному статусу, и он их, похоже, устраивает

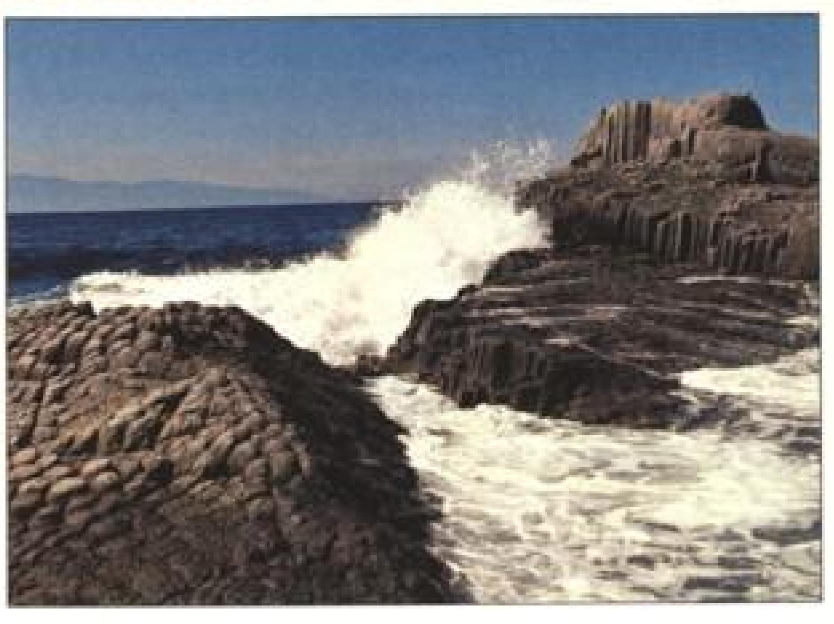
Островное братство

Галина Ковальская,
Александр Сорин (фото)

НЕПРИКАЯННЫЕ

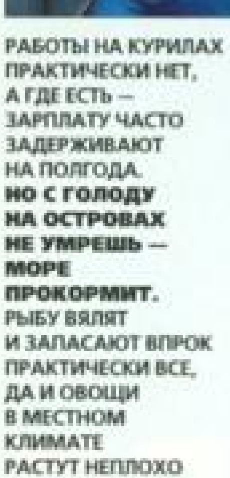
Идет по поселку Южно-Курильск румяная бодрая женщина лет шестидесяти, несет в руке ведро, от которого за версту пахнет навозом. Увидала нас: «Корреспонденты, что ли? (У коллеги на шее камера, так что догадаться несложно. — **«Итоги».**) Неужто с самой Москвы? А я тетя Тоня. Иду вот за коровьими лепешками, огород удобрять. А чего это вас к нам занесло? — и вдруг догадалась. — Небось, потому, что Путин в Японию поедет? Опять будут японцы говорить, чтобы острова наши им отдать». — «А надо отдавать, тетя Тоня?» — мне, наконец, удается вставить словечко. Тетя Тоня мотает головой: «Ни за что!» — а потом ставит свое пахучее ведро на землю и, подбоченясь, заводит песню: «Отдавать их не надо, Кто бы их ни просил. Ничего нет на свете Краше наших Курил». И неизменный припев: «Нету места на свете Краше наших Курил». У самой тети Тони, как и у очень многих курильчан, есть квартирка на материке, купленная на ссуду после землетрясения, но она там не прижилась — вернулась: «Привыкла здесь, меня сюда родители девочкой привезли, всю жизнь, почитай, тут. — И без всякого перехода: — Давайте я вам еще японскую песню спою, про сакуру, мы ее к приезду японцев в ансамбле выучили. Спели японцам про то, чтобы Курилы не отдавать, и про сакуру, чтобы им приятно было».

Япония претендует на четыре острова Курильской гряды: Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Хабомаи, строго говоря, не остров, а цепь маленьких плоских островков. Люди там не живут. Шикотан и Кунашир, расположенные ближе всего к японскому Хоккайдо — его прекрасно видно и с Шикотана, и с Кунашира, — объединены в Южнокурильский район Сахалинской области. Итуруп, самый большой и самый северный из четырех островов,

РАБОТЫ НА КУРИЛАХ ПРАКТИЧЕСКИ НЕТ, А ГДЕ ЕСТЬ — ЗАРПЛАТУ ЧАСТО ЗАДЕРЖИВАЮТ НА ПОЛГОДА. НО С ГОЛОДУ НА ОСТРОВАХ НЕ УМРЕШЬ — МОРЕ ПРОКОРМИТ. РЫБУ ВЯЛЯТ И ЗАПАСАЮТ ВПРОК ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ, ДА И ОВОЩИ В МЕСТНОМ КЛИМАТЕ РАСТУТ НЕПЛОХО

составляет самостоятельный Курильский район. В советское время именно Южно-курильский район считался самым богатым и перспективным. Сейчас он беднее Курильского. Сами кунаширцы и шикотанцы говорят, что не выдержали двойного удара: реформ и страшного землетрясения 1994-го. Впрочем, и то и другое на Итурупе тоже имело место, однако Итуруп как-то поднялся и уже пару лет живет без областных дотаций, а Южные Курилы все никак не оправятся. Последние две зимы вообще провели практически без света и тепла, а зимы здесь хотя и не морозные, но зябкие: такая влажность, что и при минус трех коченеешь. После землетрясения население на южных островах уполовинилось: по данным переписи 1998 года, сейчас на Кунашире и Шикотане живет около восьми тысяч человек, а раньше было 15 тысяч. Испугались землетрясения и уехали. Однако немало и таких, кто, как тетя Тоня, вернулись.

Цари природы

Кажется, бог затеял в этих местах что-то вроде экспериментальной лаборатории, такое здесь неистовое буйство разных форм и видов жизни, такое немыслимое разнообразие пейзажей на крошечном, в сущности, пространстве. На этих островах даже вполне банальные травки, деревья или птицы приобретают совершенно необычный облик: лопухи вымахивают в человеческий рост, березки пускают по два-три тоненьких кривых ствола из одного корня, решительно опровергая стереотип «стройная как березка», а вороны все иссиня-черного цвета с внушительными горбатыми клювами, как у попугаев. Поднимаешься на пригорок и видишь типичный северный пейзаж: тут и там кедровый стланик да редко стоящие ели. Только под ногами при этом не мох, а бамбук. А через несколько шагов можешь попасть в джунгли: густой широколиственный лес, какие-то лианы свисают. И тут же рядом — скалы, и океан шумит.

Когда среди этого великолепия набредаешь на следы жизнедеятельности человека, испытываешь шок почти такой же силы, как от соприкосновения с курильской природой: «И зачем господу понадобилось это омерзительное создание?» Насквозь проржавевшая бронетехника валяется где попало и как попало, прогнившие ничейные шхуны у пирса, здания, разрушенные землетрясением, не восстановленные, но и не снесенные, торчат себе без окон и дверей. Да и жилые дома имеют вид крайне несимпатичный: эдакие бараки-времянки, обтрепанные и неопрятные. И всюду мусор. В поселках, на берегу, в самых красивых бухтах — окурки, битые бутылки, консервные банки. В России почти везде так, но почему-то именно на Курилах это выглядит прямо-таки кощунством. Коли ты равнодушен к красоте, зачем здесь живешь? А коли неравнодушен — зачем гадишь?

На Шикотане довелось наблюдать встречу местных пограничников с японцами, которые приехали на старое кладбище, поклониться родным могилам. Задача пограничников была предельно проста: сосчитать приехавших и удостовериться, что уехало столько же. Однако в действительности для ребят с заставы это отличный повод расслабиться, устроить себе маленький пикничок в живописном месте. Так что отправились встречать гостей загодя, накануне вечером, большой дружной компанией, еще и «краснопогонников» с собой прихватили (так на островах называют военных, которых, в отличие от пограничников, местные жители почему-то не жалуют и считают, что основное загрязнение окружающей среды происходит именно от них). Наловили креветок (здешние креветки называются чулимами), горбуши, и, пока японцы молились на своем кладбище, начали на бережку закусывать. Валерий, представитель районной администрации, который работает с японцами уже несколько лет, попробовал было товарищей усовестить: «Давайте огрызки в одну кучу складывать, а то перед японцами неловко», но тщетно. Зато тема японской чистоплотности была охотно подхвачена. Местные жители, включая пограничников и армейских, практически все хоть по разу, да побывали в Японии и составили о ней собственное мнение: «Да уж, японцы объедки под себя не бросают». Нам с коллегой, в Японии никогда не бывавшим, с энтузиазмом сразу на несколько голосов рассказывают, что японцы носят с собой карманные пепельницы, в которые стряхивают пепел, дабы не мусорить на улицах. «А я, — вставляет начальник погранзаставы, симпатичный, вполне цивилизованного вида мужик, — я нарочно бросал окурок на землю и ногой растирал. Они на меня со всех сторон таращились, но слова не говорили. Что я, в самом деле, извращенец, пепельницу в кармане носить?» — «Да уж, такие мы есть, — философически заметил Валерий. — Нас не переделать».

Вернулись на берег японцы — наши тотчас принялись потчевать их чулимчиками и ухой. Те заулыбались, закланялись благодарно, приняли угощение и сунулись было присесть рядом с нашими на травку. До сих пор перед глазами стоит застывшее на миг лицо японца, когда он увидел, что зеленый холмик, на который он вознамерился усесться, весь усеян креветочными панцирями. Впрочем, он тотчас снова заулыбался, отошел и ел, как и другие его соотечественники, стоя на берегу, лицом к морю. Потом настал черед японцев угощать наших. Откуда ни возьмись появился огромный мягкий полиэтилен, который служил скатертью (не без труда нашли еще не замусоренное место), достали пластиковые контейнеры, в которых лежала японская снедь, выложили на скатерть. Переводчик пригласил всех к столу и, немного смущаясь, добавил, что по японскому обычаю надо бы снять обувь. После еды японцы вынули огромные пластиковые пакеты и стали собирать в них мусор. Подходили и к нашим, улыбаясь и кланяясь, подставляли пакеты — кидай, мол, туда. Видела, как один наш солдатик растерянно улыбнулся в ответ... и все-таки бросил банку из-под пива мимо пакета, на землю. И впрямь «не переделаешь»?

Мы и они

Пока наши дискутировали про японские пепельницы, японцы бродили по заросшему травой по пояс кладбищу и аккуратно прощупывали землю стеками, пытаясь найти надгробия. Один старик с каким-то застывшим выражением лица так весь день и пробродил, и не нашел могилу, что искал. Потом быстренько, кто механической косилкой, а кто и просто маленькими косами, выкашивали траву и кое-как подправляли покосившиеся надгробия. «Что же мы за люди, — спросила я, вернувшись к нашим воякам, — что не можем людские могилы обиходить?» — «А ты на наше кладбище загляни, — меланхолически ответили мне. — Там ничуть не лучше».

Японцы и Япония присутствуют в жизни Южных Курил постоянно. Безвизовые обмены (детские, молодежные, семейные, специалистов и проч.) предполагают обмен равновеликими делегациями. Но в Японии живет около 120 млн. человек, а на Кунашире да Шикотане — 8 тысяч. При этом японцы оплачивают поездки и своих, и российских групп. Так что возможность на халяву прокатиться есть у всех. Да и принимать японских гостей приходится то и дело. Редкий житель Шикотана или Кунашира, вспоминая землетрясение, не добавит: «Японцы первыми нам помогли, когда Москва еще и не чухнулась», и тут же расскажет, что уйму японской гуманитарки, разумеется, разворовали местные власти. На Шикотане непременно покажут построенную японцами электростанцию: «Из-за нее мы в Крабозаводске зимой не околели: и свет бывал, и тепло, а в Малокурильске (на Шикотане всего два поселка) вообще подыхали». Начальник этой станции рассказывал, что первое время удавалось выпрашивать у японцев и гуманитарное топливо для станции — а то, дескать, будет она зря простаивать. «Пока гуманитарное топливо давали, все было отлично. Потом стали наше из области завозить, так оно водой разбавленное. А японская станция на разбавленном работать не хочет. Пришлось нам сепаратор поставить. Японцы приезжают, никак в толк не могут взять: зачем на электростанции сепаратор?» Сейчас строят такую же гуманитарную электростанцию на Кунашире, в Южно-Курильске. Строят японские рабочие, которые живут при этом в море, на судне. Утром причали- ▶

ТЕТЯ ТОНЯ МОГЛА БЫ ВЕРНУТЬСЯ НА МАТЕРИК — ЕСТЬ КУДА. НО ОНА, КАК И МНОГИЕ КУРИЛЬЧАНЕ, ПРИКИПЕЛА ДУШОЙ К ЭТОМУ ПРЕКРАСНОМУ И ЗАГАЖЕННОМУ КЛОЧКУ СУШИ

ПУТИНА

Труд и капитал

Организация цивилизованного рыбного промысла на островах упирается в «человеческий фактор»

Крупные капиталисты-рыбопереработчики появились в Южнокурильском районе совсем недавно, чуть больше или чуть меньше года назад. Сахалинский губернатор Игорь Фархутдинов считает, что главная беда района как раз из-за того, что местное руководство непростительно затянуло процесс приватизации обанкротившихся советских монстров. Наследство «Островного» поделили между собой две фирмы: в Малокурильске обосновались собственники, унаследовавшие и название — они называются ЗАО «Рыбокомбинат «Островной», а на острове их зовут «москвичами», хотя среди тамошних руководителей есть и сахалинцы, и местные. Загвоздка в том, что хозяин ЗАО вместе со своей командой появился на Шикотане в качестве внешнего управляющего обанкроченного «Островного», потом выкупил часть недвижимости. Разумеется, выкупил он недвижимость, а вовсе не долги. Долги остались на государственном унитарном предприятии «Комбинат «Островной», которое номинально еще существует. Немудрено, что хозяев ЗАО на острове не жалуют. Как, впрочем, откровенно не любят и других капиталистов, купивших остатки прежнего промгиганта в Крабозаводске. Там хозяйничает компания «Гидрострой» (ее в народе окрестили «Хитрострой») — крупный, серьезный собственник, который, по словам того же Фархутдинова, по существу и поднял экономику Итурупа (там находится головное предприятие Гидростроя).

У гидростроевцев планы наполеоновские: они закупили и почти закончили монтаж новейшего оборудования, рассчитанного на круглогодичную работу. (Вообще-то рыбопереработка — занятие сезонное, но если организовать хранение больших запасов, можно обеспечить основному составу работников занятость на весь год, а на пик путины поднанимать еще сколько-то.) Развернуться планируют уже в ноябре, то есть когда пойдет минтай. Прошлую путину отработали еще на старом оборудовании, а сейчас нанимают людей на строительные работы. Вот бы и радоваться населению: сколько лет перебивались случайными сезонными приработками, а тут перспектива оплачиваемых рабочих мест. Но шикотанцы на ЗАО «Крабозаводск» (так называется местный филиал «Гидростроя») наниматься не спешат. «Там ужасные условия труда, — объясняет энергичная женщина лет тридцати при полном согласии своих подруг, которые тоже предпочитают жаловаться на безработицу, но не работать в ЗАО. — Там как раб: два часа работаешь, не смей на минутку оторваться, потом можно пятнадцать минут передохнуть. Задержался на минуту — штраф, а то и вовсе под зад коленом». Рыбопереработка — конвейерное производство. При всем желании не могу представить себе, как будет работать конвейер, если любой работник в любую минуту может перекурить. «А в советское время как было?» Женщины единодушны: «Такой эксплуатации не было». То ли забыли, то ли и вправду тогда даже на конвейере можно было сачковать, то ли от государства легче терпеть жесткие требования, чем от собственника. «Я не привык иметь дело с такими работниками, — говорит обозревателю «Итогов» директор «Крабозаводска». — У нас на Итурупе люди не прогуливают, не опаздывают. А здесь после зарплаты половина уходит в загул на несколько дней. Сначала увольнял за нарушения дисциплины, потом понял: скоро не с кем будет работать. Тогда ввел систему штрафов». В итоге за прошлогоднюю путину рабочие, завезенные в Крабозаводский с Итурупа, получили существенно больше, чем местные, — местных то и дело штрафовали. Любви к новым хозяевам от этого на Шикотане не прибавилось.

Картина везде одинаковая: местный люд жалуется на пришедших капиталистов, а те на местных работяг: пьют, разгильдяйничают, плачутся по поводу безработицы, а работать не хотят. Радикальнее всех настроены владельцы ООО «Южно-Курильский рыбокомбинат», выкупившие развалины советского гиганта. Там после прошлогодней путины из более чем полутораста оставили всего восемь местных работников, и уже на моих глазах уволили еще троих из этих восьми. Рабочих завозят с Сахалина, вербуют отставных моряков, шахтеров, уволенных с закрытых шахт.

Исполнительный директор ООО Георгий Якушин отстаивает преимущества вахтового метода: не воруют — нести некуда, не запьют, не прогуляют, живут все в общаге, а кормят их до отвала бесплатно в рабочей столовке; не отвлекаются на домашние огороды, а целеустремленно вкалывают — зашибают бабки, размеры которых зависят от выработки; наконец, не надо ломать голову, чем занять их в промежутке между путинами. Якушин вообще считает, что строить на Курилах градообразующие предприятия, как это делали коммунисты, — полное безумие. «Здесь, на островах, должно остаться совсем немного людей», — говорит Якушин. В его словах немалый резон: и острова целее будут, и бюджетные затраты на жилкомхоз сократятся. На Курилах, понятное дело, энергетика и топливо — да все, что приходится завозить, безумно дорого. Как, впрочем, дороги и продукты в магазинах — они же тоже завозные: хлеб, к примеру, 15 рублей буханка, самая мерзкая колбаса — рублей по 180. Смотришь на здешние цены и думаешь: да они должны толпами в очереди на работу стоять, а не халтурить. Поди ж ты... Немногочисленные предприниматели-рыбопереработчики из местных бережнее и терпимее относятся к своим землякам. Но и они сетуют: после зарплаты несколько дней рабочих не соберешь.

Это только на первый взгляд странно, что курильчане не радуются новым рабочим местам на рыбокомбинатах. Рыбопереработка — дело монотонное и изнуряющее, режим: двенадцатичасовая смена через каждые двенадцать часов. При этом зарабатывали на прошлой путине в ЗАО «Крабозаводский» максимум 7–7,5 тысячи рублей в месяц. (Это если без штрафов. А в «Южно-Курильском» и того меньше.) Между тем здесь же, на островах, масштабный браконьерский промысел приносит доходы совершенно иного порядка: по слухам, рыбаки на судах, нелегально вывозящих морепродукты в Японию, могут зашибить за сезон 500—600 тысяч баксов. (Доходы их хозяев никто не берется оценивать.) Речь идет о давно известном и многажды обсуждавшемся нелегальном бизнесе: зарегистрированные, имеющие лицензию рыбодобывающие суда получают лимит на вылов, к примеру, одной тонны краба или морского ежа, вылавливают столько, сколько удается, и по демпинговым ценам продают японцам. Местный журналист Сергей Хван рассказывал: в прошлом году курильские рыбаки в сумме получили лимитов на вылов десяти тонн краба. Специальный агент, посланный в Японию, за один день зафиксировал продажу с курильских судов более 100 тонн. На фоне браконьерских доходов — а ведь островной мир тесен, и от соседа деньги особенно не спрячешь — горбатиться за жалкие рыбокомбинатские зарплаты кажется особенно унизительным. Притом время от времени можно кое-что подзаработать при браконьерах (подремонтировать, подправить снасти или оборудование, просто помочь в чем-то по мелочи), и эти заработки между делом не в пример приятнее, чем монотонный конвейер. Да и не так обидно, как гнуть спину на пришлого капиталиста. Конечно, при советской власти тоже вкалывали на конвейерах и в том же двенадцатичасовом режиме. Но тогда на свою зарплату они проводили отпуск в Сочи, выступая в роли богатеньких дядюшек-тетушек для всех материковых родственников. Теперь даже в один конец в Москву с семьей не слетаешь.

Галина Ковальская

В РОССИИ И ВОКРУГ

НА ЮЖНО-КУРИЛЬСКОМ РЫБКОМБИНАТЕ, СЛУЧАЕТСЯ, ВАРЯТ И БРАКОНЬЕРСКОГО КРАБА. ТОГО, ЧТО РАБОЧИЕ НА ФОТО ВЫВАЛИВАЮТ В КОТЕЛ, ПОГРАНИЧНИКИ КОНФИСКОВАЛИ У НАРУШИТЕЛЕЙ

КРИМИНАЛ

По отечественной статистике, поставки морепродуктов в Японию в 1999 году составили 82,5 тыс. тонн на сумму 196,5 млн. долларов. Теперь внимание: дотошные японские подсчеты фиксируют совсем иную картину. В страну в это же время ввезли 215,9 тыс. тонн российских морепродуктов на 1,162 млрд. долларов.

В сущности, как говорят эксперты, на Дальнем Востоке действует отлично отлаженное криминальное «совместное предприятие», основанное на разделении труда: наши браконьерствуют, а японцы покупают и снабжают промысловиков-нелегалов всем необходимым оборудованием.

Объем нелегального экспорта крабов, например, в 3 раза превышает официальные данные, уверяют российские источники в Токио. Только за последние полгода в Японию поступили 18 тыс. тонн свежих крабов, которых вообще запрещено вывозить из России.

Разница от объемов официального вывоза морепродуктов из России и их реального ввоза в Японию, как легко сообразить, оседает в карманах владельцев криминального «совместного предприятия». В результате, по подсчетам Госкомрыболовства, утечка капитала в Японию ежегодно составляет от 700 миллионов до миллиарда долларов.

Разговоры о том, что безобразию пора положить конец, ведутся давно. Однако наши власти до сих пор не могут даже отследить число заходов в порты Японии судов под российским флагом. «Из сотни мы фиксируем от силы одно», — признаются источники в нашем посольстве в Токио.

В.Г.

▶ вает катер, они сходят на берег, кажется, совершенно одинаковые: в форме, касках, спасжилетах, которые тут же по прибытии на берег аккуратно снимают и складывают в малюсенькие свертки — и, вытянувшись муравьиной цепочкой, отправляются на работу. Вечером так же возвращаются. Специально построили пирс, чтобы не причаливать к гнилому, полуразвалившемуся. Проложили и заасфальтировали дорогу от пирса к месту стройки: не возить же материалы по местным колдобинам. И дорогой, и пирсом, естественно, пользуются не только японцы.

Мои попытки выяснить у местных — простых ли жителей или начальства, — почему даже черную работу японцы выполняют сами, не нанимая курильчан, и почему даже щебень привозят свой в мешках, совсем не используя здешних материалов, как ни странно, ставят собеседников в тупик. До меня никто, видимо, не задался этим вопросом: к такому поведению японцев привыкли. Районные начальники ограничиваются констатацией: таково было категорическое требование японской стороны, а им ли, району, пережившему две такие зимы, что и лютому врагу не пожелаешь, торговаться и препираться. Местные работяги задумчиво и без особой уверенности предполагают: «Японцы же о своей выгоде думают, чтобы им удобнее было». — «Так выгоднее нанять дешевого работника и щебень не возить из-за моря». — «Не, у них свой интерес...»

Очень сложное здесь, на Курилах, отношение к японцам. На уровне личных контактов — сплошная сердечность. Каждый с видимым удовольствием рассказывает про «своего» японца (того, который останавливался в его доме), какой тот приятный в общении человек. Японские детишки, уезжая на родину после побывки на Курилах, прямо-таки заливаются слезами и утешаются, лишь получив клятвенные заверения, что полюбившиеся им семьи непременно приедут с ответным визитом. И все же нельзя сказать, что курильчане прониклись к японцам сколько-нибудь теплыми чувствами. Каждый жест доброй воли, каждая акция помощи с японской стороны воспринимается со смесью признательности («без них нам бы вообще худо пришлось») и настороженности («они же это не просто так»). Жители Кунашира и Шикотана постоянно помнят о японских претензиях на острова, о которых японцы постоянно напоминают. Они приезжают в гости не с пустыми руками: везут подарки, гостинцы, в том числе, например, самоучители японского языка и видеокассеты на русском языке «Знаете ли вы историю Северных территорий?». Курильчане не зашвыривают эти кассеты куда подальше — смотрят, языками цокают: «До чего ж они твердо гнут свою линию. Мы так не умеем». Именно то, что жители Курил изо дня в день наблюдают эту японскую неуклонность и последовательность, и вместе с тем твердая убежденность, что Россия никогда и ни в чем не сможет быть так последовательна, заставляет кунаширцев и шикотанцев жить в постоянных сомнениях: «Отдадут? Не отдадут?» Вся остальная Россия твердо знает: Путин сказал, что у нас лишней земли нет, — стало быть, нечего и думать об этом. А местные-то видят: в России Ельцин скажет одно, Путин — другое, а Япония, как там власть ни меняется, стоит и будет стоять на своем.

Отдавать — не отдавать

Можно было бы ожидать, что побывавшие в Японии курильчане захотят и себе подобной жизни. Этого, однако, не проис-

БЫТОВОЕ БРАКОНЬЕРСТВО — ДЛЯ СЕБЯ, НЕ НА ПРОДАЖУ — ДЕЛО НА ОСТРОВАХ СОВЕРШЕННО ОБЫДЕННОЕ. ПОГРАНИЧНИКИ, НЕ СТЕСНЯЯСЬ МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ, СПОКОЙНО ЗАБРАСЫВАЛИ СЕТЬ И ОЧЕНЬ БЫ УДИВИЛИСЬ, ЕСЛИ БЫ ИМ КТО-ТО СКАЗАЛ, ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ НЕЧТО ПРОТИВОЗАКОННОЕ

ходит. Японцам даже не завидуют — как можно завидовать инопланетянам?

«Мы не сможем жить под Японией, — твердо отвечает на мой вопрос Евгений Григорьев, директор Южнокурильского заповедника, интеллигентный и деятельный человек, абсолютно лишенный державных завихрений. — Я много и охотно работаю с японцами, восхищаюсь их умением вписаться в природу, не обезобразив ее. Но я точно знаю: это закрытый мир, там чужим места нет. И потом, — Евгений улыбается, — у нас же с ними все в противофазе: у нас цвет траура черный, у них — белый, мы водку пьем холодную, они — теплую». Конечно, мало кто из курильчан может выдавать такие чеканные формулировки, но чувствуют так почти все. За все время обнаружила всего троих, кто хотел бы «пожить под японцами». Один пенсионер, бывший геолог, попавший на Кунашир три года назад (врачи категорически потребовали переезда во влажный климат) и безоглядно в него влюбившийся. «Больно смотреть, как гадят и мусорят здесь наши. Хочу умереть среди чистой природы, поэтому хотел бы, чтобы остров достался японцам». Второй — тоже сравнительно недавний переселенец и тоже прикипевший сердцем к здешним местам. Сам советский кореец, беженец из Казахстана, он говорит осторожно: «Я хотел бы попробовать жить с японцами. Все же в наших культурах немало общего». Он же категорически утверждает: «Русские с японцами точно не уживутся. Если что, им придется уезжать». Третий — молодой врач, работающий в поликлинике, построенной все теми же японцами. Ему доводилось работать в Японии, он немножко знаком с их медициной, их оборудованием. Он знает, что в записке «О мерах в отношении жителей российского происхождения», разработанной Обществом по изучению проблемы восстановления суверенитета Японии над Северными территориями, говорится: «Дипломы врача, медсестры, имеющиеся у жителей российского происхождения, будут признаваться действительными лишь после прохождения определенных учебных курсов». Но у него так и вспыхивают глаза, когда он произносит: «Поработать при японцах...»

Может, кроме этих троих, найдутся еще с десяток чудаков. Остальные же курильчане делятся на тех, кто, как тетя Тоня, настроен «ни за что не отдавать», и тех, кто, напротив, не возражал бы, чтобы острова перешли под Японию — «тогда нам дадут приличную компенсацию — будет, с чем на материк уезжать». Но даже и они, говоря: «Хоть бы отдали острова японцам» — кажется, немного лицемерят и пытаются таким образом шантажировать Москву. Было бы странно, если бы местные жители не пытались извлечь максимум выгод из японских претензий на острова.

На Кунашире большинство живет под лозунгом «Своей земли не отдадим ни пяди». На Шикотане гораздо больше народу с чемоданными настроениями. Отчасти это связано с тем, что шикотанцы в среднем живут победнее. Во-первых, кунаширская акватория богаче высокосортной рыбой и ценными морепродуктами. Во-вторых, на Кунашире все начальство: районное руководство, главные пограничники и, особенно, таможня и рыбнадзор. Кстати, единственное приличное здание во всем Южно-Курильске принадлежит как раз рыбинспекции. Шикотан еще больше, чем Кунашир, оторван от остальной России. На Кунашир попадают самолетом из Южно-Сахалинска. По расписанию самолеты летают четыре раза в неделю, фактически же — все зависит от погоды. Можно ждать в аэропорту (буквально «у моря погоды») неделю, можно и месяц — как повезет. Но на Шикотан вообще ничего не летает. Чтобы с Шикотана попасть на материк, надо сначала найти какое-нибудь суденышко, плывущее на Кунашир, а ни один капитан не знает толком, когда именно тронется в путь и сможет ли взять с собой пассажиров — это зависит и от той же погоды, и от всяких производственных обстоятельств. Так что рассчитать время попадания в Южно-Сахалинск невозможно даже с точностью до недели.

Главное отличие кунаширского мироощущения от шикотанского связано вот с чем: бывшие работники кунаширского Южнокурильского рыбокомбината худо-

бедно свою зарплату получили, а шикотанский «Островной» до сих пор остается должен кому за два года, кому и больше. Поэтому кунаширцев формально на Курилах ничто не держит: съездили на материк — не понравилось, вернулись. А бывшие работники «Островного» в душевном раздрае: неужто уехать и подарить неведомо кому свои кровные? Этих «кровных» кому-то осталось получить не так уж много: после продажи большей части имущества «Островного» кое-какие долги людям заплатили, правда, в основном не деньгами, а продуктами по завышенным ценам. Многие от отчаяния брали. Среди тех, кто решился ждать живых денег, есть и такие, кому должны тридцать—сорок тысяч. «Вернули бы деньги или японцы бы компенсацию подарили — ноги бы моей больше здесь не было», — в сердцах повторяют многие шикотанцы. А вот бабушка — продавщица в местном магазинчике уже собралась на материк: она на «Островном» не работала, ее долги не держат. Домик свой продает за 15 тысяч. Конечно, этих денег только-только хватит, чтобы добраться самой и увезти контейнер с вещами. Но у нее квартирка на окраине Волгограда — там и собирается жить на свою «северную» пенсию. Вот только выписываться с Курил не хочет: «Может, все же отдадут острова-то. Жалко компенсацию терять». Ей и жалко, чтобы острова перешли Япо-

ПОЧТИ НИКОМУ ИЗ ЯПОНЦЕВ НЕ УДАЛОСЬ НАЙТИ МОГИЛ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ. ПРИШЛОСЬ ИМ ОГРАНИЧИТЬСЯ УСТАНОВКОЙ ОБЩЕГО ПАМЯТНОГО ЗНАКА. ВПРОЧЕМ, РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ НА ОСТРОВЕ НАХОДИТСЯ НЕ В ЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ

МЕСТНАЯ ШИКОТАНСКАЯ ПРИМЕТА: КОГДА ПРИЕЗЖАЕТ ГРУППА ИЗ ЯПОНИИ, ВСЕГДА СОЛНЦЕ, КОГДА УЕЗЖАЕТ — ВСЕГДА ЛЬЕТ КАК ИЗ ВЕДРА. ПРИ НАС ТОЖЕ ПРИБЫЛИ ЯПОНЦЫ, ЧТОБЫ ПОПЫТАТЬСЯ НАЙТИ НА ЗАБРОШЕННОМ КЛАДБИЩЕ МОГИЛЫ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ. СВИДЕТЕЛЬСТВУЕМ: СТОИЛО НА ГОРИЗОНТЕ ПОЯВИТЬСЯ ИХ БЕЛОСНЕЖНОМУ СУДНУ, ЛИВЕНЬ ВМИГ ПРЕКРАТИЛСЯ И ТУЧИ РАССЕЯЛИСЬ. КОГДА ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ ЯПОНЕЦ ПОДНЯЛСЯ ПО ТРАПУ, ПОШЕЛ ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ

нии: «Земля здесь хорошая, рыбы много, да и вообще отдавать — не брать, кому приятно», но людей здешних еще жальче: «Никогда они от наших своих денег не дождутся, а японцы дадут, раз обещали: прямо каждому в руки, без всяких посредников».

Курильский коммунизм

Здешняя природа не даст умереть с голоду. Лопух, тот самый, что ростом с человека, к примеру, по вкусу больше всего напоминает спаржу, а рыбу, краба, креветку при желании можно в сезон доставать из воды прямо руками. Но руками никто не достает: малое, бытовое, браконьерство дело здесь настолько обыденное, что никем не почитается за грех. Простой пример: когда пограничники взяли нас с коллегой на встречу-пикник с японцами, они, разумеется, первым делом стали угощать нас чулимами. Приди хоть кому-то из них в голову, что они делают что-то недозволенное, разве стали бы они забрасывать сети при московских журналистах? Но никто (включая, я уверена, рыбнадзор, если бы он случился в тот момент в том месте) ни на минуту не усомнился, что москвичей надо потчевать именно тем, чего они в своей Москве в жизни не попробуют. Кстати, и правительственная комиссия, на наших глазах вылетавшая с Кунашира, усердно грузила в самолет ящички с гостинцами — уж, наверное, не лопухами. Но как повернется язык укорять бытовым браконьерством, когда всем ведомы масштабы браконьерства промышленного.

Специфика островного образа жизни: здесь, как удачно выразился один местный офицер, «все всем свои, потому что иначе не прожить». Зашел в магазин без денег: «Запиши на меня...» (это при том, что все магазины — частные). Охотно со смешком рассказывают, какими глазами смотрят на них на материке, когда по своей островной привычке просят: «Мне чуток не хватает, ты запиши, я занесу попозже». Ни на Кунашире, ни на Шикотане никакого общественного транспорта, зато у всех японские машины, правда, старенькие, в основном купленные еще до повышения таможенных тарифов. И на два острова ни единой бензоколонки. Все двигатели работают на солярке. Впрочем, пунктов продажи солярки вы, разумеется, тоже не обнаружите. «За четыре года, что здесь живу, ни разу не покупал солярку, — признался наш водитель, когда мы посоветовали ему экономить горючее. — Если надо заправиться, попрошу — нальют». Кто нальет? Ну, разумеется, те, кто получает горючее бесплатно и кто вечно жалуется на его недостаток.

Здесь всегда подбирают голосующего на дороге и ни за что не возьмут денег — да их никто и не предложит. Как-то раз нас застал в дороге ливень, прямо-таки водопад, и, пока мы под этим водопадом пробирались к оставленной на глинистой кунаширской дороге машине, она успела увязнуть по брюхо, так что вытолкнуть ее не было никакой возможности. Первый же пойманный на трассе «уазик» сделал отчаянную попытку подобраться к нам, чтобы вытянуть, но не смог подъехать: оскальзывался на глине. Тогда из него выскочили четверо мужиков и в течение полутора часов под тропическим ливнем, отчаянно матерясь и то и дело шмякаясь в грязь, на руках вытаскивали несчастную легковушку. По правде сказать, я все ждала, когда же им надоест эта заведомо безнадежная операция. Однако терпение и труд сделали свое дело. Когда мы уже были на трассе, наши спасители налили нам по сто грамм (не мы им — это было бы справедливо, но у нас с собой не было — а они нам!) и никак не могли взять в толк, почему я чуть ли не со слезами их благодарю: «Не бросать же вас было в этом болоте!» Наш шофер подтвердил: здесь по-другому не бывает. Он же загорелся угостить нас горбушей местного посола. Спросил у первого встречного, не знает ли, у кого сейчас такая есть. Заехал по названному адресу, взял несколько рыбин. Мы схватились было за кошельки, он засмеялся, махнул рукой: «Это бесплатно. Угощает».

Странный, как поглядишь, здесь народ. Вроде бы с претензиями — пять тысяч им не деньги — и вместе с тем неприхотливый: живут в своих грязненьких, уродливых поселках, и ни малейших попыток украсить жизнь. Губернатор Игорь Фархутдинов, сам родом сибиряк, выросший в дедовом бревенчатом срубе, с трудом скрывая брезгливость, рассказывал: «Им привезут на зиму уголь, вывалят перед входом — так они его не убирают. Всю зиму ходят в дом, перебираясь по угольной куче». С одной стороны, все местные по-своему любят природу: и выпить норовят на природе, и вообще весь курильский патриотизм на этой любви держится. С другой — гадят на эту природу при любой возможности. И все это при своеобразном коммунизме: все готовы помогать друг другу и делиться, в том числе тем, что украли сами у себя, будь то браконьерские уловы и заначенная солярка. Они все живут здесь как бы временно. Они или их родители приехали сюда подзаработать и уехать. Они и сейчас постоянно ощущают временность этого своего статуса: то ли острова отдадут, то ли зарплату, наконец, выплатят. «Курильское братство» — сложившийся здесь способ выживания временных людей — штука настолько притягательная, что без него потом трудно жить. Они уезжают — и возвращаются, потому что их уже засосал этот островной образ жизни. Им все-таки лучше здесь, на островах. А вот островам, пожалуй, лучше было бы без них.

Олимпийская каторга

Хуан Антонио Самаранч, кажется, не слишком удачно выбрал место для триумфального завершения карьеры

ЭСТАФЕТА ОЛИМПИЙСКОГО ОГНЯ ПРОХОДИЛА ПО ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ АВСТРАЛИИ. **ТАЛИСМАНЫ ИГР — УТКОНОС, ЕХИДНА И ПТИЦА КУКАБАРРА** (СЛЕВА) — **И МЕДАЛИ БУДУЩИМ ЧЕМПИОНАМ** (СПРАВА). **НОВИНКА ОТ ОПТИКОВ —** КОНТАКТНЫЕ ЛИНЗЫ, НА ОДНОЙ — ГЛАВНЫЙ СИМВОЛ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА — КЕНГУРУ, НА ДРУГОЙ — СИДНЕЙСКИЙ МОСТ ХАРБУР. ЛИНЗЫ ОКРАШЕНЫ В ЦВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМАНДЫ

Олег Шамонаев

ХОЗЯЕВА

ОЛИМПИАДА-2000 ВЕНЧАЕТ НЕ ТОЛЬКО спортивный век, но и эпоху Хуана Антонио Самаранча. Престарелый президент Международного олимпийского комитета собрался на покой и Игры в Сиднее рассматривает как апофеоз своих 20-летних трудов. Неудивительно, что его февральский доклад МОК о ходе подготовки Олимпиады был выдержан в бравурных тонах: бюджет — «сбалансированный»; маркетинг — «выдающийся; Австралия привлекла по 25 долларов на жителя, тогда как во время Олимпиады в Атланте поступило по 1,6 на американца»; продажа билетов — «были допущены некоторые ошибки, но они исправлены»; сооружения — «впервые все готово за полгода до начала, это еще один рекорд»! Есть однако несколько обстоятельств, которые не позволяют многим наблюдателям проникнуться оптимизмом Самаранча.

География

Австралийский оргкомитет, утверждая сроки проведения последних Игр тысячелетия, столкнулся с серьезной проблемой. Сидней, как известно, находится в Южном полушарии, и в традиционное олимпийское время (последние четверть века все летние Игры, за исключением сеульских, неизменно проходили в июле—августе) на пятом континенте — разгар зимы. Сдвинуть их на декабрь (как было сделано во время первой австралийской Олимпиады в Мельбурне 44 года назад) — значило бы поломать представителям летних видов весь спортивный сезон.

Поэтому сиднейцам пришлось рискнуть и проводить Олимпиаду ранней австралийской весной, когда средняя температура на Юго-Восточном побережье 16—20 градусов. Это бы полбеды, но весна здесь дождливая и ветреная. Самые большие неприятности организаторам и спортсменам (в первую очередь — легкоатлетам) может доставить ветер. По прогнозам синоптиков, его скорость на берегу Тихого океана, где расположен сиднейский легкоатлетический стадион, может достигать 10 метров в секунду. Зафиксированные в таких условиях легкоатлетические рекорды могут быть поставлены под сомнение.

САМАРАНЧ — ХОЗЯИН ОЛИМПИЙСКОГО ОГНЯ

Помимо всего прочего, разница во времени со среднеевропейским в 9 часов делает практически бессмысленной прямую трансляцию соревнований на Европу и Северную Америку (где живут самые платежеспособные болельщики).

Между тем Игры-2000 — самые дорогостоящие в современной истории. Бюджет их составляет 1 млрд. 320 млн. долларов, причем около ста миллионов потрачены «сверх плана». И это без учета затрат правительства на поддержание правопорядка во время Игр и дополнительные выплаты сверхурочникам.

Игры в Сиднее проводятся в то время, когда сезон массовых отпусков в Европе и Америке уже заканчивается. Большинству же болельщиков из бедных стран поездка за тридевять земель просто не по карману. До самого последнего времени в Сиднее были серьезнейшие проблемы с реализацией билетов — продано только пять миллионов из семи. И разговоры о том, что Олимпиада-2000 поможет стабилизации австралийской националь-

ной валюты и вообще достижению экономического процветания, теперь выглядят просто несерьезно.

Этнография

С одной стороны, по мнению австралийцев, будущая Олимпиада должна положить конец культурной изоляции, в которой их страна пребывает в силу своего географического положения. С другой стороны, местные жители с опаской ожидают нашествия на уединенный континент полчищ иноземных болельщиков. Даже при том, что туристов будет меньше, чем первоначально ожидалось, все равно на три недели население четырехмиллионного Сиднея увеличится сразу на четверть.

Ни одно крупное спортивное событие теперь не обходится без какого-нибудь ЧП. Четыре года назад в Атланте террористы взрывали Олимпийский парк. И хотя власти Сиднея уверяют, что приняты чрезвычайные меры безопасности (обеспечивать порядок полиции будут помогать более десятка тысяч добровольцев), жители города все равно тревожатся.

Тревога усилилась три месяца назад, когда сиднейская полиция обнаружила в одном из жилых домов, расположенных в непосредственной близости от Олимпийской деревни, целый склад взрывчатых веществ. Дополнительные основания для страхов сиднейцы получили после ареста в Новой Зеландии афганских нелегалов, которые якобы по указке крестного отца международного терроризма Осамы бен Ладена готовили взрыв сиднейской атомной электростанции. Власти Австралии были вынуждены выступить с заявлением, что сиднейская АЭС — наиболее надежно охраняемый объект в стране, и пронести на ее территорию взрывчатку невозможно. В небе над электростанцией теперь постоянно кружат патрульные вертолеты.

ПАТРУЛЬНЫЕ ВЕРТОЛЕТЫ НАД СИДНЕЕМ (ВВЕРХУ). **НА ВРЕМЯ ИГР В ГОРОДЕ ПРИНИМАЮТСЯ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

Помимо террористов, серьезную угрозу для спокойного проведения соревнований в Сиднее представляют разного рода общественные активисты. Например, австралийские «зеленые» не оставляют без своих экстравагантных выходок практически ни одно крупное мероприятие. Уже обыденным делом стало самоприковывание членов экологического движения к ограде автодрома в Мельбурне во время проведения этапов автогонок «Формулы-1», а также забеги нагишом на кортах Открытого чемпионата Австралии по теннису.

Специальная экологическая программа, которую осуществил оргкомитет Олимпиады-2000, не смягчила «зеленые» души. В предолимпийском Сиднее представители «Гринпис» уже отметились акцией у главной арены Игр «Хоумбаш-бэй», которая расположена на месте бывшей свалки радиоактивных отходов и, по мнению «зеленых», до сих пор представляет угрозу для здоровья человека. В нескольких километрах от стадиона активисты не поленились вырезать на траве сельскохозяйственными секаторами 50-метровую стрелку с надписью «Заражено», которую должны видеть все пассажиры самолетов, подлетающих к Сиднею.

Активисты движения за права аборигенов также не упустят шанса заявить миру о своих проблемах. Правда, коренные жители пятого континента пообещали, что их акции будут носить исключительно мирный характер.

Хотя в ходе последних опросов 16 процентов австралийцев и 31 процент жителей Сиднея выразили желание посетить соревнования, скорее всего, далеко не все они окажутся на трибунах. Помимо всего прочего, вкусы здешних фанов весьма своеобразны. Из олимпийских видов, представленных в Сиднее, лишь плавание и теннис способны вызвать ажиотаж местных любителей спорта. Популярный в Австралии крикет последний раз был в олимпийской программе 100 лет назад, регби не является олимпийским видом с 1924 года, а показательный турнир по австралийскому футболу (очень жесткая, контактная игра без всякого защитного снаряжения — уникальная смесь регби, американского и обычного футбола), устроенный в Мельбурне-56, не впечатлил ни МОК, ни другие державы. А в 1972 году МОК запретил организаторам включать в программу Игр показательные соревнования по «национальным» видам спорта.

Неудивительно, что многие сиднейцы — около 500 тысяч человек — вообще собираются уехать из города на время Олимпиады. Для их удобства даже перенесены сроки школьных каникул.

Медицина

Нет сомнений в том, что в Сиднее разразится очередной допинговый скандал. Недавние попытки МОК осадить чрезмерно рьяных борцов со спортивными стимуляторами натолкнулись на яростное противодействие оргкомитета Олимпиады-2000, который полон решимости бороться с допингом до конца. В Сиднее будет взято более 2000 допинг-проб (фактически у каждого пятого спортсмена) — бюджет антидопинговой программы превышает бюджеты соревнований в некоторых видах спорта.

Австралийцы и раньше проявляли невиданную твердость в борьбе со всякой заразой. Например, в 1956-м даже ради Олимпиады они не пошли на пересмотр своих карантинных законов в отношении животных, чем по сути сорвали олимпийский конный турнир. На сей раз австралийцы настояли на применении в ходе Олимпиады нового теста на эритропоэтин (допинговое средство, «прогремевшее» два года назад на «Тур де Франс»). Реактив для теста только что прошел клинические испытания и еще ни разу не применялся на соревнованиях. Многие спортсмены высказывают сомнения в его надежности и уверены, что новый тест понадобился организаторам Игр, дабы держать на крючке практически любого спортсмена.

Так что выбор столицы Нового Южного Уэльса для триумфального завершения карьеры испанского маркиза, может быть, действительно не слишком удачен. ■

Конституция денег

Государственная дума приступила к изучению проекта бюджета на 2001 год

В БЕЛОМ ДОМЕ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО **НОВЫЙ «СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ» БЮДЖЕТ УЧИТЫВАЕТ ИНТЕРЕСЫ КАК БОГАТЫХ, ТАК И БЕДНЫХ**

Дмитрий Хитаров

ЗАГАД

ПОХОЖЕ, ДАЖЕ ДО НАШЕГО ПРАВИтельства дошло, что жить нужно по средствам. Впервые с советских времен проект бюджета-2001, представленный кабинетом министров на утверждение Думы, бездефицитный. Запланированные доходы федерального бюджета в 2001 году будут равняться расходам и составят 1 трлн. 193 млрд. 48 млн. рублей — это в полтора раза больше, чем в текущем году. Авторы основного финансового документа исходили из следующих предпосылок: объем ВВП составит 7,75 трлн. рублей, уровень инфляции — 12%, средний курс рубля — 30 рублей за американский доллар.

Бумажная идиллия

Оптимизм государственных финансистов, конечно, имеет под собой некие основания. В российской экономике наблюдается подъем, который, впрочем, стал возможен благодаря почти рекордному росту мировых цен на нефть. Кстати, правительство подстраховалось: сегодня баррель нефти стоит 32 доллара. На начало сентября назначена конференция ОПЕК (Организации стран—экспортеров нефти), которая должна решить фактически единственный вопрос: об увеличении объемов добычи сырца и снижении таким образом цены за баррель до 25 долларов. Доходная же часть российского бюджета составлена из расчета, что баррель будет стоить 18—19 долларов. Почти со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что до такого низкого уровня цены на нефть не упадут, а значит, у правительства будет неплохая «заначка» на всякие непредвиденные расходы.

В Белом доме считают, что введение в действие Налогового кодекса повысит собираемость налогов, и потому соответствующая цифра в бюджете по сравнению с прошлым годом увеличена почти на 3%. Следует отметить, что в бюджете текущего года этот показатель и так уже был увеличен на 7,7%, и, похоже, план этот налоговики выполнят.

Предполагается, что расходы на выплаты государственного долга в 2001 году составят 11,4 млрд. долларов, но это при условии, что Парижский клуб пойдет на его реструктуризацию. Однако, по мнению заместителя председателя Внешэкономбанка Сергея Сторчака, шансы на всеобъемлющую реструктуризацию очень невысоки, а это значит, что придется изыскивать дополнительно 3—3,5 млрд. долларов.

Впервые в главном финансовом документе страны появилась статья, предусматривающая расходы на восстановление Чечни — республика получит 4,5 млрд. рублей. Заместитель председателя думского бюджетного комитета и одновременно зампреда комиссии Госдумы по Чечне Ашот Егиазарян считает сам факт появления подобной строки в бюджете большим прогрессом, хотя он уверен, что статья эта вызовет серьезные споры в парламенте.

Больной вопрос — перераспределение налоговых доходов между федеральным центром и регионами. В проекте бюджета процентное соотношение этих величин — 56,3 к 43,7. Правда, правительственные чиновники утверждают, что реально — с учетом всевозможных федеральных выплат на детей, инвалидов, ветеранов — доля регионов будет больше, где-то 53,2%. Однако председатель думского Комитета по бюджету Александр Жуков полагает, что «тенденция к перераспределению средств в пользу федерального бюджета налицо, и она не является правильной в федеративном государстве».

И все же, по общему мнению, главные баталии развернутся вокруг расходов на оборону и безопасность.

Мышцы войны

Цицерон говорил, что «деньги — мышцы войны». Из года в год в период бюджетной страды наши силовики пытались нарастить «мышечную массу». И похоже, что на этот раз они добились своего. Истерика по поводу «обнищания армии», на которое генералы пытаются списать трагедию с подводной лодкой «Курск», вынудила правительство увеличить расходы на оборону.

Министерство финансов, верставшее бюджет, вовсе не собиралось кардинально увеличивать военные расходы. Еще в июле на коллегии Министерства обороны Алексей Кудрин сообщил генералам, что денег в будущем году они получат не больше, чем в нынешнем. Однако гибель атомной субмарины смешала все карты, и в результате военный бюджет был срочно увеличен со 146 до 206 млрд. рублей. Казалось бы, генералы должны быть довольны. Но они только громче стали предъявлять претензии: нас, мол, все эти годы обманывали — деньги-то в казне, оказывается, есть! То обстоятельство, что некий резерв появился у правительства впервые за десять лет, принимать во внимание они, судя по всему, просто не желают. Министерство обороны пошло в атаку. Во-первых, утверждают генералы, собственно военный бюджет увеличился вовсе не на 60 миллиардов. Кудрин, по их мнению, схитрил, включив в оборонные расходы статьи, которые прежде туда не входили, вроде расходов на международную деятельность и на содержание железнодорожных войск (они не являются частью Вооруженных Сил). Вспомнили военные и о ельцинском указе, предписывающем тратить на оборону не меньше 3,5% ВВП (предложенные сейчас правительством 206 млрд. составляют 2,6% ВВП).

Раздражение армейских финансистов вызывает и то обстоятельство, что власть впервые решила установить контроль за расходованием средств, выделяемых военным. В этом году все деньги на оплату закупок вооружений будут проводиться через федеральные казначейства, а не через уполномоченные банки. Через год то же должно произойти и со средствами на содержание армии. Чтобы сохранить за собой управление финансовыми потоками, генералам ничего не остается, как объявить, что и новый бюджет недостаточен. Все прошлые годы действовал негласный договор между правительством и военными. Правительство прекрасно понимало, что не сможет профинансировать целиком оборонный бюджет, который после каждого обсуждения в Думе серьезно увеличивался. И не желая брать на себя ответственность, оно позволяло военным самостоятельно распределять бюджетные средства.

Военные не скрывают, что рассчитывают на поддержку Государственной думы. Во-первых, они уверены, что парламентарии не упустят возможность использовать трагедию «Курска» для саморекламы. Во-вторых, на Арбатской площади считают, что Дума в долгу перед армией. Ведь недавно по предложению правительства парламент значительно урезал социальные выплаты военнослужащим. Отменена норма, устанавливавшая прямо пропорциональную зависимость между окладом военного и размером минимальной оплаты труда. С введением в действие Налогового кодекса военные лишаются другой важной льготы — освобождения от налогов. Правда, им обещано в конце года повышение окладов на 20%, но это вышеперечисленных потерь не компенсирует.

За эти законы (а лоббировала их команда либеральных экономистов, которых поддерживает президент) голосовали и те парламентарии, которые любят выступать в роли «защитников армии». Теперь президент, как им кажется, в корне изменил свою позицию, и они спешат не отстать от паровоза. Фракция ОВР потребовала увеличить военные расходы до 3,5% ВВП.

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ С ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ «КУРСК» **РАСХОДЫ НА ОБОРОНУ БЫЛИ УВЕЛИЧЕНЫ** С 146 ДО 206 МЛРД. РУБЛЕЙ. **ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЧАСТЬ ЭТИХ ДЕНЕГ ДОЙДЕТ ДО РЯДОВЫХ?**

Вслед за ней с тем же требованием выступили коммунисты и «Единство».

Таким образом, несмотря на беспрецедентное увеличение военных расходов, вероятность того, что депутаты не утвердят бюджет в первом чтении, весьма велика: мол, правительство не уделило должного внимания обороне страны. О явно конъюнктурном характере претензий говорит то обстоятельство, что депутатов вовсе не интересует, как будут расходоваться средства, выделяемые на оборону. Дума более чем спокойно относится и к тому, что правительство собирается контролировать финансовую деятельность военных само, не прибегая при этом к помощи парламента (именно поэтому оно упорно отказывается расширить список открытых статей военного бюджета). Не взволновало парламентариев и то обстоятельство, что недавно подписанный Владимиром Путиным документ, определяющий развитие Вооруженных Сил России на ближайшие десять лет, сугубо секретный. Не только общественность, но и большая часть парламентариев ознакомиться с ним не смогут.

Мы ждем перемен

Времена открытого противостояния исполнительной и законодательной властей отошли в историю. Нынешняя Дума не просто «договороспособна», она открыто «кремлепослушна». Однако Александр Жуков считает, что на сей раз при обсуждении бюджета «профессионально-региональные дебаты» будут достаточно бурными, а вот «чисто политические дискуссии» пойдут на убыль. Глава бюджетного комитета, в частности, полагает, что, кроме уже названных статей, серьезный конфликт может вызвать предложение кабинета министров об упразднении многочисленных внебюджетных отраслевых фондов и лишении закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) дополнительных налоговых льгот.

Гарантий, что общегосударственные интересы возобладают у депутатов над интересами узкоотраслевыми или региональными, нет никаких. Правда, теперь, после вступления в силу нового Бюджетного кодекса, парламентарии получили право дискутировать с правительством по поводу содержания тех или иных бюджетных статей, не дожидаясь первого чтения.

Большинство думских собеседников обозревателя «Итогов» сходятся во мнении, что новый бюджет «будет проходить сложно, но не труднее и не легче обычного». Правительственные чиновники демонстрируют решимость бороться чуть ли не за каждую цифру «честного и реалистичного» (по определению вице-премьера, министра финансов Алексея Кудрина) бюджета. Первое чтение — 22 сентября. Ждем-с. ■

При участии **Александра Гольца**

Союз, который нельзя разрушить

ПОКА В МОСКВЕ ПРОХОДИЛО ЗАСЕДАНИЕ СОВМИНА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА, **АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО** ПРИНИМАЛ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ОТ **ГЕННАДИЯ ЗЮГАНОВА.** БЕЛОРУССКИЙ ПРЕЗИДЕНТ НАДЕЕТСЯ, ЧТО ЗЮГАНОВ ПОМОЖЕТ «СОХРАНИТЬ СОЮЗ И ПРИДАТЬ ДИНАМИЗМ ЕГО РАЗВИТИЮ»

Потому что его нет. До реальной экономической интеграции двух республик почти так же далеко, как и полгода назад

Антон Пришвин,

Венера Карпинская

ПРОЖЕКТЫ

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПРЕзидента — 30 августа — в Москве проходило многочасовое заседание Совета министров российско-белорусского союзного государства под председательством Михаила Касьянова (повестка дня включала 21 вопрос). В этот же день Александр Лукашенко высказывал обеспокоенность: мол, союзный договор не наполняется реальным содержанием, многие решения остаются на бумаге, а белорусско-российские отношения «подошли к очень опасной черте». Причем жаловался президент не кому-нибудь, а лидеру российских коммунистов, прилетевшему в Минск, видимо, поздравить Лукашенко с праздником. Сам Лукашенко заявил, что хотел бы встретиться с лидерами всех влиятельных политических сил России, чтобы «попытаться сохранить союз и придать динамизм его развитию». И начал встречи, естественно, с родственной души.

Заячьи скачки

«Деньги есть в России, а чтобы они пошли в Беларусь, дорожка протоптана слабенько», — признался на недавнем семинаре в Центре стратегических разработок белорусский министр финансов Николай Корбут. А один знакомый российский чиновник вывел закономерность: переговоры о создании российско-белорусского союзного государства активизируются перед посевной или уборочной. Похоже на правду: предыдущий сбор министров был в апреле. Обосновывал такие совпадения чиновник просто: белорусам нужен бензин. А поскольку просить в долг просто так неудобно, приходится вспоминать о единой валюте, едином таможенном пространстве, союзном имуществе и т.д. В отличие от Украины, за которую российское правительство, судя по всему, взялось всерьез и намерено долги стребовать, Белоруссии мы регулярно все прощаем — ведь мы почти что одно государство.

Россия же обычно активизирует переговоры о союзе в моменты, когда осложняется политическая ситуация (см. «Итоги» от 8 апреля 1997 года). Правда, несмотря на обрушившиеся на страну несчастья, рейтинг российского президента остается высоким. Судя по всему, инициатива нынешних встреч принадлежит все-таки белорусам, обеспокоенным планами дальнейших реформ в России (чем они обернутся — не известно, вдруг «старший брат» захочет получить долги и прекратит отпускать топливо и электроэнергию?).

Лукавил или нет Лукашенко, проявляя озабоченность в связи со слабыми темпами интеграции, но основания у него для этого были. Из увесистой пачки подготовленных к Совмину бумаг подписанным оказался лишь один договор: о проведении единой налоговой политики (подписали его первый замминистра финансов Сергей Шаталов и белорусский министр финансов Николай Корбут). Вообще-то с налогами получилось нехорошо: белорусы старательно приводили свое законодательство в соответствие с российским, а Россия возьми да затей налоговую реформу. Такой подножки наши братья не ожидали: ведь снижение налогов в России может привести к тому, что белорусские предприниматели начнут регистрироваться на российской территории (правда, о заметном снижении налоговой нагрузки в результате реформы говорить не приходится — об этом мы напишем в следующем номере «Итогов»). Действительно, испугались белорусы не на шутку. И хотя подписанное соглашение предполагает принятие общего союзного Налогового кодекса, Николай Корбут на недавнем семинаре в Центре стратегических разработок пояснил, что «вряд ли мы можем говорить о едином уровне налоговых нагрузок». Он привел этому оригинальное объяснение. Оказывается, есть гипотеза, что в небольших, сравнительно однородных в социально-культурном отношении унитарных государствах граждане готовы платить большие налоги. А в крупных государствах, отличающихся разнородным социально-культурным многообразием, налоговое бремя, как правило, ниже.

Пусть в подписанном соглашении речь идет об унификации налогового законодательства, единых принципах и правилах налогообложения, едином перечне основных налогов, единой налоговой политике, однако, как говорил белорусский министр финансов, общность целей «не означает, что... мы должны применять одни и те же методы, одни и те же подходы, иметь одно и то же законодательство как в области налогообложения, так и при выполнении государством принятых на себя обязательств». Впрочем, время подумать у белорусов есть: общий Налоговый кодекс созреет не раньше, чем через три года.

Переход к единой валюте — дело еще более отдаленного будущего. Михаил Касьянов по окончании Совмина сообщил прессе, что белорусские «зайчики» превратятся в союзные рубли не раньше чем через восемь лет. Лишь с 1 января 2005 года российский рубль будет использоваться в качестве валютной единицы союзного государства. А до этого времени предстоит решить вопрос о том, где будет располагаться единый эмиссионный центр. Нельзя сказать, что белорусы не движутся к созданию единой валюты: с 1 января следующего года они готовы отказаться от множественности валютных курсов, на которой в основном и держится белорусская экономика (см. подверстку). Эта множественность (сегодня в Белоруссии аж семь курсов), завышенная стоимость белорусской валюты отпугивают инвесторов от наших соседей. «Сегодня есть огромное количество людей, желающих вложить деньги в Белоруссию с учетом ее геополитического расположения, — это «золотой мост» между Европой и Восточной Азией, — считает госсекретарь союзного государства Павел Бородин. — Но они... пугаются их курса». Если наши союзники действительно откажутся от множественности, это будет огромный прорыв. Правда, без нашей помощи они этого, судя по всему, сделать не смогут: на сглаживание перехода и стабилизацию курса белорусы просят 200 млн. долларов («на сбалансированность расче-

С ПРИЛАВКОВ БЕЛОРУССКИХ МАГАЗИНОВ ПЕРИОДИЧЕСКИ ИСЧЕЗАЮТ ПРОДУКТЫ. **СТРАНА ЖИВЕТ В ДОЛГ, НО ИЗ-ЗА МНОЖЕСТВЕННОСТИ КУРСОВ СОХРАНЯЕТ ВИДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ**

МНЕНИЕ

Скрестить ужа с ежом

Об интеграции российской и белорусской экономик рассказывает доктор экономических наук Дмитрий Чегодаев

— Можно ли объединить денежные системы России и Белоруссии?

— Да, можно. Технически сделать можно все, были бы политическая воля и четкая программа. Существуют несколько моделей объединения: самая простая и наглядная для нас — это объединение денежных систем ГДР и ФРГ, когда западногерманская марка поглотила восточногерманскую. Нельзя сказать, что это прошло безболезненно. Объединение всегда, так же, как, кстати, и разделение денежных систем, болезненно. Но это можно называть мягким путем. Второй путь — создание евро. Это долгий, тяжелый, кропотливый путь, построенный на многоэтапном переходе от множественности валют к одной. И в этой ситуации возникает очень жесткая привязка к экономическим показателям страны, то есть должны быть задействованы все критерии здоровой экономики: уровень инфляции, соотношение ВВП к государственному долгу, проблема кредитования национальной экономики, кредитования бюджета, дефицитности бюджета и т.д. Самая большая проблема в объединении денежных систем России и Белоруссии заключается в том, что до сих пор не выбран путь, по которому оно будет проходить.

Пока же идет традиционный для нашего содружества разговор слепого с глухим. Представители России говорят о технологии, о ликвидации множественности курсов, о введении единой терминологии, о единой системе документации, о единых принципах формирования банковской системы. Белорусская сторона говорит о глобальной интеграции, об общих глобальных задачах и проблемах. И разговор этот получается пустым, да еще и нечестным. Надо понимать, что экономика Белоруссии во многом держится на государственном диктате в области валютного финансового регулирования, на государственной банковской системе, на дотациях промышленности и сельскому хозяйству, кредитах Национального банка Белоруссии.

Что касается государственных дотаций. Можно выбрать для Белоруссии локомотивную отрасль, например автомобилестроение. Можно было бы напрячь все силы и довести до ума МАЗ, машина хорошая, ее покупают во всем мире. Но ресурсов у страны немного. И пока эти дотации (сельскому хозяйству, жилищному строительству) приводят к распылению средств, в какие-то моменты экономика скатывается в дефицит.

Белоруссия не сможет уйти от множественности курсов. На этом держится вся ее экономика. Все деньги от экспортной-импортной деятельности при обмене на белорусские рубли зачитываются по завышенной либо по заниженной цене. Белорусский телевизор, к примеру, можно продать в России за 100—120 долларов. Белорусы готовы были бы продавать его за эти деньги, потому что цена перекрывает издержки, которые составляют порядка 60 долларов. Но когда они потом будут продавать вырученные 100—120 долларов (а большую часть выручки, как и в России, экспортеры обязаны продавать нацбанку), то получат за них эквивалент, равный 30 долларам. Поэтому они свой телевизор вынуждены продавать на рынке за 300 долларов, а в России его за такие деньги никто не купит.

Внешняя торговля строится на том, что есть некоторые зачетные схемы, какие-то бартерные схемы, что есть некоторые виды промышленной продукции, которые все равно дешевле покупать в Белоруссии. К тому же есть зачетные деньги, наличные, безналичные, картотечные. На разницах в курсах живут очень много людей, и живут безбедно. Это четко выстроенный регулятор в отношении того, кого поддержать, кого задавить, кому дать льготный курс, кому не дать.

Нужно признать, что, если Белоруссия уберет сейчас множественность курсов, она обрушит некую социальную стабильность. Множественность искусственно поддерживает иллюзию сносного уровня жизни, просто за счет того, что бытовые товары оказываются дешевле себестоимости. Предпринимаются некие шаги, связанные с деноминацией белорусского рубля и т.д. Но пока я не могу сказать, являются ли они позитивными, вызванными экономической целесообразностью или это только виртуальная реформа.

— Вам кажется, что России с Белоруссией объединяться не стоит?

— Надо быть абсолютно откровенными, на уровне политическом — объедине-

НА ЗАСЕДАНИИ СОВМИНА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА ДОГОВОРИЛИСЬ ЛИШЬ ПО ОДНОМУ ВОПРОСУ – О ПРОВЕДЕНИИ ЕДИНОЙ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ. **ПРАВДА, ОБЩИЙ НАЛОГОВЫЙ КОДЕКС ПОЯВИТСЯ НЕ РАНЬШЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА. А «ЗАЙЧИКИ» СТАНУТ РОССИЙСКИМИ РУБЛЯМИ НЕ РАНЬШЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ**

тов во взаимной торговле») и 4,5 млрд. руб. – (на «стабилизационный валютный фонд, частью которого станет кредит ЦБ»).

Плата

Нельзя сказать, чтобы для российско-белорусской интеграции не было предпосылок: официальный торговый оборот между странами достигает 7 млрд. долларов (а по оценкам Павла Бородина, он остался тем же, что и во времена Советского Союза, – порядка 30 млрд. долларов). В объеме российской торговли со странами СНГ на Белоруссию приходится около 37%. По сути Белоруссия остается нашим «сборочным цехом». К примеру, МАЗ процентов на 70 скомплектован из российских деталей. Вместе с белорусской стороной России удавалось успешно наращивать, к примеру, экспорт калийных удобрений. Еще в 1993 году на паритетных началах была создана совместная «Международная калийная компания» для координации действий на международном рынке, в результате удалось и увеличить на 80% объем экспорта, и повысить экспортные цены, а в дальнейшем захватить 35% мирового рынка.

Однако разница в темпах реформирования экономик разительная. В Белоруссии, помимо множественности курсов, сохраняется бюджетный дефицит, требующий массивной эмиссии, инфляция выше российской (за четыре месяца этого года она составила 38,6%). И, похоже, дефицит, как и высокие налоги, белорусское руководство считает благом для страны. «Мы вряд ли можем безапелляционно поддержать тезис о только бездефицитном бюджете как основе устойчивого финансового положения государства...Умеренный дефицит бюджета при оптимально построенной структуре его расходов должен играть положительную роль в развитии экономики страны», – считает г-н Корбут. Внешний долг, который в отличие от России никто нашим соседям прощать не собирается, стремится к критическому 40-процентному уровню от объема ВВП. В Белоруссии практически нет системы коммерческих банков – продолжать перечень различий можно довольно долго. Без сближения макроэкономических показателей говорить о реальной интеграции, единой валюте сложно. Иначе мы вымостим такую столбовую дорогу для российских денег, что не заметим, как они канут в белорусской «черной дыре». Как уже канули из-за открытых таможенных границ и отсутствия единых ставок экспортных и импортных пошлин миллиарды долларов, которые могли бы пополнить российский бюджет. ■

ние Белоруссии и России необходимо. На уровне экономическом, когда дело доходит до финансовых институтов, оно не очень рентабельно. Необходимо четкое политическое решение, что же такое будет Белоруссия в рамках союза Белоруссии и России. Будет ли это еще один из субъектов Российской Федерации, и тогда все понятно: вводятся российские законы, вводится российский рубль, вводится банковская система, а белорусский рубль становится некой формальностью вроде шотландского фунта. Если это союзное государство, то здесь надо договариваться, от чего может Белоруссия отказаться, от чего она не может отказаться. Сделать единый парламент несложно. Даже единый бюджет в конце концов принять несложно. Но есть некие базовые проблемы, которые должны быть решены. Пока я не вижу не то что подхода к этим базовым проблемам, а даже стремления их найти. Для этого, может быть, потребуется смена поколений.

В свою очередь Россия, ничего из своего опыта не поняв, не проанализировав, лезет в тот же самый кризис, к которому мы пришли в 1998 году. У нас опять эйфория от роста ВВП. Опять идет надувание цены активов, корпоративных бумаг, пускай не такими темпами, как в 1998 году. У нас ничего не сделано для расширения финансовых инструментов и финансово-активных рынков, для реформирования банковской системы.

– Неужели Россию ждет новая девальвация?

– У меня вызывает большие опасения недвижимость курса. Да, мы скопили крупные резервы, но у нас перед дефолтом резервы тоже были. Поэтому, с одной стороны, Россию беспокоит, как состыковать белорусскую командно-административную систему с нашей разгильдяйски-рыночной. А, с другой стороны, белорусы смотрят, не обрушит ли их Россия в очередной финансовый кризис, утопив со всей их робко дышащей промышленностью.

Вторая проблема – психологическая совместимость. Насколько белорусы психологически готовы к нашей безумной жизни. Белоруссия живет в долг. Производится продукция, люди ходят на работу, получают зарплату, пусть маленькую, за то, что производят какую-то продукцию. Эта продукция никуда не продается – но это второй вопрос. Люди довольны стабильностью, они при деле. Очень многие здесь, в России, мечтали бы об этом: ходить каждый день на работу, получать зарплату, видеть результат своего труда.

– Если мы говорим об экономической интеграции, какие основные проблемы возникают в первую очередь?

– Одна из базовых – это единичность курса, то есть котировка валюты на основании свободного спроса и предложения. Второе – соотношение внешнего долга к ВВП. Есть критические барьеры, когда уже экономика начинает работать только на компенсацию долга. Есть очень важный вопрос количества денег и квазиденег в экономике, то есть возможных денежных суррогатов, которые давят на денежную систему. Важны и уровень инфляции, и структура ВВП, и т.д.

– Нужна ли нам единая система налогообложения?

– Должны быть единые принципы.

– Похоже, что белорусы и не собираются уходить от высоких налогов, ведь они снижают нагрузку в следующем году лишь на 1,5 процента...

– Так и мы, похоже, не очень собираемся уходить от высоких налогов. Если завтра мы объединяемся с Белоруссией, у них высокие налоги, вся их промышленность, все их предприятия перебегут в какую-нибудь Смоленскую область. Должно быть выравнивание налоговых систем либо должна быть выработана какая-то система транзитного налога, как это существует в единой Европе.

Экономика – вещь гибкая. Это не биология, где ежа с ужом скрестить нельзя. В экономике это сделать можно, и ужасное создание даже будет какое-то время жить, если это кому-то нужно.

Я не понимаю, насколько серьезны представления нынешнего руководства о том, что делается в СНГ. Политическое решение есть, с точки зрения политической я обеими руками за союз. Но есть два уровня работы. Есть политическая бумажка: создать союз. Подписали. Есть другая бумажка: план мероприятий по реализации соглашения, договора и т.д. Нет самого главного – развернутой концепции программ союза Белоруссии и России. При этом нужно писать не традиционную концепцию – это может быть несколько моделей, несколько графиков, можно заняться неким ситуационным моделированием – что будет, если идти тем или другим путем. Наши руководители должны определиться. Можно идти по какому-то одному пути, а шарахаться от одного к другому – не получится.

Белочкины слезки

Отечественные кондитерские фабрики укрупняются, но постепенно проигрывают рынок иностранцам

Ирина Розенберг

КОНКУРЕНЦИЯ

Несколько лет назад кондитерский рынок России делился на две части: отечественную и импортную. И хотя в начале 90-х доля импорта была довольно высока (плиточного шоколада, например, завозили до 75%), потребители легко отличали наше от «ихнего», а производители, продвигая свой товар, не упускали случая поиграть на их патриотических чувствах. Теперь, по оценкам компании Stollwerck, импорт плиточного шоколада составляет не более 5%. Одни фирмы ушли из страны после кризиса. Другие еще до кризиса обзавелись тут собственными производствами, и теперь их продукция – разработанная специально для нашего рынка с русскими названиями – воспринимается как российская. Компания Nestle, например, продолжая выпускать полюбившийся многим шоколад под тем же названием, разработала марку плиточного шоколада и конфет «Россия», а Stollwerck, не расставаясь с шоколадом Alpen Gold, продвигает шоколадно-конфетную марку «Покров».

Стоит сразу пояснить: когда речь идет о конкуренции между «чисто» российскими и натурализовавшимися западными компаниями, то подразумевается конкуренция исключительно на рынке плиточного шоколада и шоколадных конфет в коробках. Ни карамель, ни халва, ни ирис, ни даже развесные шоколадные конфеты западных инвесторов особо не интересуют. Nestle, правда, начала производить и рекламировать карамель «Савинов». Однако говорить о массовом производстве карамели западными фирмами не приходится.

«Карамель, конечно, помогла выжить во время кризиса многим российским фабрикам, однако нам она не так интересна, это слишком дешевый продукт», – пояснила Елена Беляева, руководитель отдела маркетинга ЗАО «Штольверк Рус». Другое дело – шоколад, ядро кондитерской промышленности, ее элитная часть. Даже при незначительной доле производства плиточного шоколада (например, у концерна «Бабаевский» она составляет примерно 20%, у «Красного Октября» – 15) и снижении на него после кризиса спроса шоколад остается наиболее выгодным товаром.

По данным концерна «Бабаевский», в Москве на долю плиточного шоколада приходится 7% всего кондитерского рынка (в понятие кондитерского рынка в данном случае включаются шоколад, конфеты в коробках и развесные, карамель, а мучные изделия, пастила с мармеладом здесь не учитываются) в натуральном выражении, а в денежном – все 12, на долю шоколадных конфет в коробках соответственно приходится 9 и 22%.

Среди иностранных компаний свои фабрики в нашей стране имеют компании Nestle, Stollwerck, Cadburry, Mars. Своими основными конкурентами российские фабрики считают в первую очередь Nestle и Stollwerck (у Cadburry и Mars львиную долю производства занимают батончики, которым принадлежит примерно 6% рынка шоколадных изделий).

Для сравнения: в натуральном выражении карамели принадлежит 37% столичного рынка, а в денежном — лишь 17%.

Это для потребителя в шоколаде главное — вкус. Производитель ценит его за удобство транспортировки (например, на перевозку недорогих зефира или мармелада, легких по весу, но больших по объему, затрачивается едва ли не стоимость продукта). По этой же причине выгоднее торговать упакованными конфетами, чем развесными.

Словом, проиграешь борьбу за шоколадный кусок рынка — считай, что проиграл все. А борьба становится все острее. Возьмем плиточный шоколад, который, по данным маркетинговой компании GFK, составляет более трети всего шоколадного рынка (шоколад, батончики, конфеты в коробках и развесные).

Сегодня Nestle и Stollwerck, по оценкам GFK, контролируют соответственно по 35 и 18,1% рынка плиточного шоколада в крупных городах России (для сравнения: московские фабрики «Красный Октябрь», имени Бабаева контролируют соответственно по 5 и 6,7%). То есть в общей сложности на их долю приходится более 50% рынка плиточного шоколада. А ведь свои производства имеет еще и компания Cadbury. И тенденция роста у западных компаний налицо. Например, Stollwerck стремительно наращивает свои объемы. Начав работать в России в 1997 году, фабрика выпустила 9 тыс. тонн шоколада, а в 1999-м — уже 20 тыс. тонн шоколада и конфет в коробках. И, по словам маркетолога Елены Беляевой, в этом году объемы производства еще вырастут (мощности фабрики позволяют делать 35 тыс. тонн шоколадных изделий в год). «Наш шоколад попадает в группу массового, он стоит недорого, поэтому и пользуется спросом», — говорит она.

Главная проблема состоит в том, что плиточный шоколад «чисто» российских производителей стоит примерно на 15—20% дороже местной продукции Nestle и Stollwerck и расходится не так бойко. Это только подогревает споры о том, чей шоколад лучше и натуральнее. Западные инвесторы, правда, считают, что спорить тут не о чем — о вкусах не спорят. Зато практически все российские производители убеждены в том, что наш шоколад лучше и иностранцы берут исключительно ценой. Западные производители добавляют разного рода заменители, консерванты, потому их шоколад и стоит дешевле, объясняют они. При этом не преминут добавить, что многие отечественные коллеги тоже начали «баловаться» заменителями, чтобы снизить издержки и удешевить продукцию.

Московский рынок — барометр, отражающий ситуацию на кондитерском рынке всей страны. По оценкам группы «Красный Октябрь», на долю Москвы приходится 28% продаж кондитерских изделий в общем российском объеме, и это при том, что в столице проживает примерно 6% населения страны.

Кто, куда и что добавляет, может выяснить только специальная экспертиза. Скажем лишь, что главным показателем натуральности шоколада служит уровень содержания в нем какао-продуктов (какао-масла и какао тертого). В молочном шоколаде доля какао-продуктов должна быть не менее 30%, в темном (горьком) — 50%. По российским стандартам, продукт может называться шоколадом, если в нем нет заменителей какао-продуктов.

Международные нормы допускают содержание заменителей какао-продуктов до 5%. «Но в России мы работаем по российским стандартам, поэтому используем только натуральные какао-продукты, — подчеркивает Елена Беляева. — Кстати, и на Западе далеко не все производители используют заменители, многие известные фирмы работают только на натуральном сырье». Что же касается искусственных ароматизаторов, то их используют все. О чем честно сообщают на этикетке: «Ароматизатор такой-то, идентичный натуральному». При этом данные о наличии заменителей какао-продуктов не значатся ни у «чисто» российских, ни у производителей, принадлежащих западным фирмам.

Вкус натурального шоколада зависит от рецептуры — сорта какао-бобов, комбинации разных сортов (например, «Золотой ярлык» производится из четырех сортов, произрастающих в разных регионах мира) и сочетания разного рода ароматизаторов, в роли которых могут выступать любые продукты — от корицы и кофе до чая и алкоголя. Отсюда и вкусовые различия между российским и импортным шоколадом (например, Alpen Gold делается по швейцарско-немецкой рецептуре, особенности которой не разглашаются).

Сладкие заботы

Российские производители, находясь в равных условиях с иностранцами (источники сырья те же, ведь какао-бобы растут в Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии, оборудование многие фабрики заменили на современное), тем не менее имеют некоторое преимущество: они лучше любого инвестора знают предпочтения российских потребителей и предлагают именно ту продукцию, к которой те привыкли. Причем некоторые изделия не имеют западных аналогов, как, например, так называемые мягкие конфеты с помадными начинками, глазированные шоколадом или глазурью.

Почему же все-таки иностранцам удалось отхватить львиную долю рынка? Российские производители часто ссылаются на огромные рекламные бюджеты западных компаний и жалуются на отсутствие у себя «таких» средств. Однако главная проблема российских производителей скорее всего кроется в различных принципах маркетинга. «Невозможно продвигать сотни наименований, должно быть несколько сильных брэндов», — подчеркивает представитель одной из западных фирм, работающих в России.

Например, московская фабрика «Красный Октябрь» выпускает 400 наименований, причем некоторые конфеты различаются только названием, а по вкусу очень схожи. Для сравнения: у Stollwerck в России всего лишь 60 наименований, и часть из них компания собирается снимать. И Stollwerck, и другие западные компании по сути имеют всего две-три ключевые марки.

Российские же фирмы в большинстве своем продвигают свой ассортимент как сотни отдельных марок. Разобраться в таком многообразии потребителю очень трудно. Приходя в магазин, он обычно узнает с десяток наименований, из них и выбирает, а остальная часть продукции остается невостребованной. Ольга Мартынова, руководитель отдела маркетинга фабрики «Красный Октябрь», признает, что необходимо сократить ассортимент «хотя бы до 250 наименований». Представители «Рот Фронта», у которого «всего» 250 наименований, тоже заявили о намерении сократить разнообразие выпускаемых товаров.

Специалист отдела маркетинга «Рот Фронта» Андрей Иващенко убежден, что именно с этого нужно начинать: «Мы проведем «ревизию» нашего ассортимента, и шоколада, и конфет, и карамели, оставим только те марки, которые пользуются устойчивым спросом, — сказал он. — А то у нас есть названия, которые производятся еще с советских времен, но покупатели о них даже не слышали». По его мнению, главная проблема всех московских (да и российских) фабрик — отсутствие эксклюзивных брэндов.

Да, у нашей промышленности есть «сильные» брэнды, востребованные покупателями. Но в основном это старые советские марки, которые делают многие предприятия. Фабрики нередко дублируют друг друга и «подрывают» конкуренцию. «Каждый производитель должен иметь свой конек, а у нас получается, что все делают одно и то же, — говорит Андрей Иващенко. — Сегодня люди ориентируются на имя товара, и это имя должно быть лицом производителя. Но далеко не все наши фабрики имеют свое лицо».

Иными словами, логичней было бы каждому производителю, оставив в своем ассортименте самые популярные старые марки (их в общем и целом не наберется и двух десятков), разработать еще и несколько собственных эксклюзивных. Невозможно бесконечно долго продвигать товар исключительно под девизом типа «вкус, знакомый с детства». «Главная опасность — потерять молодую часть потребителей, она не помнит дефицита и не испытывает ностальгических чувств», — отмечает Ольга Мартынова. Что-то в этом направлении делается.

Чтобы привлечь молодое поколение, «Красный Октябрь», скажем, регулярно организует для школьников экскурсии с дегустацией в музей фабрики и цеха. Тем же занимается и «Бабаевский». Производители устраивают конкурсы среди школьников на лучшее название новой конфеты, наиболее удачные названия действительно присваи-

СПРАВКА

В первой половине этого года все крупные московские кондитерские фабрики снизили объемы производства примерно на 15% по сравнению с тем же периодом года прошлого. Причин спада как минимум две. Спрос на кондитерские изделия продолжает сокращаться после кризиса. Например, согласно исследованиям концерна «Бабаевский», весь московский рынок кондитерских изделий за период с апреля прошлого по апрель нынешнего года сократился на 770 тонн (теперь его годовой объем — 8210 тонн). Больше всего, по мнению экспертов «Бабаевского», сократилась шоколадная часть: год назад в столице продавалось 1310 тонн плиточного шоколада в месяц, теперь — только 500 тонн.

Вторая причина — появление в России новых производителей в лице иностранных инвесторов, которые теснят «чисто» российских благодаря более совершенной политике маркетинга и продаж.

ЧАСТНОСТИ

Карамель да вафли

Кондитерский рынок делится на две части: сахаристую (шоколад, конфеты, карамель, зефир, мармелад, пастила) и мучную, к которой относятся печенье, вафли, вафельные торты (обычные торты, пряники и всякие восточные сладости относят к хлебобулочным изделиям). Казалось бы, тяжелая конкуренция с иностранцами на шоколадном рынке должна компенсироваться относительной свободой отечественных производителей на рынке карамельном, который западных инвесторов не привлекает. Но тут возник серьезный соперник в лице Украины. По данным концерна «Бабаевский», на долю карамели приходится 43% импорта всех кондитерских изделий. При этом 96% карамели поступает с Украины, и стоит она дешевле российской. «Кондитерские изделия, поступающие с Украины, не облагаются НДС, к тому же там сахар даровой, — комментирует президент концерна «Бабаевский» Сергей Носенко. — Вот российская карамель и проигрывает в цене».

Украинская продукция, кстати, занимает существенную долю еще и в импорте мягких конфет (90%), глазированных шоколадом, поставки которых в прошлом году увеличились на 17,5%, а также вафель (50%), печенья (40%).

Рынок мучных кондитерских изделий за последние десять лет сократился в три раза из-за снижения спроса и изменения структуры потребления: появилось множество сладостей помимо печенья. В прошлом году он составил около 400 тысяч тонн, из них примерно 70 тысяч приходится на вафли. Причем в последние годы постоянно растет доля упакованной продукции, которой раньше было не так много, а теперь — около половины рынка.

На рынке развесного печенья и вафель сильны позиции региональных

вают. Но такими трюками всю молодежь не охватишь.

Что же касается новых марок, то их, конечно, разрабатывают, но, как правило, не вместо каких-то других, а плюс к уже имеющимся. И даже если марка добивается успеха, на ней мертвым грузом висят десятки невостребованных названий. Излишне напоминать, что выпуску на рынок новой марки должно предшествовать исследование рынка. Например, Stollwerck, выводя на наш рынок конфеты «Покров», начал с алкогольных начинок (с коньяком, настойками, водкой), потому что эта часть рынка в нашей стране была практически свободна. Это позволило компании раскрутить марку и потом вывести под ней же привычные для России конфеты с помадными начинками. По западной схеме, кстати, пошел концерн «Бабаевский», выведя на рынок серию шоколада «Бабаевский» с так называемыми крупными добавками (то есть целыми, а не дроблеными) в виде орехов, изюма, цукатов, вафель. Как уверяет президент концерна Сергей Носенко, линия по производству такого шоколада в России есть только у «Бабаевского». Благодаря новым разработкам, фабрика за год увеличила выпуск плиточного шоколада на 22%.

Но наши производители «лепят» порой новые марки, руководствуясь отнюдь не анализом спроса на рынке. Например, на одной из московских фабрик признались, что нередко ими движет необходимость «чем-то занять людей». Дескать, на фабрике работает много народу, нельзя же их уволить. В результате получаются марки-однодневки. Забота о рабочих, конечно, важна. Но на разработку и запуск новых марок тратятся немалые деньги. Не лучше было бы потратить эти средства на исследования рынка, рекламу востребованной продукции и, увеличив спрос, загрузить рабочих выпуском этой продукции?

Другая проблема нашей кондитерки заключается в неумении продавать. Многие производители строят сети фирменных магазинов («Красный Октябрь», например, только в Москве имеет 12 магазинов, «Бабаевский» — 9), считая, что это дополнительная реклама. Однако, по мнению западных инвесторов, создание магазинов — слишком дорогое удовольствие. Издержки на содержание магазинов — одна из причин того, что российская продукция не способна конкурировать в цене с импортной.

«Торговое заведение привлекает гораздо больше покупателей, если предлагает товар разных производителей. Покупатель тогда имеет возможность выбрать, — убеждена Елена Беляева. — Только так производители могут по-настоящему конкурировать между собой». Но из всех московских конфетно-шоколадных фабрик только «Рот Фронт» намерен идти по западому пути. «Мы будем расширять сеть своих дистрибьютеров и оказывать им рекламную поддержку», — говорят на фабрике.

В Москве производится весь спектр кондитерской продукции. Три кондитерские фабрики, примерно одинаковые по своим мощностям (около 60 тыс. тонн кондитерских изделий в год) и ассортименту, делают шоколад, конфеты, карамель, драже, халву, помадки. Это **«Красный Октябрь»** (наиболее популярные марки — шоколад «Аленка», «Золотой ярлык», новая марка — шоколад «Любимый» семи сортов), **«Рот Фронт»** (одноименный шоколад, конфеты «Осенний вальс», выпущенный недавно шоколад «Осенний вальс»), **имени Бабаева** (одноименный шоколад, шоколад «Вдохновение», конфеты «Золотая нива», «Белочка»). **«Ударница»** специализируется на зефире, пастиле, мармеладе. Две фабрики — **«Большевик»** (печенье «Юбилейное» нескольких сортов, вафли и вафельные торты «Причуда», крекеры «Тук») и **«Крекер»** — выпускают мучные кондитерские изделия.

Жираф большой...

Любая отечественная кондитерская фабрика, в том числе и московская, является местным производителем, обеспечивающим сладким в основном свой регион. Например, московская фабрика «Красный Октябрь» оставляет в столице примерно 70% своей продукции, «Рот Фронт» — более 50%. А иностранцы предпочитают создавать национальные марки, которые расходятся по всей стране.

Крупные российские фабрики тоже пытаются замахнуться на всю Россию. «Красный Октябрь» создала целую группу, в которую помимо московской фабрики входит еще девять региональных, и, судя по всему, группа не собирается останавливаться на достигнутом и ведет переговоры о покупке еще одной фабрики. Концерн «Бабаевский» состоит из пяти предприятий (включая московскую фабрику). В ассортименте и того и другого монстра вся гамма кондитерских изделий — шоколадная продукция, карамель, конфеты, печенье и вафли, восточные сладости, торты и пряники.

Расширяясь, российские компании по объемам производства и ассортименту становятся крупнейшими игроками на кондитерском рынке. Но это далеко не всегда способствует росту их популярности среди потребителей. Например, маркой «Красный Октябрь» по-прежнему маркируется преимущественно продукция московской фабрики (чтобы не дискредитировать марку, производители предпочитают маркировать ею только проверенный товар), а региональные продолжают работать как бы сами по себе и со своим ассортиментом. Но если бы региональная продукция тоже шла под маркой «Красный Октябрь» (да еще имела бы гарантию качества), она имела бы гораздо больше шансов на успех не только в своем, но и в соседних регионах.

Приобретая новые производства, «Красный Октябрь» выступает в роли инвестора. А инвестор, как правило, старается продвигать свою марку, увеличивая ее долю на рынке, собственно, для этого и покупаются новые мощности. Наверное, логичней было бы, вложив средства в перевооружение (чтобы повысить качество продукции, ведь именно марка должна служить гарантией качества, неважно, на какой фабрике товар произведен — на московской или региональной), дать продуктам собственное имя (и тем, что выпускаются на головном московском предприятии, и наиболее удачным местным). Зачем скупать предприятия, если они продолжают работать анонимно?

Тем более что в ближайшие несколько лет конкуренция на кондитерском рынке обострится. Правда, ожидать прихода в нашу страну совершенно нового крупного инвестора не стоит. Но исключить появление локальных небольших производителей нельзя. Год назад, например, появилась фирма «Коркунов», специализирующаяся на элитной шоколадной продукции, довольно успешно раскрутилась московская фирма «Русский шоколад» (компания и раньше занималась торговлей шоколадными изделиями), производящая пористый шоколад, который стоит дешевле, чем у традиционных производителей. Безусловно, крупным предприятиям выжить проще, чем мелким. Но и их успех в большой степени будет зависеть от подхода к вопросам маркетинга и сбыта. ■

производителей, которые активно торгуют в Москве, сбивая цены на печенье (развесное печенье региональных фабрик продается всего по 12–14 рублей за килограмм). Среди основных производителей упакованной продукции стоит отметить фабрику «Большевик» (по оценке ее руководителей, ей принадлежит примерно 10% рынка упакованного печенья и вафель), которой владеет компания «Данон».

Московский комбинат «Крекер» (делает крекеры и сдобное печенье) тоже имеет неплохие перспективы, поскольку выпускает продукцию довольно высокого качества.

По словам генерального директора фабрики «Большевик» Якова Иоффе, если печенье грамотно приготовлено, оно является диетическим продуктом. Для его изготовления используют высококачественное зерно, умеренное количество сахара и исключительно растительный жир (ни грамма маргарина и животных жиров). Но вафли при всем желании нельзя назвать диетическим продуктом, поскольку в них добавляют животный жир, а в некоторые сорта и какао-продукты.

По мнению экспертов, рынок печенья имеет в нашей стране большие перспективы: печенье подают к чаю и на десерт, его любят дети. «Однако рост его пока ограничивается покупательной способностью, — отмечает Яков Иоффе. — Печенье вынуждено конкурировать с хлебобулочными изделиями, более дешевыми, чем печенье, пряниками, сушками, сухарями». Кроме того, по его словам, сегодня рынок печенья ограничен еще и своими ассортиментными рамками. Пока решающим фактором является цена, на российский рынок бесперспективно продвигать какие-то особые виды продукции, например, печенье с целым изюмом (оно будет стоить в два раза дороже, чем обычное), несладкое печенье с прослойкой ветчины, сыра и другие сорта, привычные для западного рынка, но необычные для нашего.

Умнопечать

К сожалению, при регистрации сетевых доменов нельзя использовать символы кириллицы. Поэтому новый совместный проект компаний Hewlett Packard и ОднаКо называется SmartPrint.Ru. В отличие от сервиса **Fotki.Ru**, где вашу фотопленку оцифруют и выложат в Сеть, здесь, наоборот, предлагают присылать уже оцифрованные изображения, а SmartPrint их совершенно бесплатно напечатает и бесплатно вышлет по указанному адресу. Пользуйтесь, пока SmartPrint добрый — в наше суровое капиталистическое время хорошие вещи бесплатными долго не бывают. ■

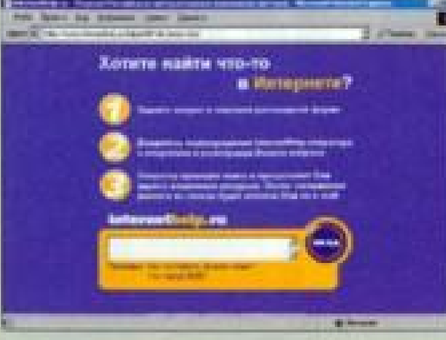
В помощь киберсквоттеру

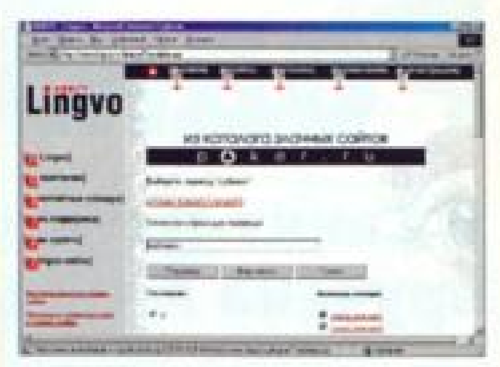
Времена, когда домен с интересным именем вроде pravda.ru или info.ru можно было зарегистрировать без труда, давно миновали, все приличное уже давно разобрано. Еще раньше это произошло в международных доменах первого уровня (.com, .net и пр.). Куда же податься современному сквоттеру, мечтающему о киберделянке с симпатичным именем? Новорожденный сайт **Check.Ru** проверяет наличие свободных доменных имен в 83 доменных зонах быстро и бесплатно. А если домен занят, предлагает подробную информацию о владельце. Последнее обстоятельство, несомненно, вовлечет в деловой оборот немало сетевых неофитов. Что в свою очередь приведет к быстрому исчезновению из оборота мало-мальски вразумительных доменных имен. ■

Интеллектуальный поиск

С одной стороны, количество индексируемых документов в WWW растет в геометрической прогрессии (см. «Итоги» №35), с другой — каждая поисковая машина (Yandex, Altavista, пр.) использует свой собственный язык запросов, и если им не пользоваться, а задавать вопросы на «естественном» языке, то все чаще рискуешь вместо ответа получить кучу информационного хлама. Вне всякого сомнения, крупнейшие поисковые машины в ближайшем будущем будут вводить либо все более изощренные алгоритмы поиска, основанные на искусственном интеллекте (когда поисковик «угадывает», что именно вам нужно), либо будет предлагать пользователям услуги человека-оператора. Такой сервис с человеческим лицом уже завелся по адресу Internet Help. Ru. Если вы не уверены в том, как грамотно сформулировать запрос к поисковым машинам, попробуйте поискать то, что вам нужно, вместе с оператором InternetHelp (во время работы открывается окошко чата). Конечно, такая услуга не может быть вполне бесплатной: нужно или платить деньги за бесперебойное обслуживание, или ждать в очереди, пока один из операторов освободится. Зато качественный результат поиска почти гарантирован. Составитель Save As попробовал при помощи оператора Алексея найти в Сети свою собственную биографию, предварительно попросив о том же двух неопытных пользователей в родной редакции. Надо сказать, что коллеги с задачей не справились. Оператор же, пусть далеко и не сразу (грамотный запрос к машине Aport сразу выводит на эту страницу), преуспел. Результат скорее средний, но зато робот в процессе поиска никогда не сообщит вам в чате: «Вроде бы напал на след!».

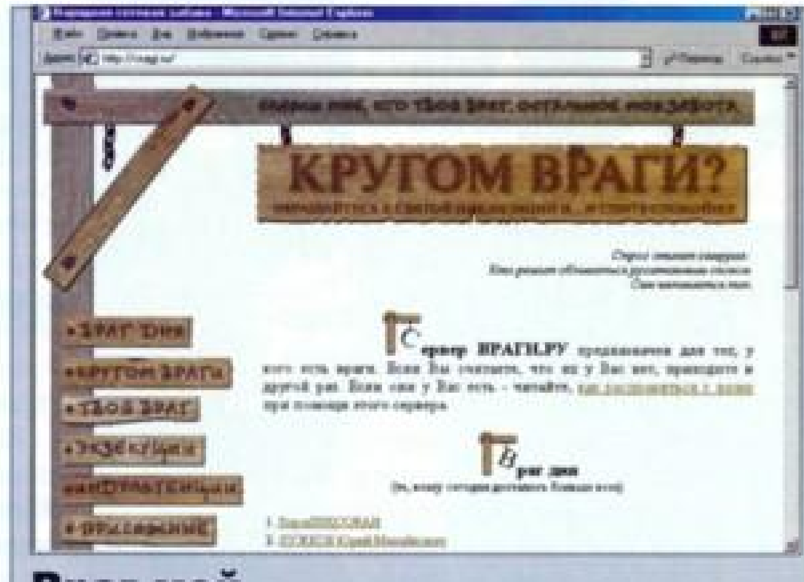

Переведи что хочешь

Онлайновые автоматические словари-переводчики в Сети — не большая редкость. Скажем, на сервере **Freedict.Com** уже несколько лет существует большой набор вполне приличных словарей. Но призыв «Покупайте отечественное!» оказался близок руководителям российской компании Abbyy, и один из лучших отечественных электронных словарей Lingvo несколько дней назад был выложен в Сеть **(Lingvo.Ru)**. Платный словарь в Интернете работает совершенно бесплатно — если не считать денег, которые вы платите Интернет-провайдеру. ■

По информации «Итогов», Merlin, Newsweek, VI, TBTF, Scout Research.
адрес составителя yegor@inter.net.ru

Враг мой

Враги есть у каждого. Но не у каждого есть возможность со своим врагом разделаться по-свойски. Это и хорошо, с одной стороны, с другой же, когда все твое существо вопиет о мести, а она невозможна, и до психоза недалеко. Японцы придумали «резиновых боссов» — отлупи вполне легально резиновую копию начальника и успокойся. Полуанонимные создатели сайта **Vragi.Ru** (их представителем на сервере выступает виртуальный персонаж Кристобаль Хозевич) поступили еще проще — достаточно просто зайти на сайт, вывесить на нем на всеобщее обозрение своего врага и вдоволь над ним поизмываться. Список доступных экзекуций вполне впечатляющ (можно придумать и добавить свою — например, для своего личного врага составитель Save As предложил экзекуцию «разрезать как паззл и перемещать»). Скорая психологическая помощь — это не обязательно доктор и санитары, прячущие за спиной смирительную рубашку.

Родина краеведения

В Санкт-Петербурге в третий раз вручена Анциферовская премия

Наталья Шкуренок

ФАКТЫ

АНЦИФЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ, УЧРЕЖденная в 1995 году Международным благотворительным фондом спасения Петербурга-Ленинграда и Балтийским гуманитарным фондом для поощрения лучших работ по истории Санкт-Петербурга, вручена в третий раз. Место выбрано не случайно. Петербург-Петроград — родина российского краеведения. Здесь в 1910—1920-е годы сложилась школа историков, сообщившая «родиноведению» новое качество. Академики Сергей Ольденбург, Николай Марр, профессор Иван Гревс и его любимый ученик Николай Анциферов подвели теоретические основания под краеведческие исследования, создав современную урбанистику — важнейшую отрасль культурологии, занимающуюся исследованием города как целого, его анатомии, физиологии и психологии.

Не случайно и название премии. Помимо статей в издававшемся друзьями журнале «Краеведение», им удалось опубликовать очень немногое. Основная работа Ивана Гревса, трактующая теоретические основы изучения городской субкультуры — «Город и его жизнь: краеведческие очерки из истории культуры», — так и не была опубликована. Лицом школы и настольной книгой культурологов стала «Душа Петербурга» Николая Анциферова.

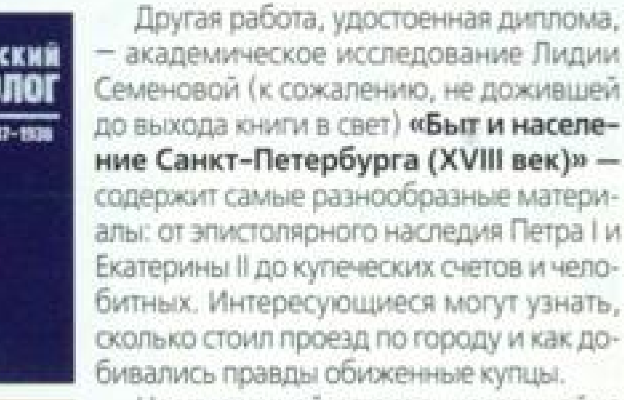
Золотой век оказался недолог. В 1929 году у власти наконец дошли руки до Академии наук, остававшейся последним оплотом либеральной фронды. «Органы» на живую нитку сшили «дело академика Платонова» — признанного главы академической исторической науки. В ту же мясорубку метнули и краеведов. Во всяком случае Николай Павлович Анциферов вдосталь хлебнул сталинских лагерей. Исторические штудии были втиснуты в прокрустово ложе марксизма. Краеведение низвели до мелочной игры в бирюльки, занятия для любителей ковыряться в пустяках — идеологически безобидного и бессмысленного, вроде вышивания гладью. Такая «отверженность» краеведения сыграла ему на руку. В него «уходили», как в эмиграцию, историки, не способные жить в тяжелой атмосфере официозной политической историографии. Писали «в стол». В этом полуподпольном краеведении и создавалось большинство работ, получивших впоследствии Анциферовскую премию.

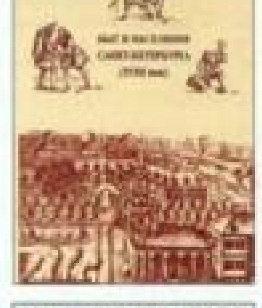
Третье вручение премии еще раз подтвердило тенденцию, которая сформировалась в последние годы: время идеологического толкования истории прошло. Факты, ничего кроме фактов не предлагают авторы на суд публики, и только их ждет от историка читатель. Награды распределили именно по этому принципу. И, хотя в финал по номинации «За лучшую исследовательскую работу» вышли роскошные юбилейные и подарочные издания, жюри под председательством главы всех российских краеведов Сигурда Шмидта было единодушным. Премию получила книга **«Ленинградский мартиролог. 1937—1938 годы»**, ставшая гражданским подвигом автора и руководителя группы историков Анатолия Разумова.

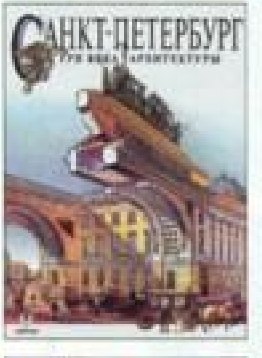
В первых четырех томах (всего предполагается издать 12 книг) собраны биографические сведения о 18 тысячах расстрелянных с августа по декабрь 1937 года: имена, биографические данные, даты вынесения приговора и расстрела поляков, русских, латышей, евреев, татар, жителей Ленинграда и областей Северо-Запада, рабочих, учителей, совслужащих, кустарей-одиночек, инвалидов и пенсионеров... Несложные подсчеты свидетельствуют, что каждые 3—4 минуты того полугодия в стенах Большого дома на Литейном гремел выстрел, уносивший чью-то жизнь. Сейчас авторский коллектив книги создает полную электронную версию списков погибших, начиная с 1917 года.

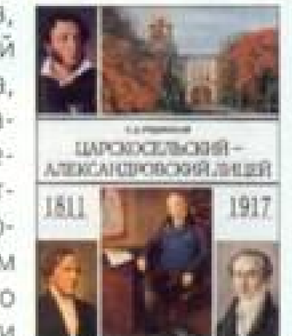
Принципом верности фактам руководствовалось жюри и при вручении дипломов. Справочно-историческое исследование **«Василеостровский район»** Виталия Соболя и Галины Никитенко — первое из серии «Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга» — содержит не только перечень улиц и домов, но и имена всех более или менее известных жителей Васильевского острова. Из книги можно узнать о бароне Остен-Сакене, владельце дома, где жила семья князя Волконского, о чиновнике И. Ф. Грошопфе, прадедушке В.И. Ульянова, или о девочке Тане Савичевой, младшей дочери пекаря Савичева, открывшего здесь в начале века булочную. Это та самая Таня, которая, умирая от голода, в блокадном 1942 году оставила страшный дневник: «Савичевы умерли все...»

Другая работа, удостоенная диплома, — академическое исследование Лидии Семеновой (к сожалению, не дожившей до выхода книги в свет) **«Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век)»** — содержит самые разнообразные материалы: от эпистолярного наследия Петра I и Екатерины II до купеческих счетов и челобитных. Интересующиеся могут узнать, сколько стоил проезд по городу и как добивались правды обиженные купцы.

Неотмеченной осталась чрезвычайно любопытная работа Сергея Ярова: две маленькие книжки **«Горожанин как политик»** и **«Пролетарий как политик»** разносят в пух и прах миф о «рабоче-крестьянской революции» 1917 года. Впервые опубликованы донесения осведомителей царской охранки и большевистских сексотов: политическая активность пролетариев была чрезвычайно низка, они открыто саботировали, а не поддерживали новую власть. И подчинялись только под угрозой голода или расстрела.

Премия в «популярной» номинации не была вручена, зато несколько работ были удостоены дипломов. Это **«Санкт-Петербург. Три века архитектуры»**, созданная коллективом под руководством Иосифа Храброго; монография Светланы Руденской **«Царскосельский — Александровский лицей. 1811—1917»** и написанная «на троих» Дмитрием Губиным, Львом Лурье и Игорем Порошиным книга **«Реальный Петербург»**, крайне внимательная к бытовым мелочам. Она не только рассказывает, «почем квартирка» в Петербурге XVIII или XX века, но и как менялись цены на чашку кофе или «нумера» за последние три столетия.

Труд бывшего ленинградца, а ныне гражданина Израиля Михаэля Бейзера **«Евреи Ленинграда. 1917—1939. Национальная жизнь и советизация»** получил премию за лучшую работу зарубежного автора. В книге множество цифр: оказывается, сразу после революции количество евреев, проживавших в Петербурге, увеличилось в три раза, как и их «внебрачная плодовитость», — нравы менялись стремительно. Автор использует не только российские и израильские архивы, но и воспоминания современников, хотя в Ленинграде 80-х годов (когда собирался материал) нелегко было найти «источники информации», а уж добиться их откровенности — тем более.

Следующее вручение Анциферовской премии предполагается в 2002 году. А год 300-летия Петербурга решено «проскочить», чтобы избежать возможных конъюнктурных работ. ■

При участии **Никиты Соколова**

Президент России поставил главный театр страны на место

Операция «Большой»

Ярослав Седов

СЮРПРИЗ

СЛУХИ О ГОТОВЯЩЕЙСЯ СМЕНЕ РУКОводства Большого появились не вчера. Но никто не ожидал, что президентские указы, в корне меняющие статус, структуру управления Большим и планы его реконструкции, созреют к началу юбилейного сезона, который по замыслу свежеотставленного руководства должен был ознаменоваться пышными торжествами. Однако никакой сенсации в действиях властей на сей раз нет. Сделано то, что нужно было сделать давно, и так, как это уже много раз происходило в истории революционных преобразований Большого.

Зачистки

Историкам театра известны трагикомические сюжеты о том, как балерина Матильда Кшесинская, фаворитка Николая II, добилась увольнения Сергея Волконского с поста директора императорских театров, обидевшись на пустяковый выговор. Или как сменивший Волконского Владимир Теляковский отправил в отставку создателя русского балета Мариуса Петипа и «столпа» русской оперы Федора Шаляпина за «нарушение трудовой дисциплины» (Шаляпин, сказавшись больным, пел в церковных хорах и частных антрепризах, игнорируя запреты дирекции). Этот механизм театральных переворотов унаследовала и советская власть. Судьбу Большого чаще всего определяли не художественные, а политические обстоятельства. После революции он был спасен от закрытия одной фразой Ленина, заметившего, что театр «рано сдавать в архив». Прославленный «Большой балет» расцвел в Москве благодаря тому, что по распоряжению властей в столицу из Ленинграда без всяких церемоний переводили опытных

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ **МИХАИЛ ШВЫДКОЙ** (СПРАВА) СОЖАЛЕЕТ, ЧТО НЕ УСПЕЛ ПРЕДУПРЕДИТЬ **ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВА** ОБ УВОЛЬНЕНИИ ИЗ БОЛЬШОГО

педагогов, постановщиков и артистов — Елизавету Гердт, Леонида Лавровского, Алексея Ермолаева, Марину Семенову, Галину Уланову. Так же — министерским распоряжением — в середине 60-х главой «Большого балета» был назначен ленинградский хореограф Юрий Григорович.

Следя за тем, чтобы Большим театром руководили «лидеры отрасли», всесильный Минкульт вплоть до 80-х годов поддерживал систему «главных» — режиссера, художника, дирижера и балетмейстера, — меняя их по своему усмотрению, почти как крепостных. А ущемленные в правах «неглавные» собирались в коалиции и с помощью интриг пытались отвоевать себе жизненное пространство. В своей автобиографии Галина Вишневская хлестко описала типы театральных интриг, которые плелись с помощью советской театральной машины, а Борис Покровский посвятил целую книгу тому, как из Большого выгоняли знаменитостей, среди которых в середине 80-х оказался и он сам. При всем разнообразии этих историй разыгрывались они обычно по одной и той же схеме: изнурительная «подковерная» борьба оппозиции, хождения знаменитостей по инстанциям, туманные слухи для непосвященной публики и в конце концов — решающий указ за высочайшей подписью.

Проигравший получал возможность «сохранить лицо», написав заявление об уходе по собственному желанию. Так поступили Светланов, Рождественский, Покровский. Сходный путь выбрал пять лет назад и Юрий Григорович: 7 марта 1995 года в ответ на слух о назначении Владимира Васильева худруком Большого он, не дожидаясь приказа, написал открытое письмо, где заявил, что больше в Большом не служит. Вместе с ним театр покинули главный дирижер Александр Лазарев и главный художник Валерий Левенталь. 10 марта артисты в знак солидарности с Григоровичем устроили забастовку: прервали спектакль «Ромео и Джульетта» и вышли к публике с письмом протеста. Дирекция подала на забастовщиков в суд и отстранила их от работы. А затем был опубликован указ Бориса Ельцина об упразднении прежних руководящих постов и учреждении других, на которые были назначены Владимир Васильев и его сподвижники, много лет боровшиеся за свержение Григоровича. Этот указ предоставил Большому театру и его руководителю такую свободу действий, о которой предшественники Васильева и мечтать не могли.

«Васильевский спуск»

Для Васильева при Ельцине освободили театр от подчинения Министерству культуры и передали в ведение главы правительства. Возможно, собственный опыт подсказывал президенту, что для больших реформ руки должны быть развязаны. Получившему независимость от министерства Васильеву практически не приходилось отчитываться и перед правительством: многочисленные премьер-министры, стремительно сменявшие друг друга на протяжении последних пяти лет, в дела театра не вникали.

Пост художественного руководителя/директора давал Васильеву возможность руководить и творческой, и финансовой частью (в последнем ему помогал исполнительный директор Владимир Коконин). Они заключали контракты с артистами и руководителями оперной, балетной трупп, оркестра и других, распоряжались как спонсорскими, так и государственными средствами (финансирование театра было записано в бюджете отдельной строкой).

Такого в Большом не было никогда. Поначалу казалось, что именно эти исключительные полномочия позволят новому руководителю театра превратить его из советского учреждения, построенного по принципу единоначалия, в демократический современный центр оперного и балетного искусства: привлечь интересных постановщиков со всего мира, обогатить репертуар классикой XX века и произведениями современных авторов. Впрочем, сомнения в том, что Владимир Васильев справится с возложенной на него миссией, возникли на первом же сборе труппы, где его представили Большому в качестве нового руководителя. Вместо программы действий, которую танцовщик, по его словам, обдумал за шесть лет своего отсутствия в театре (он был выведен на пенсию в 1989 году), Васильев ограничился призывами вроде: «Давайте поймем, что мы работаем для зрителя!» Апофеозом его речи стала фраза: «Для меня нет различий между оперой и балетом». Конечно, Васильев имел в виду, что будет уделять равное внимание и той, и другому. Но многие истолковали фразу буквально и оказались правы. Первой же постановкой нового худрука стала опера «Травиата», в которой главенствовали балетные сцены, а последней — балет «Балда», где оркестр и дирижер были извлечены из ямы на сцену, а танцовщики, подобно певцам, оказались на самом ее краю.

Но среди печальных итогов правления Васильева — не только неудачные постановки (среди которых, например, одиозная версия «Лебединого озера», превратившая символ русского балета в фарс). Васильев остался «звездой», стремящейся блистать на фоне своего окружения. Он так и не освоился в амплуа хозяина, которого судят по успехам его подчиненных: не сумел справиться с борьбой внутритеатральных групп, не смог объединить разнонаправленные интересы своих менявшихся помощников (руководителей балета Вячеслава Гордеева, сменившего его Александра Богатырева, а затем Алексея Фадеечева и руководителей оперной труппы Бэлы Руденко и ее преемника

НОВЫМ ХУДРУКОМ БОЛЬШОГО ТЕАТРА МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ХОТЕЛО БЫ ВИДЕТЬ **ГЕННАДИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО**, ОДНАКО ОНО РАССМАТРИВАЛО И КАНДИДАТУРУ **ЕВГЕНИЯ СВЕТЛАНОВА** (СПРАВА), НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО НЕДАВНО ОТСТРАНИЛО ЕГО ОТ РУКОВОДСТВА ГОСОРКЕСТРОМ

Юрия Григорьева). Все они, а также приглашенные постановщики — Мстислав Ростропович, Борис Покровский, Питер Устинов и другие — решали более или менее амбициозные, но частные задачи. Творческую жизнь Большого во многом заменила светская: балы, вручения премий, празднования юбилеев. После одного из таких карнавальных действ, состоявшихся у подножия храма Василия Блаженного, острословы прозвали Большой «Васильевским спуском». Худрука это не охладило. Первый рабочий сбор труппы нынешнего юбилейного сезона Васильев готовился провести как пышное шоу.

Одной из главных забот Большого в эпоху Васильева стала подготовка к реконструкции основного здания. Разговоры о ее необходимости велись на протяжении последних двадцати лет. За это время здание приобрело соответствующий — убедительно обшарпанный — вид. В последние годы руководители театра гордо заявляли, что открывают сезон, несмотря на категорические запреты пожарных. Правда, рассуждая о необходимости реконструкции, они всячески избегали главного вопроса: на какие сценические задачи она рассчитана? Не рассказывали и о том, в каком состоянии находятся фундаменты и несущие конструкции, а также почему нельзя покрасить стены, заменить трубы, кабели и унитазы, не дожидаясь тотальной перестройки.

Обращаясь ко всему миру за финансовой помощью, Большой выступил заказчиком масштабных работ на театральной площади, в ходе которых были полностью или частично снесены несколько зданий около театра, построен грандиозный подземный комплекс инженерных служб и начато строительство филиала. Проектировщиком реконструкции основного здания стал институт «Курортпроект», не имевший опыта реставрации и собиравшийся перестроить треть памятника архитектуры с помощью реставрационных фирм («Итоги» уже писали об этом в № 7, 2000).

28 августа

За пять лет васильевского руководства общественность с неудовольствием убедилась, что в ситуации с Большим ее мнение не имеет никакого веса. Пресса устраивала театру обструкции, знаменитые артисты выступали с советами и комментариями, а правящая команда делала то, что считала нужным. Не влияли на расстановку сил и перемены в правительстве. Оставалось вспоминать историю и уповать на окончание эпохи Ельцина.

История не подвела. Начав восстанавливать «властную вертикаль», новые власти вписали в нее и Большой. С худруком и его командой они обошлись так же бесцеремонно, как те обходились с театром. Логичные и, безусловно, заранее подготовленные президентские указы по поводу реформы Большого власти опубликовали 28 августа, выбрав удобный для себя момент: балет гастролировал в Испании, опера — в Южной Корее, а немногочисленные начальники, остававшиеся в Москве, отдыхали на дачах (это был понедельник, выходной день театра).

Владимир Васильев узнал о своей отставке по радио и сделал эффектный жест — направил министру культуры Михаилу Швыдкому телеграмму о том, что избавляет его от личной встречи и неприятного разговора. А через несколько дней, столкнувшись у театрального подъезда с министром, все-таки отправившимся к нему, Васильев не просто не поздоровался с ним, а со всех ног бросился прочь. Швыдкому осталось лишь развести руками и уверить общественность, что он звонил Васильеву на дачу заранее (чему есть свидетели), но дозвониться не смог, о чем весьма сожалеет. В нынешние времена, когда сам президент не всегда может дозвониться генеральному прокурору, такой комментарий можно считать дипломатически корректным. Таким образом, по сравнению с переподчинением Госкино, сопровождавшимся скандальными демонстрациями кинематографистов, операция «Большой» прошла тихо.

Кризисный менеджер

Президентских указов два. В одном говорится, что театр возвращается в лоно Министерства культуры. В связи с этим в нем упраздняются прежние руководящие должности и учреждаются новые. Главой Большого теперь будет генеральный директор, которому, помимо заместителей, будет подчиняться некий «генеральный художественный директор». Однако отдельная строка в бюджете на финансирование Большого сохранится. В другом — правительству РФ предписывается в трехмесячный срок определить нового заказчика реконструкции театра, сроки проведения и источник финансирования работ, которые велено начать с 2001 года.

Все основные положения президентских указов министр культуры России Михаил Швыдкой объяснил заботами о реконструкции. По словам Швыдкого, ему было поручено упорядочить финансирование работ, которое теперь пойдет через его ведомство. В спорах о реконструкции с самого начала возникли две противоположные точки зрения. Руководство театра полагало, что сценическую часть театра нужно полностью перестроить в соответствии с современными техническими требованиями. В этом случае Большой, привлекающий прежде всего подлинностью старинных интерьеров и акустики, превратился бы в новодел. Поэтому оппоненты (в их числе историки, архитекторы и сами артисты) считали, что важнее сохранить старые стены, вписав в них новые механизмы.

До сих пор Большой только готовился к перестройке. Но ломать его стены пока, к счастью, не начинали. Теперь Госстрой — новый заказчик работ — выступает за проведение конкурса на новую проектную организацию, поскольку проект должен быть реставрационным. Швыдкой обещал провести открытую дискуссию о реконструкции с участием московских строителей, которые будут ее осуществлять. Учитывая, что недавно в Москве было принято постановление о запрете на реконструкцию архитектурных памятников и замене ее реставрацией, можно надеяться, что в концепции перестройки Большого победит именно последняя.

На пост художественного директора были предложены дирижеры — Евгений Светланов, Александр Лазарев и Геннадий Рождественский, каждый из которых уже работал в Большом. Но у Светланова натянутые отношения с министерством, поскольку в прошлом сезоне именно Михаил Швыдкой разрешил конфликт дирижера с Госоркестром не в пользу Светланова. Александр Лазарев имеет контрактные обязательства в Новой Зеландии, так что, назначив его, министерству пришлось бы платить большую неустойку. В итоге самым подходящим кандидатом министерство сочло Геннадия Рождественского, который говорит, что готов принять предложение, но отказывается давать комментарии до окончания переговоров.

Артисты Большого в большинстве своем рады перспективе работать с Рождественским, зная его мастерство, остроумие, нетерпимость к занудству, вкус к новому репертуару и умение найти свежие трактовки заигранных произведений. Возможно, они его слегка идеализируют, но пока что если о чем и беспокоятся, так лишь о здоровье 69-летнего дирижера. Раздаются голоса и в поддержку Васильева. Пианист Николай Петров чуть ли не в первый же день обрушил на власть громы и молнии, заявив, что увольнение Васильева — удар по Большому театру. Петрова поддержал главный художник Большого Сергей Бархин, заявивший, что он пришел в театр вместе с Васильевым и с ним же вместе уйдет.

Отстранение Владимира Васильева Михаил Швыдкой мотивировал его конфликтом с исполнительным директором Владимиром Кокониным (о котором, впрочем, даже в театре толком не знали). Министр заявил, что «во время кризиса это невозможно, руководство должно быть единым и понятным». «Кризисом» министр называет ситуацию, при которой театр будет вынужден совмещать творчество со строительством, и считает, что «понятнее» всего руководить Большим в этот период сможет новый генеральный директор Анатолий (Тахир) Иксанов — бывший директор товстоноговского БДТ, который успешно его реконструировал и решил финансовые проблемы театра. Последние два года Иксанов ведал финансами телеканала «Культура». В мире музыкального театра неизвестен, но Кирилл Лавров уверяет журналистов, что это человек с безупречной репутацией — порядочный, интеллигентный, профессиональный.

Михаил Швыдкой объявил, что министерство намерено учредить в Большом структуру управления, при которой театром руководит менеджер, и сослался на западные примеры. Однако учреждения, равные по статусу Большому, — нью-йоркская «Метрополитен», Венская, Парижская, Берлинская оперы и другие — в отличие от главного театра России работают как культурные центры, где уживаются самые разные направления: от старинных до суперавангардных. Руководители этих центров имеют художественное и экономическое образование, а также многолетний опыт театрального менеджмента. Они определяют репертуарную стратегию, а воплощают ее приглашенные дирижеры и режиссеры. Это позволяет собирать самых интересных постановщиков независимо от того, дружат они между собой или нет.

Если бы в Большом удалось создать подобную систему, в нем смогли бы, не сталкиваясь, работать и Васильев, и Григорович, и Светланов, и Гергиев, и многие другие. Но собирается ли министерство ее строить или просто меняет команду к юбилею — пока неясно. ■

Вадим Гаевский, заведующий кафедрой истории театра РГГУ:
— Меня покоробила форма, в которую было облечено смещение руководства Большого. А по сути это акция верная. Как руководитель Владимир Викторович, увы, оказался не на высоте. Оперная труппа совершенно деградировала. Балет сохранил некий уровень, но за пять лет не создал ничего сколь-нибудь ценного. Причем все, что было сделано в балете хорошего, — либо старое, либо чужое. А то, что Большой смог сотворить сам, — сплошной конфуз.

Борис Покровский, худрук Московского камерного музыкального театра, бывший главный режиссер Большого театра:
— На моем веку в Большом сменилось более 20 директоров. Васильев — человек энергичный, любящий Большой и знающий его, но он не должен был быть худруком. В его ошибках виновны те, кто назначил его на этот пост. Такой должности никогда не было в Большом. Существовали «главные» — дирижер, режиссер, балетмейстер. Этого и следовало держаться. Не знаю, что собирается делать Геннадий Николаевич, я давно с ним не виделся. Но, думаю, он не будет дожидаться, пока его снимут, — сам уйдет. Назначить легко, снять еще легче. Работать трудно.

Наталья Касаткина и Владимир Василёв, руководители Государственного академического театра балета:
— Володя Васильев почти не имел опыта руководителя до того, как возглавил Большой, а ведь в нем много неглавных вещей, которые могут поглотить эмоционального человека и отвлечь от главного. Володя эмоционален — в этом его обаяние, но и слабость. Он, безусловно, работал не на себя, а старался улучшить положение театра. Самой большой ошибкой Васильева было то, что в такой огромный театр он пришел без команды.

Кто подставил Вима Вендерса?

Известному немецкому режиссеру исполнилось 55 лет

Михаил Брашинский

НОВАЯ ВОЛНА

ЮБИЛЕЙНЫЙ, 50-й, БЕРЛИНСКИЙ кинофестиваль этого года открывал юбилейный, 20-й, фильм Вима Вендерса «Отель «Миллион долларов». Его хотели, за него боролись, его получили, им гордились. Еще бы — «новый Вендерс», большое кино, международная копродукция, звездный кастинг во главе с Мелом Гибсоном. Тут торжественным открытием не обойдешься, надо приз давать.

Получивший спецприз жюри двухметровый Вендерс высился над толпой и принимал поздравления.

Рядом с ним на берлинской сцене (и в конкурсе) стоял режиссер ростом пониже — Фолькер Шлёндорф. Они родились примерно в одно время, примерно одновременно дебютировали, и их имена за последние 30 лет часто ставили рядом. «Молодое немецкое кино», выведшее Германию в авангард мирового кинопроцесса и ставшее последней «новой волной» в истории, — это они и были.

В Берлине Шлёндорф тоже получил приз за «Легенды Риты», скромную политическую картину о заблудившихся в обломках Берлинской стены леворадикалах. После многолетних американских провалов режиссер вернулся к немецкому социальному кино, которое так хорошо удавалось ему и его товарищам в 70-е годы. И безусловно выиграл.

В паре с ним фильм Вендерса о группе люмпенов и бродяг, жильцов некогда роскошной ночлежки, смотрелся особенно неловко. Раздутая международная постановка. Бессмысленный детективный сюжет, придуманный лидером рок-группы U2 Боно. Картонный коллективный герой, у каждого — по романтической аномалии (у Гибсона, например, удаленный горб). Любовь фриков, моральные искания авторов. Все очень напыщенно. И неточно. Видно, что Вендерс совсем не знает людей, которых снимает. Но видно и то, как отчаянно он в них нуждается. Таким — романтическим маргиналом, листком на ветру — он хотел бы представить сегодня себя самого. Таким ему полагается быть по старой памяти и по имени Road Movies («дорожные» фильмы), которое все еще носит его компания. К сожалению, у него уже давно нет для этого никаких оснований.

Король дороги

Он дебютировал последним из лидеров «молодого немецкого кино», когда оно уже набрало ход. Первые попытки были учебными. В результате оказалось, что ни экспериментальная скука «Лета в городе» (1970), последовавшего за серией успешных любительских короткометражек, ни модная литературность «Страха вратаря перед одиннадцатиметровым» (1971), написанного Петером Хандке, ни костюмность экранизации Готорна «Алая буква» (1972) не есть «настоящий Вендерс». Ясно было, что модернистское отчуждение так или иначе найдет себе дорогу в его кино. А после «Алой буквы» стало ясно и то, что ни с каким другим материалом, кроме современного, ему работать не нужно. Недоставало только разрешения главной коллизии, волновавшей Вендерса: коллизии пространства с историей.

Пространство лежало перед ним и предлагало камере запечатлеть томительный и захватывающий процесс собственного умирания. Вендерс рано оценил его метафизику и понял, что это-то и есть настоящее кино. Но ему хотелось человеческого. Он хотел рассказывать истории, потому что считал, что только с их помощью можно придать происходящему хоть какой-то смысл. Словом, Вендерс разрывался между Антониони и Америкой. Примирить их помогла дорога, сделавшая пространство персонажем истории. Как только Вендерс перенес городское модернистское отчуждение на колеса, он нашел себя.

Произошло это в «Алисе в городах» (1973) — первом фильме, который можно считать безоговорочно «вендерсовским». Здесь — как и положено в настоящем «роудмуви» — впервые сюжетом стала сама дорога сквозь монотонный, убогий пейзаж. На дороге, тоже впервые, появился коронный вендерсовский герой — сторонний наблюдатель, лениво фиксирующий жизнь «Поляроидом» и совершенно неспособный установить с ней какие-либо другие связи. Также уже имелись: фирменное «вендерсовское» настроение (вяловатая безысходность похмельного утра, когда пространство кажется таким растянутым, а прохожие — такими одинокими) и фирменный «вендерсовский» кадр (шоссе, придорожная закусочная и где-то на краю кадра — одинокий водитель, стоя допивающий остывший кофе из пластмассового стаканчика). «Поляроид» был символом такого кино. Он выражал маниакальную озабоченность Вендерса средствами коммуникации (автоответчики, диктофоны, фотоаппараты), ставшими, по его мнению, средствами некоммуникабельности, и одновременно создавал образ фильма как прощальной открытки: «Не ищите меня. Привет».

Следующий шаг «к себе» — после фильмов «Ложное движение» (1975) и «С течением времени» (1976), составивших вместе с «Алисой» трилогию, — Вендерс сделал в «Американском друге» (1977). Здесь впервые дорога об-

СЛЕВА: ВИМ ВЕНДЕРС С ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ГЛАВНЫХ РОЛЕЙ ФИЛЬМА «КОНЕЦ НАСИЛИЯ» (КАНН, 1997)

СПРАВА: ВЕНДЕРС И АНТОНИОНИ — СОРЕЖИССЕРЫ ФИЛЬМА «ЗА ОБЛАКАМИ» (1995)

СЛЕВА НАПРАВО: БРУНО ГАНЦ — ОКАНТОВЩИК КАРТИН ИЗ «АМЕРИКАНСКОГО ДРУГА»; ФРЕДЕРИК ФОРРЕСТ (СПРАВА) В РОЛИ ХЭММЕТТА В ОДНОИМЕННОМ ФИЛЬМЕ; ГАРРИ ДИН СТЕНТОН — ГЕРОЙ КАРТИНЫ «ПАРИЖ, ТЕХАС»

рела жанр. Естественно, американский. Вендерс взял психологический триллер Патриции Хайсмит «Игра Рипли» и сделал из него экзистенциалистское эссе. Бруно Ганц играл грустного окантовщика картин, которому доказали, что он смертельно болен, а потом предложили стать киллером. Он должен был сделать выбор, но не мог найти в этом никакого смысла. Деннис Хоппер играл беспринютного американца, который лежал на красной кровати и разговаривал с диктофоном: «Нам нечего бояться, кроме самого страха». Разумеется, к триллеру все это не имело отношения. Жанр был нужен только ради того, чтобы наполнить его иным, неподобающим содержанием. Меж тем он позволил Вендерсу выплеснуть на нас весь запас своего романтизма и при этом не бояться обвинений в пафосности.

Америка восприняла появление у Вендерса жанра как шаг навстречу и не замедлила отреагировать. Приглашение поступило от Фрэнсиса Форда Копполы. Он предлагал Вендерсу сделать фильм о Дэшиле Хэмметте, где жизнь автора детективов напоминала бы один из его сюжетов. Съемки «Хэмметта» (1978 — 1982) затянулись на четыре года и завершились выходом абсолютно мертворожденного фильма. Вендерс вряд ли тогда понимал, что ему крупно повезло. Не приняв его, американский мейнстрим избавил его от соблазнов голливудской карьеры и позволил сберечь свой «взгляд постороннего» — самое ценное, чем он обладал.

В результате появился «Париж, Техас» (1984), снова снятый «извне», с обочины. Фильм выглядел концентратом «настоящего Вендерса». Дорога и экзистенциальный герой были помещены здесь в пространство вестерна, а миф об Одиссее, с трудом возвращающемся домой, — в сюжет душещипательной мелодрамы. Одиссеем, конечно, был сам режиссер. Он вернулся домой, в Европу, и для нее сделал фильм об Америке. «Париж, Техас» имел в Европе феерический успех. Он принес Вендерсу «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах и вывел его в первую пятерку режиссеров мирового кино.

Милый, дорогой, любимый, единственный

Примерно в это же время Вендерс дошел до нас. «Американский друг» был показан в конце 70-х на Неделе западногерманского кино, но тогда его никто не заметил. Да и некому было замечать. Вендерс был режиссером для нового поколения, которое начало осознавать себя только в начале 80-х. Для поколения, которое неплохо изучило современную культуру по книгам типа «По ту сторону расцвета» и «Киноискусство в борьбе идей», зачитывалось Кортасаром и через него открывало для себя Чарли Паркера, еще не знало слова «культовый», но уже свободно обращалось со словом «постмодернизм». Когда на Московском кинофестивале 1985 года появился «Париж, Техас», новое поколение уже было к нему готово.

Трудно передать, кем для нас был Вендерс. «Любимый режиссер» — не подходит. Казалось, только так, как снимал он, и можно снимать кино. Но и этого мало. Он открыл нам модель постмодернизма с человеческим лицом. Наследник Антониони, на фильмах которого изживали свою экзистенциальную тоску наши родители, Вендерс позволил нам сделать то же самое — но по-современному и не стыдясь собственной искренности. От Антониони его отличали два принципиальных свойства: во-первых, он видел Антониони и, во-вторых, он был романтичен. Причем «правильно» — слушал «правильную» музыку (через него, например, в Россию пришел Ник Кейв), смотрел «правильное» кино. Мы еще сами этого не знали, но имели в лице Вендерса воплощение стиля cool. Он был первым в России культовым режиссером. Нам было по двадцать лет.

Гуд-бай, Америка, о...

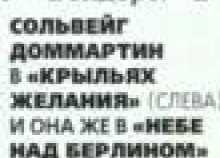
Идиллия длилась недолго. Вендерс пришел к нам слишком поздно, когда стиль превратился в формулу. «Париж, Техас» претендовал на звание «последнего роуд-муви». После него Вендерс просто обязан был выступить с новой программой. Так и произошло. В 1987 году он выпустил программное «Небо над Берлином», и это был уже «другой Вендерс».

Во-первых, в фильме об ангелах, витающих над Берлином и решающих, не стать ли им людьми, не было дороги. Топография была задана Берлинской стеной. Стена прочно удерживала фильм на одном месте.

Во-вторых, в фильме не было унылого придорожного пейзажа — излюбленного «вендерсовского пространства», которое он раньше всегда находил на пустынных дорогах, что техасских, что рурских. Тут дело происходило в Берлине — и не случайно. После Америки Вендерс не стал возвращаться в Мюнхен, а переехал в столицу. Так он сделал свой выбор — в пользу имперского Севера. В-третьих, в фильме не было Америки — не Соединенных Штатов, а той самой «гуд-бай-Америки-о», о которой пел примерно в то же время Бутусов и о которой раньше снимал свои «фильмы-путешествия» Вендерс. В фильме «Париж, Техас» он с Америкой расквитался. «Небо над Берлином» настойчиво заявляло о себе как о фильме европейском. В том же 1987 году Вендерс активно участвовал в учреждении Феликса — европейского аналога «Оскара». На следующий год «Небо над Берлином» получило первого «Феликса» за лучшую режиссуру.

СОЛЬВЕЙГ ДОММАРТИН В **«КРЫЛЬЯХ ЖЕЛАНИЯ»** (СЛЕВА) И ОНА ЖЕ В **«НЕБЕ НАД БЕРЛИНОМ»**

Армагеддон

Момент был самый подходящий. В середине 80-х европейское кино переживало не лучшие свои дни. В обращении, подписанном сливками европейского киноистеблишмента (среди прочих Ингмаром Бергманом, Федерико Феллини и Вимом Вендерсом), говорилось, что «европейское кино постепенно вытесняется с экранов кинотеатров и телевизоров» (американским империализмом, хотели добавить они, но постеснялись). На самом деле просто на смену титанам никто не пришел. Это выражалось не в слабых фильмах, а в отсутствии одного мощного голоса, который бы стимулировал процесс, подобно тому, как это делал Антониони в конце 50-х и Годар в 60-е. Европейскому кино позарез нужен был новый лидер.

И Вендерс понял (обычно такие вещи режиссерам объясняют фестивальные жюри и доброжелатели), что он и есть тот, кто спасет европейское кино. А заодно и немецкое, в котором дела обстояли хуже, чем где бы то ни было. Больше некому. В «Небе над Берлином» еще видны следы сомнений. Тут еще много вендерсовской романтики (во всем мире фильм особенно любят девочки-старшеклассницы), но она уже монументальна и декорирована в имперском стиле. Фильм посвящен «памяти ангелов: Ясудзиро, Франсуа, Андрея», и в претенциозности этого посвящения, автоматически ставящего Вендерса в один ряд с Одзу, Трюффо и Тарковским, уже сквозит предчувствие своей Миссии.

Дальше сомнения кончились. Еще в 1987 году в Москве Вендерс признавался, что хочет сделать фильм «о том, как люди вместе спасаются от ядерной катастрофы, фильм фантастической и метафизический одновременно». Это было непонятно. Казалось, что режиссер фильма про путешествие безработного фотографа и маленькой девочки по имени Алиса просто сошел с ума. Но с точки зрения его логики все было верно: Пророк не может говорить ни о чем, кроме Главного.

О Главном были следующие игровые картины Вендерса: «До конца света» (1991) — еще один «последний роуд-муви» о поисках средства, которое исцелит слепых, снимавшийся в 15 городах на четырех континентах, и «Так далеко, так близко!» (1993) — сиквел «Неба над Берлином», где ангелы отмечали объединение Германии и даже Горбачев прочел что-то из Тютчева.

Последний автор

И тут выяснилось, что благородные операции Вендерса по спасению европейского кино уже никому не нужны. Он попросту упустил момент. Кризис как-то сам собой миновал, кино продолжало потихоньку куда-то двигаться, а Вендерс остался стоять, размахивая руками. Потом и размахивать перестал, просто принимал награды и поздравления. Между тем он несомненно повлиял на процесс. Но прямо противоположным образом — не спас ничего, а только порушил. Путь европейского кино, в принципе лишенного глобалистских амбиций, не мог совпасть с путем Вендерса. Его новый «большой стиль» оказался крайне консервативным, а бюджетные требования разрушительными для конкурентов. Особенно тяжело это сказалось на кино Германии, у которого Вендерс отнял последние шансы на скромное и постепенное выживание. В результате немецкое кино еле пережило 90-е годы.

Но стоит ли укорять Вендерса в том, над чем он не имел власти? Он сделал то, что должен был сделать. Европейское кино, каким мы его любили и знали — то есть «авторское кино», — закончилось. Кто-то должен был забить в его гроб последний гвоздь. Вендерс оказался самым подходящим кандидатом, потому что очень рано начал поступать так, как от него ожидали (бескомпромиссны только фильмы «дорожной трилогии»; все последующие шаги он уже совершил по плану, написанному, увы, не им). Тарковский воплотил смерть «авторского кино» в трагической версии. Вендерс — в почти пародийной. Ведь исповедальность, мегаломанию и пророческий пафос он унаследовал от «авторского кино». Но то, из чего в модернистские 60-е рождалось великое искусство, в постмодернистские 80-е обернулось пародией на самое себя. Конечно, мы никогда не забудем, как билось сердце на «Американском друге». Как не забудем первый поцелуй и несколько строк из Эдуарда Асадова. Распрощаться с Вендерсом — значит окончательно расстаться с собственной юностью. Не хочется. А надо.

ФЕВРАЛЬ 2000 ГОДА: ВЕНДЕРС С МИЛЛОЙ ЙОВОВИЧ, ВРУЧИВШЕЙ ЕМУ **«ЗОЛОТУЮ КАМЕРУ»** — ПРИЗ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛА «ПОСЛУШАЙ»; ОН ЖЕ С **«СЕРЕБРЯНЫМ МЕДВЕДЕМ» БЕРЛИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ** ЗА ЛЕНТУ «ОТЕЛЬ «МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ»

СЛЕВА НАПРАВО: **БИЛЛ ПУЛЛМАН И ТРЭЙСИ ЛИНД** В ФИЛЬМЕ **«КОНЕЦ НАСИЛИЯ»;** КАДР ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛЕНТЫ **BUENA VISTA SOCIAL CLUB; МЕЛ ГИБСОН** В ПОСЛЕДНЕМ ФИЛЬМЕ ВЕНДЕРСА **«ОТЕЛЬ «МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ»**

Приют убогого чухонца

В новом хельсинкском музее современного искусства Кьясма можно приобщиться ко всем новейшим музейным тенденциям

Музеи современного искусства стали неотъемлемой частью цивилизованного мира. Скоро в Европе и Америке свой музей будет в каждом, пусть даже очень маленьком, городе. Страсти вокруг музея современного искусства кипят и в Москве, о чем «Итоги» неоднократно писали. Писали мы — и будем писать — и о новых западных музеях современного искусства (см., например, статью о музее в Бильбао — «Итоги», № 23 за 1998). Сегодня настала очередь хельсинкской Кьясмы, открывшейся два года назад. Кстати, пример ближайших северных соседей очень небесполезен для Москвы.

Федор Ромер

ВОКРУГ СВЕТА

Название «Кьясма» (именно так сами финны предлагают его писать по-русски на своем интернетовском сайте **www.kiasma.fi**) придумал автор здания музея Стивен Холл.

Теперь его замысел растолковывают сувенирные майки, пакетики и папочки в музейном магазине: на них помещена статья из словаря — в духе главного концептуалиста мира Джозефа Кошута, превращавшего выдержки из словарей в свои картины. Я тоже купил фирменную майку и теперь, не понимая медицинских тонкостей, старательно перевожу текст с собственного живота:

Хиазма 1. *(генетич.) обмен частями между двумя из четырех хроматид парных хромосом во время поздней профазы и метафазы.*

2. *(анатомич.) пересечение, напр. оптических нервов в основе мозга.*

Хиазматипия *(генетич.) процесс образования хиазмы, являющийся основой для скрещивания.*

Кьясма *(арт.) Музей современного искусства, место встреч, площадь Маннергейма 2, Хельсинки.*

Хиазма (Chiasma) стала Кьясмой (Kiasma) для удобства произношения, но обозначенные термином физиологические законы «обменов», «пересечений», «скрещиваний» остались в силе, перейдя в архитектурно-художественную область.

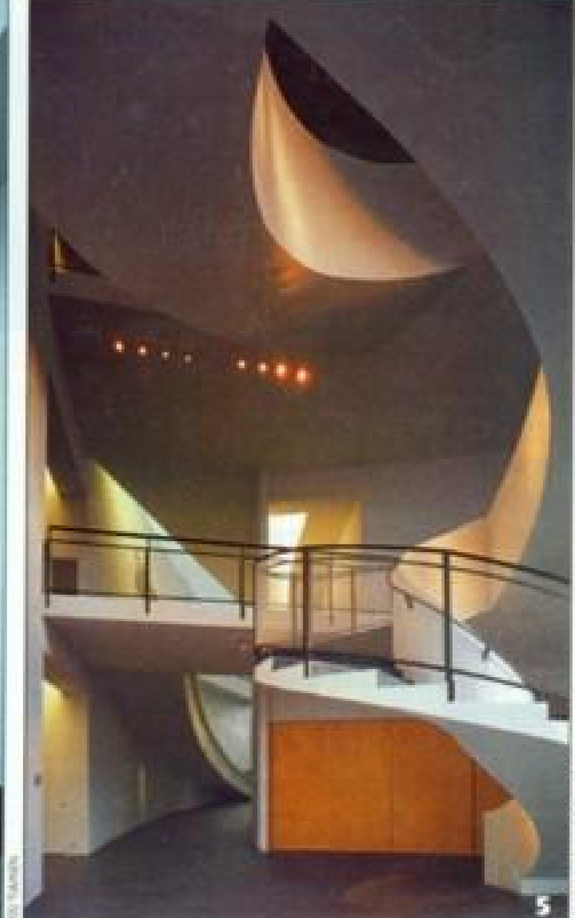
«Концепция Кьясмы предполагает сплетение массы здания с геометрией города и пейзажа, которые в свою очередь отражаются в его очертаниях... Кьясма надеется доказать, что архитектура, искусство и культура — не отдельные сферы, а неотъемлемые части города и пейзажа», — объяснял Холл в 93-м году, представляя свой проект на архитектурный конкурс. Кстати, то, что финский конкурс выиграл американец из Нью-Йорка, тоже есть образец сплетения и скрещивания, в данном случае — культур.

Впрочем, такое скрещивание далось нелегко. Против проекта Холла выступила интеллигенция Хельсинки: ну, может, не оттого, что автор — иностранец, но точно оттого, что его архитектура, что бы ни декларировал Холл, не имеет ничего общего с традиционным и любимым народом скандинавским модернизмом, который окружает в центре города здание музея. И еще оттого, что прямо рядом с музеем странных форм и непонятного содержания окажется национальная святыня — конная статуя фельдмаршала и президента Карла Густава Маннергейма.

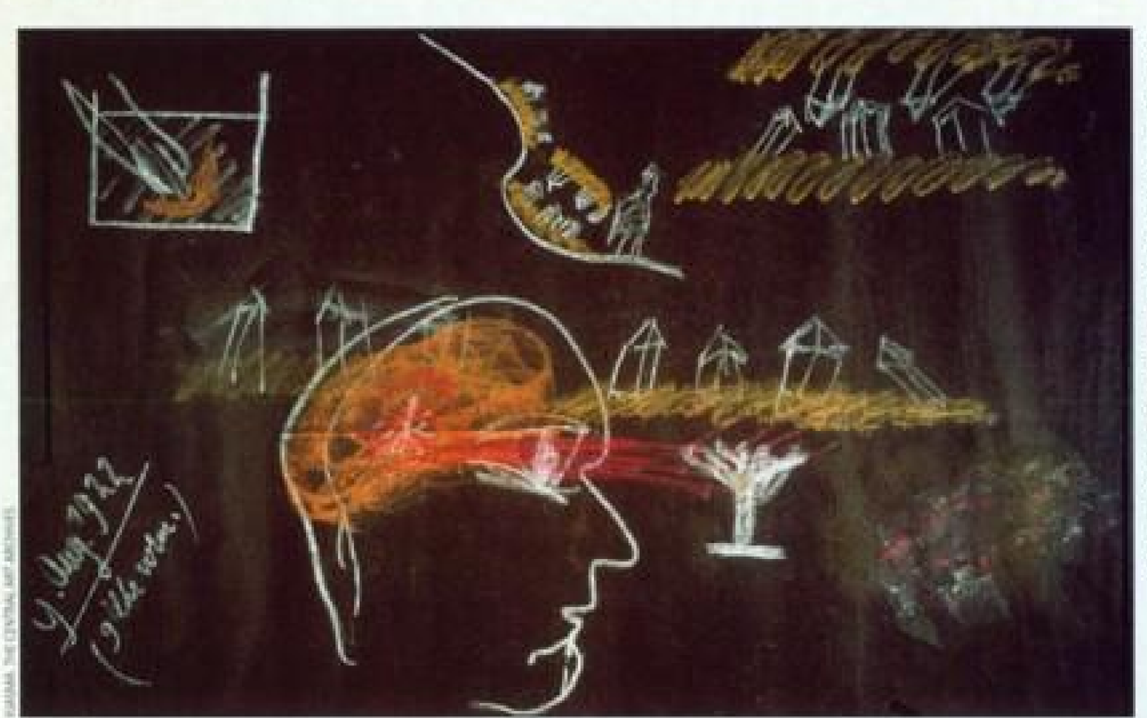
Но теперь Финляндия смирилась со странным соседством. Автор этих строк, забив стрелку перед Кьясмой и бесцельно скучая на утреннем солнышке, даже

ТАКОВА **КЬЯСМА НА БУМАГЕ** (2 — АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЛАН СТИВЕНА ХОЛЛА) **И В ЖИЗНИ** — СВЕРХУ (1), СЗАДИ (3) И ВНУТРИ (4 — ХОЛЛ ПЕРВОГО ЭТАЖА, 5 — ОДНА ИЗ ВНУТРЕННИХ ЛЕСТНИЦ)

В КЬЯСМЕ МОЖНО ОБНАРУЖИТЬ ИСКУССТВО И НЕ ОЧЕНЬ СОВРЕМЕННОЕ. НАПРИМЕР, РИСУНКИ К СВОИМ ЛЕКЦИЯМ ФИЛОСОФА-АНТРОПОСОФА НАЧАЛА ВЕКА РУДОЛЬФА ШТЕЙНЕРА (ВВЕРХУ). **ОГРОМНАЯ ШВЕЙЦАРСКАЯ ВЫСТАВКА ЭТИХ РИСУНКОВ, ЯКОБЫ ПОВЛИЯВШИХ НА МНОГИХ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ, ПРОХОДИТ В КЬЯСМЕ ДО СЕРЕДИНЫ СЕНТЯБРЯ**

наблюдал поразительную по московским меркам сценку. У дверей закрытого еще музея прикорнули — явно с вечера — два хиппующих любителя прекрасного с недопитыми банками пива в руках и работающим радиоприемником в изголовье. Вдруг у Маннергейма нарисовался почетный караул, подъехал автобус с чинными «пиджаками», появилась полиция. Пока финские патриоты клали к подножию памятника свои воскресные венки, полицейский охранял... алкоголических экскурсантов, не тревожа их сна. Потом Кьясма открылась, и молодые люди, допив пиво, отправились смотреть современное искусство, а пиджачные дедушки с бабушками погрузились в автобус и уехали прочь. Каждому — свое, как говорится.

А Кьясма за два года стала не меньшей гордостью Хельсинки, чем старик Маннергейм на лошади.

Дом, который построил Холл

Мы начали со Стивена Холла не только, чтобы сразу объяснить смысл странного названия музея. Архитектура — главная гордость Кьясмы; здание было даже причиной ее создания.

Ведь в Хельсинки музей современного искусства был еще с 1990 года, но он квартировал в Атенеуме — музее «старого» искусства. Жить там было и нелепо, и тесно (еще десять лет назад коллекция музея составляла около трех тысяч экспонатов, а после грандиозных закупок перед открытием Кьясмы в ней стало более четырех тысяч вещей). Потому в 93-м, как уже говорилось, был объявлен конкурс на новое здание, завершившийся появлением нового музея.

1-й урок для Москвы: *современному искусству (т. е. искусству, начинающемуся с 60-х годов) лучше жить отдельно от «родителей», даже от шедевров первой половины столетия.*

Какое впечатление производит здание Кьясмы? Двойственное или даже тройственное.

Сначала — вообще никакое, кроме ощущения странной компактности и вписанности в небольшой, как кажется, островок между главной хельсинкской улицей, названной именем все того же Маннергейма, слева и советско-кирпичным Главпочтамтом справа. Потом, когда Кьясму обходишь вокруг и, щурясь от солнца, бликующего на алюминии и стекле, начинаешь рассматривать детали, понимаешь, что вся она очень разная, неправильная, сделанная словно по рецептам философов-деконструкторов. Вечером и ночью полупрозрачное и излучающее свет здание выглядит опять по-другому — привлекательнее всего. Ну и, наконец, есть Кьясма на планах, в буклетах, на фотографиях с высоты птичьего полета — красивая, гармоничная, несмотря на ассимметрию, похожая не то на корабль со срезанным носом, не то на странно отрезанный кусок пирога, а больше всего — на хлеб, что собираются покрыть толстым-претолстым слоем финского масла.

НА ВЫСТАВКЕ «СКАНДИНАВСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ» МОЖНО УВИДЕТЬ И ИЗДЕВАТЕЛЬСКИЙ ТРИПТИХ «АЙНО» СИРПЫ АЛАЛЁККЁЛЕ, СОЕДИНЯЮЩЕЙ МОТИВЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИНСКОЙ ЖИВОПИСИ, И СТИЛЬ ПАНК-РОКА, И МЕДИТАТИВНУЮ ИНСТАЛЛЯЦИЮ «БЕЗ НАЗВАНИЯ, РЕАЛЬНОЕ» ЮССИ НИВА (СЛЕВА), **СТАЛКИВАЮЩЕГО ЖИВОПИСЬ И ЕЕ ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ**

Музей современного искусства — это металлический параллелепипед со множеством окон, на который с востока наползает могучая тестообразная волна все из того же алюминия с цинковым верхом. (Что это, намек на угрозу правильной западной цивилизации со стороны разгулявшихся восточных стихий?) В подножье Кьясмы прорыт гранитный канал, по которому бежит ручей, начинающийся у Маннергейма, пронзающий алюминиевую волну и расползающийся бассейном у северной оконечности здания. Эта часть как бы составлена из полупрозрачных полусфер и прямоугольников (за каждой — вид на один из этажей музея) и стеклянной вертикальной кишки — просвечивающей ночью лестницы.

Внутренняя структура музея столь же замысловата. При входе — холл-ущелье на всю высоту здания, так, чтобы посетитель, задрав голову, увидел все пять этажей. Широкий пандус, ведущий на второй этаж. Выбеленные стены, стеклянная крыша. Стивен Холл, объясняя замысел своего холла, ссылается на «золотое сечение» и дзенскую просветленность. Но стоит подняться по пандусу, оказываешься в лабиринте малых и больших залов, крутых и пологих спусков, лестниц и лифтов. Окончательно заблудиться вообще-то нельзя, но план-схемами лучше все-таки воспользоваться. Интерьеры же просты до минимализма — белые стены и серый в черноту пол. Настоящий западный музей.

2-й урок для Москвы: *здание музея современного искусства должно быть произведением современного искусства и зрительским аттракционом — и внешне, и внутри. Урок важен в преддверии объявляемого мэрией конкурса на реконструкцию нового здания Третьяковки на Крымском валу.*

Кьясма — музей, только в его случае описывать здание проще, чем экспозицию.

Чего ни хватишься — ничего нет

У Кьясмы есть постоянная коллекция, но нет постоянной экспозиции. Музей, создававшийся под стон «Нам негде показывать все свои запасы!», как только получил подобающие пространства, категорически отказывается показывать их все и постоянно, как в музее классического искусства. Кьясма мыслит и оперирует категориями выставки, маленькой или большой, привезенной или придуманной и сделанной на месте, из работ, взятых напрокат или извлеченных из своего собрания. Все, что может увидеть на четырех этажах музея (первый этаж — хозяйственно-служебный) зритель, это лишь выставки. Свое собрание музей показывает тоже только на выставках.

Так, два года назад на открытии экспозиция была разновременной, разножанровой и интернациональной. Ее целью было продемонстрировать самые показательные и интересные вещи коллекции. Ныне, с 1 января 2000 года по начало 2001-го, работает выставка работ из музейного собрания под названием «Скандинавский постмодернизм» — только художники северных стран, главным образом финны, только искусство 80-х и 90-х годов. При этом экспозиция живет активной внутренней жизнью: что-то снимается, что-то довешивается, есть отдельный отсек новейших поступлений.

Короче, если представить ситуацию, что ты вдруг захочешь посоветовать приятелю, собирающемуся в Хельсинки, посмотреть какого-нибудь Тээму Мяки или Алвара Гулликсена (ситуация, прямо скажем, фантастическая, но мало ли...) и объяснишь, где именно они висят в Кьясме, — всегда есть опасность, что на их месте висит совсем другое. Вроде бы это очень неудобно для нерасторопных зрителей. Но если задуматься, музейная мобильность работает на посетителя: ему заходить в давно знакомый музей словно в первый раз, гораздо интереснее, чем бродить по той самой экспозиции, что видел еще под маминым присмотром. А музею от участившихся визитов только выгода.

В соответствии с удивительной экспозиционной подвижностью и выстроена структура Кьясмы. Она вся состоит из отсеков-галерей, каждая — со своим названием и специализацией. В затемненной «Принтти» на втором этаже показывают только графику и фотографию; в «Студио К», выходящей окнами на статую Маннергейма, представляют свои проекты приглашенные западные кураторы; в «Контти» — медиа-проекты; в «Галерее X» — нечто актуальное-преактуальное. Такого «галереецентризма» я не встречал ни в одном музее мира. Хотя замена постоянной экспозиции на концептуальные вре-

СОВРЕМЕННОЕ ЖЕНСКОЕ ИСКУССТВО ИЗ ФИНЛЯНДИИ С ВЫСТАВКИ «СКАНДИНАВСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ». «ОСЛИНОЕ МОЛОКО» ГРУППЫ ИЗ ТУРКУ «САЛОН 3+», СТАРАЮЩЕЙСЯ РАЗРУШИТЬ УСЛОВНОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. «ТЕПЛЫЙ СТОЛ» КАЙСУ КОЙВИСТО (ВНИЗУ), **ВКЛЮЧАЮЩЕЙ В СВОИ СКУЛЬПТУРЫ МЕХ, ШЕРСТЬ, КОЖУ И ПР. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО/ЖИВОТНОГО», «КУЛЬТУРЫ/ПРИРОДЫ» И ПР.**

менные выставки, в том числе работ из своего собрания, — модная музейная тенденция по всему миру.

3-й урок для Москвы: *музей современного искусства должен быть мобильным. В то время как Третьяковка — после открытия она больше всего гордится новой сигнализацией под каждую работу — сделана на века, так, что теперь на стенке ничего не перевесишь.*

О национальной скромности белофиннов

«Скандинавский постмодернизм» — проект, который прочувствуют и оценят по достоинству прежде всего жители северных стран — возник не просто так. Кьясма сделала сознательную ставку на национальное и географически близкое искусство (в этом смысле повезло петербужцам, которых активно собираются закупать), являясь при этом музеем международным. У финнов есть, конечно, нестыдное количество международных звезд, собранных и в «докьясмовские» времена, и закупленных накануне открытия. Есть Бойс, Уорхол, Синди Шерман, Ив Кляйн, Кабаков (который скорее их, чем наш) с инсталляцией «Туалет в углу». Но своих любят побольше.

И это не национальная гордость, а национальная скромность. Хорошее западное искусство есть в большинстве больших музеев мира, но ни в нью-йоркском МОМА, ни в парижском Центре Помпиду, ни в лондонской новой Тейт не увидишь много финнов, шведов или норвежцев. Их творчество придает специфику новооткрывшемуся музею и делает его не похожим на прочие. Кьясма — не МОМА, и тем хороша. Причем она в своем «патриотизме» не одинока: так поступают теперь все музеи-новички

ПОЛУПОРНОГРАФИЧЕСКИЕ РИСУНКИ ПОКОЙНОЙ ГЕЙ-ЗНАМЕНИТОСТИ **TOM OF FINLAND** (СПРАВА) БУДУТ ПОКАЗАНЫ В НОВОЙ ЭКСПОЗИЦИИ, ДОПОЛНЯЮЩЕЙ ВЫСТАВКУ «СКАНДИНАВСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ». **ВИД НА АТЕНЕУМ,** ГДЕ РАНЬШЕ РАСПОЛАГАЛСЯ ХЕЛЬСИНКСКИЙ МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА — В ЧЕСТЬ ЕГО ОТКРЫТИЯ В 1991 ГОДУ ФРАНЦУЗСКИЙ ХУДОЖНИК **ДАНИЭЛЬ БЮРЕН** УСТАВИЛ ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД МУЗЕЕМ **ФЛАГАМИ** (ВНИЗУ). ТЕПЕРЬ ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ АКЦИИ **«МЕСТО ДЛЯ ФЛАГОВ»** НАХОДИТСЯ В КЬЯСМЕ

Последний урок для Москвы: *так и не созданный до сих пор наш музей современного искусства теперь может быть только музеем современного русского искусства. Время упущено, выхода нет.*

Между прочим, оригинальное здание, мобильность и любовь к корням — это родовые черты не Кьясмы, но всякого нового и передового музея. Финны тут оказались в авангарде, для нас пока недостижимом.

С другой стороны, создание Кьясмы было делом общенациональным, а бюджет ее составил 227 миллионов финских марок (примерно 34 миллиона долларов). Могут ли позволить себе такое нищая Третьяковка, Андрей Ерофеев со своей бездомной Государственной коллекцией современного искусства, ГЦСИ со скромным и хаотичным собранием, даже при том, что он недавно получил здание брошенного завода. Какой-нибудь Александр Глезер, объявившийся в Москве и тоже претендующий на собственный музей?! Даже искусстволюбивый Церетели?.. ■

ЭКСПЕРТ

Виктор Мизиано, главный редактор «Художественного журнала»

Успешный дебют Кьясмы нужно рассматривать в очень широком контексте. В начале 90-х годов случился кризис музеев современного искусства, вызванный, как ни странно, именно музейным бумом. Многочисленные музеи современного искусства оказались похожи друг на друга: начинали экспозицию с кубизма Пикассо и заканчивали живописью конца 70-х — начала 80-х — Шнабелем, Клементе, Пенком. В противовес этой скучной логике начали работать новые музейщики конца 90-х. В музейном строительстве этого времени отразились более общие социальные коллизии эпохи — столкновение глобализации и регионализации.

Импульс глобализации подхватили крупные интернациональные музеи вроде открывшегося после ремонта Центра Помпиду в Париже, МОМА с обновленной экспозицией в Нью-Йорке и абсолютно новой «Новой Тейт» в Лондоне. Здесь нарушают традиционную историческую логику, строят экспозицию по принципам тематическим, включают в нее дизайн, архитектуру, кино и т. д. И отказываются от стабильности, превращая музей в гигантскую выставку.

Небольшие музеи в этой ситуации тоже поменяли стратегию. Они поняли, что им не нужно стремиться получить свой маленький Версаль или маленький МОМА. Они уже не воспроизводят у себя стандарт, заданный большими музеями. Они уповают на региональную специфику, задаваемую тем местом, где находится музей. Этой же дорогой, кроме Кьясмы, пошли «Модерна Галерия» в Любляне (на три четверти — это произведения из Центральной, Восточной Европы и с Балкан), музей в Тулузе, показывающий живопись Италии, Испании и Франции. Важно, однако, что маленькие музеи позаимствовали у больших музеев одну вещь — динамичность, установку на сменные экспозиции. Это тоже очень хорошо.

Ну и отдельный вопрос — новая музейная архитектура. Сейчас музеи современного искусства становятся гипертрофированно выразительными, и это ответ на кризис экспозиций, который музеи переживали в 80-е годы. Считалось, что лучшая музейная архитектура — это «архитектура света», его аранжировки, а самого музея как объекта или недвижимости быть не должно, чтобы не отвлекать внимание зрителя. А теперь музеи хотят быть центром интерактивной динамики, увлекающей зрителя. Зданиями с очень живой и пластичной архитектурой. Музеи хотят быть шоу, событиями в жизни города.

ВЫСТАВКИ

Сериалы

ЦВЗ «Манеж». Москва

ВСЕ ГЕНИАЛЬНОЕ — ПРОСТО... И СТАро как мир, особенно в России. Не хочу сказать, что очередная «концептуальная кураторская выставка» Государственного центра современного искусства, занявшая два антресольных этажа Манежа, действительно гениальна, но точно неплоха, при всей бесхитростности и банальности идеи.

Да, XX век — эпоха конвейерного производства всего на свете, от ночных горшков до новостных блоков, а также эпоха бесконечных копий и штамповок, снявших проблему одного-единственного, уникального оригинала-шедевра. И вот, проникшись духом времени и вооружившись цитатой из философа Бодрийяра (в открывающем выставку объяснительном тексте есть выдержка из французского умника, сообщающего, что диалектические отношения «модели и серии» — это «идеология нашего общества»), автор проекта и директор ГЦСИ Михаил Миндлин показывает произведения, сделанные в соответствии с принципом серийности. Многочастные живописные, графические, фото- и видеосерии почти сорока художников; работы, которые существуют в режиме, так сказать, pluralia tantum (так в морфологии называют слова типа «ножницы» или «очки», употребляющиеся только во множественном числе).

УВЛЕЧЕНИЕ СЕРИЙНОСТЬЮ СДЕЛАЛО ИЗ СОВЕТСКОГО КНИЖНОГО ГРАФИКА **ВЛАДИМИРА САЛЬНИКОВА** СОВРЕМЕННОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА — С 1996 ГОДА ОН РИСУЕТ УШИ ВСЕХ СВОИХ ЗНАКОМЫХ, РАБОТАЯ НАД СЕРИЕЙ **«10 000 ЛЕВЫХ ЖЕНСКИХ УШЕЙ»**

Сюжет выставки, впрочем, настолько не нов, что для ее каталога (пока не вышедшего) среди прочих сгодилась статья искусствоведа Елены Черневич, опубликованная аж в 1980 году. В статье говорится, что «считающаяся модной сегодня» (то есть в 1980 году!) серийность «заявила о себе около двадцати лет назад». Да и вещи на выставке не первой свежести (хотя по большей части последнего десятилетия), а имена авторов давно на слуху. Благодаря чему пресса уже обозвала проект (и отчасти справедливо) «запоздало необязательной инвентаризацией».

В защиту же кураторов (кроме Миндлина, это еще один сотрудник ГЦСИ Ирина Горлова) хочется сказать следующее. Госцентр современного искусства — степенное учреждение при Минкульте — никогда не отличалось сверхактуальными и дерзновенными начинаниями. Что и к лучшему! Как показало время, его дело — не эксперименты с contemporary art за счет налогоплательщиков, а пропаганда этого самого art'а. Что центр с успехом и делает. Те же «Сериалы», может, и неоригинальны по замыслу, но качественны по подбору работ. Если посетители столичных галерей многое из показанного уже видели, то не для них выставка в Манеже делалась (однако хотелось бы надеяться, что ГЦСИ адекватно и трезво оценивает и собственные амбиции, и потенциальную аудиторию).

Ведь в итоге получилась вполне представительная выставка современного искусства. Отважимся на перечисление. «Старая гвардия» — Кабаков, Инфантэ — Горюнова, Чуйков, Гороховский, Макаревич, Елагина. Более молодые (по сравнению со стариками) концептуалисты-заумники — Пепперштейн, Захаров, Ануфриев, Лейдерман. Знаковые герои 90-х — Ольшванг, Чахал, Чернышева, Мамышев (Монро), Журавлев, Либерман. Питерский неоакадемизм — Тимур Новиков. Московский радикализм — Олег Кулик, группа АЕС. Даже отдельный отсек создателей комиксов — Илья Китуп, Георгий Литичевский и Георгий Острецов.

Не выставка, а какой-то музей современного русского искусства. ■

Федор Ромер

МУЗЕИ

Сокровища Золотой Орды. Золото Чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды

Государственный музей изобразительных искусств
Казань

В КАЗАНИ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА «СОКРОВИЩА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ», организованная Государственным Эрмитажем, Государственным Историческим музеем (Москва), Министерством культуры Татарстана и Государственным музеем изобразительных искусств Республики Татарстан. В экспозиции более шестисот редчайших экспонатов XIII–XV веков, по которым можно составить полное представление об искусстве тюркских, монгольских и других народов степной и лесостепной Евразии. Основу ее составляют изделия из золота и серебра работы мастеров Золотой Орды — самого западного из государств Чингисидов: «Чингисов камень» (гранитная плита, датируемая 1224–1225 годами, надпись на которой говорит о победе племянника Чингис-хана в одном из состязаний), воинские пояса, великоханские и золотоордынские пайцзы (металлические пластины, являвшиеся документами, сродни подорожным) второй половины XIII века; серебряные чаши XIV века, найденные при раскопках в поселке Ивдель (Свердловская область); предметы искусства «позднеордынского» периода (конца XIV — середины XV века), представленные находками из могильников Северного Кавказа, Поволжья, Приазовья и Крыма. Особый интерес представляют «симферопольский клад» (328 предметов из золота и серебра — посуда, украшения, монеты, нагрудные бляхи) и филигрань, вошедшая в мировую моду в XIV веке благодаря торговым связям Орды. Выставка будет открыта до середины января 2001 года. ■

Наталья Шкуренок

СМОТРЫ

Фестиваль анимационного кино КРОК

Россия — Украина. Пароход «Федор Шаляпин»

В КОНКУРСЕ КРОК-2000 БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РАБОты ведущих анимационных школ мира: знаменитая бельгийская Королевская академия — КАСК, Краковская академия изящных искусств, Эдинбургский колледж искусств, киноакадемия в Бад-Вюртемберге, норвежский колледж Volda, киевский Институт театрального искусства, ну, и, конечно, наши — ВГИК и Высшие курсы режиссеров и сценаристов. Судя по большей части работ, молодое кино рубежа веков преисполнено мрачных чувств. К примеру, «Харара» Андреаса Кайзера (Германия, приз в категории «дипломный фильм») — густой немецкий экспрессионизм. Героиня фильма: лежащая во льду полуразложившаяся мумия. Сюжет: история ее безуспешных попыток вернуться в прошлую жизнь. «Тлетворные подробности» изображаются авторами с особым удовольствием.

Совсем иное ощущение возникло после просмотра «Парикмахера» еще одного немецкого режиссера — Стефана Шеффлера. Эта костюмная картина с блистательной анимацией и выразительными персонажами вполне достойна быть названной в числе лучших дебютов. «Парикмахер» рассказывает о трагических событиях середины XVII века, когда Европу поразила черная чума. Героя фильма мучают мысли о справедливом возмездии, принявшем облик Чумы. В его затворничество вторгается больная девочка, и жизнь доморощенного философа переворачивается вверх дном. Собственно, только теперь, перед неотвратимым концом, она и становится жизнью.

Несомненным триумфатором КРОКа стал доселе никому не известный аниматор по имени Артур Толстобров, снявший на частной студии фильм «Воскресение» (на фото), лубок под незатейливый аккомпанемент гармошки. Стадо бредет по лугу, и любопытная корова попадает в коварно спрятанный под нежной травкой мясоперерабатывающий цех. Начинается страшный

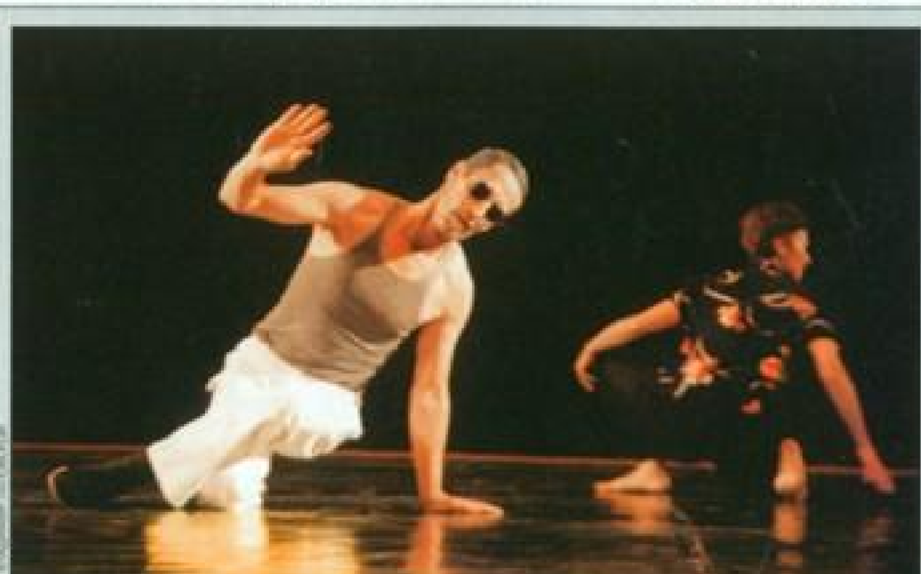
процесс разделки живого существа на мясо, рога и копыта. И вот уже из мясного ада лихо выныривает продавщица с сосисками, которые мгновенно раскупаются. На крылышках раздробленной коровьей души их покупатели уносятся в небеса. Едкий, почти карикатурный рисунок растворен в нежной серо-розовой гамме (приз жюри «За лучший фильм на экологическую тему»).

Как ни странно, в этом году интереснее других были кукольники (которые нечасто предлагают новаторские работы). «Конечная станция: рай» Яна Туринга (Германия) — это притча о поисках земли обетованной. Небольшая крысиная стая, прозябающая на помойке, вдруг находит прекрасную открытку с дивным зеленым лугом под ослепительно голубыми небесами. В поисках этого счастливого края крысы отправляются в путь. И вот рай уже близок — надо лишь перебежать через автомагистраль со снующими туда-сюда машинами. Одна за другой крысы бросаются к счастью и гибнут под визжащими колесами. Лишь одной удается достичь заветного уголка. Но оказывается, что «рай» — всего лишь разделительный газон на огромном автобане с несущимися во все стороны грузовиками.

Жюри нынешнего фестиваля, возглавляемое известным российским аниматором Александром Татарским, выбрало в качестве образцового следующий рецепт: внятная история и немного юмора пополам с печалью. Фильм «Помпон» Фабьена Друэ (Гран-при) с гомеопатической точностью отвечает этой формуле. Милейший персонаж — трогательный пес Помпон. Легчайший французский юмор, печальный, но светлый финал.

Самым смешным фильмом была признана французская лента «Птицы в клетках не летают». Режиссер Луи Брисено сочинил короткие скетчи о птицах. Самый забавный из них (который и дал название фильму) — финальный. Пластилиновая птица изо всех сил пытается лететь на месте — внутри крошечной железной клетки. Но вот камера отъезжает, и оказывается, что клетка привязана к багажнику велосипеда: клетка летит, заставляя лететь свою пленницу. Приз, отправившийся во Францию, вполне соответствует фильму — крылатая бронзовая Ника, помещенная в ярко-зеленую птичью клетку. ■

Лариса Малюкова

НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА «ИСКУССТВО ДВИЖЕНИЯ» В ЯРОСЛАВЛЕ УЖЕ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ПОДРЯД СОБИРАЮТСЯ РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ, ХОРЕОГРАФЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ САМЫХ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ВИДОВ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ. В ЭТОМ ГОДУ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ПРАЗДНИКА БЫЛ **АМЕРИКАНЕЦ СТИВ ПАКСТОН,** ПРИДУМАВШИЙ В НАЧАЛЕ 70-Х «КОНТАКТНУЮ ИМПРОВИЗАЦИЮ» — ДУЭТНЫЙ ТАНЕЦ, В КОТОРОМ ПАРТНЕРЫ ИЗОБРЕТАЮТ КОМБИНАЦИИ И ПОДДЕРЖКИ ПО ХОДУ ИСПОЛНЕНИЯ

«УСПЕХ Вашего дела — это правильно спланированная рекламная кампания», — считает Дина Шульговская, менеджер рубрики «Справочник делового человека». Позвоните и обсудите с ней наиболее экономичный способ его достижения.

Телефоны отдела рекламы:
(095) 753-4145, 753-4146, 753-1112, 753-1111,
факс: 753-4148.

Для заметок

Scrabble

А1 Д2 Д2

Н1 О1 У3 Я3

НАБРАТЬ НЕ МЕНЕЕ 118 ОЧКОВ

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи, помещенной в №35

f8↓ ПЕНЯ (7 очков)
g8→ ЕПИСКОП (12+7 за слово из семи букв =19 очков)
g14↓ ПРЕЛЕСТЬ (17+8 за слово из восьми букв = 25 очков)
i7→ РЯД (7 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков
Итого: 78 очков

Преферанс

Ход

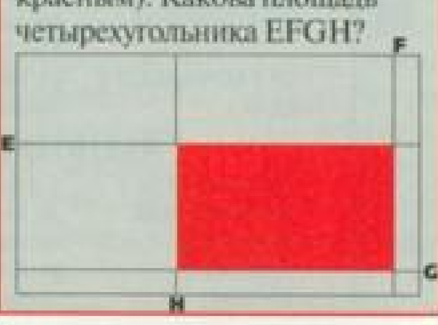
Посадить играющего

Снос

Заказ 6♠

Уголок старика Синицкого

В прямоугольнике площадью S_1 проведены две вертикали и горизонтали, которые «вырезают» меньший прямоугольник площадью S_2 (на рисунке показан красным). Какова площадь четырехугольника EFGH?

Решение задачи, помещенной в №35

Заметим, что элемент did имеет значение «много» в смысле «большой»: *многозначительный = имеющий большое значение*, а mraval — большое число: *многообразный = имеющий большое число образов*. Суффикс iani появляется в том случае, если основа заканчивается на i, а ovani — если на е. *Многосемейный = имеющий большую семью* — didoz1axiani, *многотысячный = насчитывающий много тысяч* — mravalatasiani.

Решение задачи, помещенной в №35

Сыграть за играющего свою игру

Заказ 6♠, Ход

Играющий	Вист1	Вист2
♠Т,В,10,9,8	К,Д,7	-
♣Т,Д,9	К,В,10	8,7
♦Т,10,(7)	Д,В	К,9,8
♥(В)	К,Д	Т,10,9,8,7

Играющий имеет возможность вынудить вистующих наиграть шестую взятку: 1) ♦Т, В, 8; 2) ♦10, Д, К — теперь вистующие имеют возможность прорезать трефу или ответить в бубну, разыгрывая козырей, но в любом случае не могут избежать наигрыша. Например: 3) ♦9, ♠8, ♠Д; 4) ♥К, 8, ♠9; 5) ♠9, 10, 7; 6) ♥Д, Т, ♠10; 7) ♣Т, В, 8; 8) ♣Д, К, ♥9 — своя игра. Или: 3) ♣7, 9, 10; 4) ♥К, 7, ♠8; 5) ♠В, Д, ♥8 — и вистующие, использовав последний отход в червях, неизбежно наигрывают шестую взятку.

Страница **Дмитрия Генина**

Итоги

Еженедельный журнал № 36 (222), 5 сентября 2000 года

Интернет-версия по адресу: www.itogi.ru

Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко (E-mail sparhom@7days.ru)

Заместители главного редактора Маша Липман (E-mail mlipman@7days.ru), Дмитрий Сабов

Арт-директор Аркадий Троянкер

Консультант (Newsweek) Рон Джавере

Секретариат Андрей Жарский **(ответственный секретарь)**, Владимир Орлов **(зам. ответственного секретаря)**, Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**

Отдел дизайна Виталий Колбасов **(зав. отделом)**, Алексей Афанасьев, Лидия Левина, Федор Радлов, Екатерина Родионова, Наталия Столярова

Фотослужба (E-mail foto@7days.ru) Галина Величко **(директор)**, Ирина Ирнина, Василий Максимов, Мария Олендская, Алиса Петрова, Олег Сендорев

Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**

Отдел международной жизни («Вокруг России») Сергей Строкань **(зав. отделом)**, Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор)**, Евгений Пахомов

Отдел экономики («Дело») Наталья Калниченко **(зав. отделом)**, Ирина Андреева, Ирина Розенберг, Светлана Солодовник **(редактор)**

Отдел общества («Общество») Елена Каменская **(зав. отделом)**, Татьяна Ақсери **(редактор)**, Елена Груева, Борис Жуков, Ирина Карасева **(редактор)**, Кира Ремнева, Борис Старцев

Отдел спорта («Спорт») Илья Кукин **(зав. отделом)**

Отдел искусства («Искусство», «Библиотека», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марина Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**

Служба интернет-версии Егор Быковский **(исполнительный редактор)**, Дмитрий Генин, Наталья Косарева

Координатор группы репортажей Маша Гессен

Переводы с английского Александр Богдановский

Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина

Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Елена Волгинская, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова

Бухгалтерия Оксана Журавлева, Людмила Корчагина, Светлана Родионова

Референты Ирина Костылева, Анна Лощилина, Елена Репина, Елена Черкасова, Мария Уварова

Водители Александр Жафяров, Александр Лосев

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а E-mail itogi@7days.ru, телефон (095) 753.3304

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.9384.3.00 от 06.03.2000 г.
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75587

Учредитель и Издатель ЗАО «Издательство «Семь дней» (www.7days.ru)
Исполнительный директор Артур Сеницын
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева

Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нана Цобехия **(директор)**, Ирина Мечабде **(зам. директора)**, Нина Акопян, Ольга Василевская, Светлана Долгих **(старший менеджер)**, Елена Логинова, Ирина Лютикова, Ирина Панфилова, Дина Шульговская, Инна Зайцева **(старший координатор по рекламе)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148

Служба развития производства ЗАО «Издательство «Семь дней»: Игорь Смирин **(директор)**, телефон (095) 753.4143

Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Елена Каменина **(директор)**, Татьяна Голубева, телефон (095) 195.9236

Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Матапин **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга», тел. (095) 238.4967, факс (095) 238.4634; **фирмой East View Publications,** тел. в США (612) 550.0961, факс (612) 559.2931

Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор)**, Олег Детинкин, Роман Балашов, Лев Галустов, Андрей Борщевский **(технолог)**, Татьяна Бутенко, Татьяна Захарова, Наталья Галанина, Саша Милоградова, Александр Мелешкин, Алексей Волнагорский, Владимир Сиск, Владимир Остапцев, Максим Семенов, Валерий Чик, Артем Юркевич, Андрей Юнкшев

Номер подписан в печать 1 сентября 2000 года
Отпечатано в объединении **Alprint** (Финляндия). Тираж 85 000 экз.
Цена свободная

«Торговый Дом Москва», Москва, Кутузовский проспект, 31, тел. 095.249.1520
GUCCI